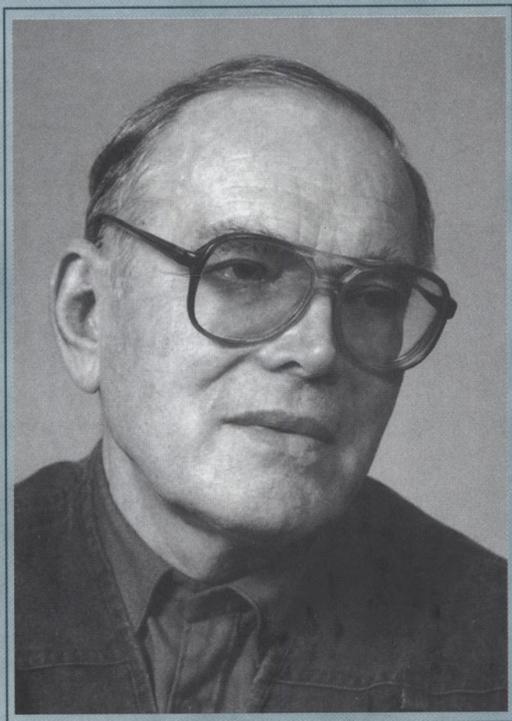

ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ

Леонард Терновский

ВОСПОМИНАНИЯ
И СТАТЬИ

Леонард Терновский

Леонард Терновский

**ВОСПОМИНАНИЯ
И СТАТЬИ**

Леонард Терновский

ВОСПОМИНАНИЯ
И СТАТЬИ

Возвращение

Москва

2006

Т35 **Терновский Л. Б.**

Воспоминания и статьи. — М.: Возвращение, 2006. — 288 с., ил.

ISBN 5-7157-0199-6

Леонард Борисович Терновский (1933—2006) родился в Москве. После окончания мединститута работал врачом на Чукотке, Камчатке, в Москве.

Участник диссидентского движения с 1968 года. С 1978 года — член «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях». Член «Московской группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР» с 1980 года.

10 апреля 1980 года арестован. За правозащитную деятельность осужден к трем годам лишения свободы. Отбывал наказание в лагере под Омском. В 1991 году реабилитирован.

Автор книг «Мне без вас одиноко...» (1997) и «Отпущенное слово» (2002).

В 2005 году награжден медалью Уполномоченного по правам человека в РФ «Спешите делать добро».

ISBN 5-7157-0199-6

ББК 84(2Рос=Рус)6

От автора

Обстоятельства торопят: мне уже не успеть не то что написать задуманное, но даже закончить начатое. Приходится обходиться тем немногим, что уже есть. В этом сборнике — мои воспоминания и статьи. Некоторые из них уже публиковались ранее.

Мне хотелось рассказать и напомнить о тех полузабытых страницах нашего еще недалекого прошлого — о 60—80-х годах истекшего века, о которых молодые имеют такое же смутное представление, как о невидимой, тыльной стороне луны. А те, что постарше, часто видят те годы сквозь ностальгическую призму. Да, в столицах была в магазинах дешевая колбаса (за которой стояли в очередях приезжавшие на электричках люди из провинции, часто из тех самых городов, где эту колбасу и сделали). Да, можно было прожить на пенсию и зарплату (позор нынешним властям, сидящим на миллиардах «стабилизационного фонда» и не дающим старикам даже прожиточного минимума, а бюджетникам платящим грошовые зарплаты!) Да, не было террористических взрывов, (они появились у нас вслед за началом наведения в Чечне «конституционного порядка»). Мы забываем, что бесплатное здравоохранение в СССР всегда было нищенским, (я, врач, сам помню, как на утренних конференциях нас инструктировали госпитализировать, в первую очередь и главным образом, работающих, и только в крайнем случае, с разрешения главврача, стариков и безнадежных больных). Молодые читают, говорят и пишут что хотят, напропалую ругая власть и считая это совершенно естественным (это и вправду естественно!). Вот только они забывают, что в наше, недавнее время за это *сажали*. Не знают (или забывают), что в советские времена

мы и помыслить не могли свободно поехать по туристской путевке в Париж, Испанию или Италию (сегодня такие поездки доступны даже для людей, имеющих средний достаток). Молодежь смутно представляет, что в Советском Союзе преследовали за религиозность (священников обязывали подавать фискальные списки тех, кто приносил крестить своего ребенка; дружинники-комсомольцы могли не пустить молодых людей на пасхальную службу). Рассказать (а кому-то напомнить) о реалиях тех лет, — вот задача, которую я ставил перед собой, когда писал статьи и воспоминания. В них только факты, и там нет никакого вымысла.

Сделав эти пояснения, я отдаю свою книжку на суд читателя.

23 ноября 2005 года

**ТЕРНИСТЫМИ ТРОПАМИ
ПЕРВОПРОХОДЦЕВ**

Воспоминания

МНЕ БЕЗ ВАС ОДИНОКО

Небольшая стопка конвертов и открыток. Но сколько воспоминаний, мыслей и чувств они во мне воскрешают!

Они написаны близким и родным мне человеком, Софьей Васильевной Каллистратовой. Человеком деятельной любви и открытого сердца. Человеком, бывшим для знавших ее высоким нравственным примером. Человеком, воистину ставшей для меня названной матерью, чьей многолетней любовью и дружбой я горжусь.

Эти письма обращены ко мне. Но каждый раз чужие, враждебные глаза читали их раньше меня. Чужие люди листали их, стремясь проникнуть между строк, выискивали скрытые намеки, быть может, делали выписки или копировали. И только потом, в распечатанном виде, отдавали их мне.

Первое из них дошло до меня в феврале 1981 года. Адрес на конверте: «Саранск Мордовской АССР. Учр. ЖХ-385/12». И красными чернилами в углу кем-то приписано: «10 отряд».

...Прошло чуть меньше двух недель, как меня привезли в этот лагерь, и я снова обрел право отправлять и получать письма. Только утром меня из карантина определили в 10-й отряд,

сегодня в первый раз вывозили на работу. И вот вечером, по возвращении в барак: — Письма! — Три сразу. От жены, от родных и третьё — от Софьи Васильевны.

...Мы познакомились, должно быть, году в 70-м. Сказалось ли тут присущее Софье Васильевне душевное обаяние? Ее деятельная доброта и несогласие мириться с чинимой несправедливостью? Некое душевное сродство? Перст судьбы? Или всё это вместе? Только очень скоро и как-то незаметно Софья Васильевна стала для меня — и для всей моей семьи — близким, своим и совершенно родным человеком.

В то время я работал рентгенологом в одной из московских клиник. Года за два до знакомства с Софьей Васильевной я вступил на диссидентскую стезю, подписав несколько правозащитных писем. До поры меня не трогали. Допросы, «беседы», обыски — все эти «предупредительные звоночки» были еще впереди.

Софья Васильевна была на четверть века старше меня. Блистательный и известный адвокат, она за свои смелые и независимые выступления на судах была лишена возможности участвовать в процессах с политической подкладкой. И тем не менее осталась «коронным» адвокатом правозащитников. Каждый из нас, у кого возникали проблемы, спешил к Софье Васильевне на огонек, чтобы там, «на Воровского», в ее никогда не запиравшейся комнате в коммуналке, услышать за чашкой чая четкий юридический разбор своего «случая», получить мудрый совет, составить нужную бумагу. И просто почувствовать столь необходимые всем нам сочувствие и поддержку.

Сочувствие и поддержка стократ необходимы в лагере. Так важно знать, что на воле о тебе помнят, беспокоятся, заботятся. И вот я достаю из конверта письмо — и теплая волна нахлынула на меня от первых же его строк:

«Дорогой мой названный сын Леонард, здравствуйте!

Горькая радость — но все-таки радость (!) читать Ваши строки после такого длительного перерыва, после полной разлуки с Вами.

Дал бы Бог мне дожить до радости встречи с Вами и с Танечкой...»

(Дожить до встречи нам довелось. Мне – в апреле 83-го. А с Танечкой – Татьяной Великановой – мы снова встретились лишь в начале 87-го, когда она, уже отбыв свой лагерный срок, приезжала из ссылки в Москву для встречи со своей безнадежно больной сестрой.)

«Я уверена, что Вы будете вести себя достойно, но благодарю. Я всегда держалась того мнения, что вернейшим способом сохранить чувство собственного достоинства является пунктуальное соблюдение всех формальных, т. е. законных правил режима».

Увы, пунктуальнейшее соблюдение правил режима часто не помогает. На собственном лагерном опыте мне не раз пришлось убедиться в этом. Стоит администрации захотеть – «постановления» и взыскания посыплются как из рога изобилия. И все-таки Софья Васильевна права – не следует заводиться или конфликтовать по пустякам. Сочетание выдержки, дисциплинированности и соблюдения достоинства в лагерных условиях оптимальны.

«Ваша Людмила держится гораздо лучше, чем я ожидала (...) Стремится всем помочь, чем только может. У нее действительно большая, добрая, отзывчивая душа...»

(Я знаю, это воистину так. Дай, Боже, тебе сил и терпения, моя милая!)

«Много хотелось бы сказать Вам, но... Вы знаете, я не умею писать писем! Посидеть бы за моим столом, попить бы чайку, поговорить бы... Я бы на Вас за что-нибудь покричала, поругала бы, как мать ругает непокорного и слишком самостоятельного сына (...) Но ведь это была всегда ругань с любовью в сердце, а не со злобой.

Целую Вас крепко, обнимаю от всего сердца. Всегда душой с Вами.

Ваша мама-Соня».

Вот и получены первые письма. Прошел еще день из отмеренного мне трехлетнего срока. Позади суд, этап, карантин, и наконец-то я прибыл на место. Вот он – мой барак, вот – моя бригада. Завтра-послезавтра предстоит знакомиться, свыкаться с окружающими людьми. Какая это в большинстве своем молодежь! В сыновья мне годятся. Вот – ряды коек в два этажа. Ту, верхнюю, отвели мне, на ней сегодня мне

предстоит спать. А вон в головах тумбочка. Ее верхняя половина — моя. Туда я сейчас положу полученные письма, вот только перечту их еще раз. Я радуюсь, что родные и друзья уже знают, где я, что между нами уже протянулась тоненькая ниточка.

Я не догадывался в тот миг, что вижу всё это в последний раз. Что поздно вечером меня снова «дернут» на этап и оборвут тонкую ниточку, и снова «столыпиним» повезут в Москву, в тюрьму «Матросская тишина». Ибо в лагерь я был отправлен неправильно, до вступления приговора в законную силу. И до самого кассационного разбирательства, на которое меня все равно не вызовут и которое, разумеется, подтвердит мой приговор, мне предстоит сидеть в уже знакомой мне «Матросской тишине». А там меня опять повезут «столыпиним» в другой лагерь, который тоже окажется не последним в моей судьбе.

Новый адрес: г. Тольятти. Учр. УР-65/8-3. Июнь 81 г.

«Дорогой мой Леонард!

Ужасно рада Вашему письму (...) Письма Вы пишете чудесные. Очень Вы похожи на нашу Танечку. Всё у Вас хорошо или в крайнем случае “нормально”, и полны Вы заботой о других, о близких, только не о себе. Впрочем, не случайно же Вас все любят».

И дальше:

«Между прочим, несмотря на оптимизм Ваших писем, хорошо понимаю, что Вам трудно».

В том же письме весьма благонамеренная декларация:

«...я человек дисциплинированный и законопослушный, и так как я хочу, чтобы Вы получали все мои письма, то буду строго ограничивать их содержание делами семейными (включая и семьи близких друзей)».

А спустя пару страниц — и сам рассказ про эти «семейные» новости:

«Верочке привет Ваш передала, а вот ее мужу не хочется ничего передавать ни от себя, ни от Вас. Ведет он себя по отношению к жене и близким друзьям не очень порядочно (...) По-человечески его можно понять и по-христиански простить, но прежнего теплого отношения к нему уже нет».

Другое дело Толя К. — он хотя фактически и бросил жену с тремя детьми, но, как Вы знаете, его упрекнуть ни в чем нельзя,

и судьба у него нелегкая. Я мало знала Анатолия, и вряд ли удастся мне с ним снова встретиться. Но всегда сохраню к нему приязнь и уважение».

Все понятно, Софья Васильевна. Жаль только, что новости Вы сообщаете нерадостные. Что арестован «муж Веры» (мой сотоварищ по «Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях»), я догадался еще по предыдущему, первому письму, прочтя, что *«Верочка очень скучает без мужа»*. Только не ожидал я, что он не выдержит, поддастся, сломается (наговаривает на друзей? кается? — как иначе понять — *«ведет себя непорядочно?»*).

Зато Толя (Корягин, другой член «Рабочей Комиссии», врач-психиатр) — молодец. Ясно, что он тоже сел (раз — *«фактически бросил жену с тремя детьми»*). Но он не сдастся, держится.

Но вот — совсем непонятные строки:

«Помните, мы обсуждали (и даже спорили) применение Указа 1972 г. Но я тогда спорила неразумно, т. к. текста Указа не читала. На днях я подробно ознакомилась с текстом и все свои возражения снимаю, — соглашаясь с Вами».

Какой Указ? Не помню, чтобы мы о каком-то Указе спорили. Долго, очень долго я ломал над этим голову. И только много времени спустя я понял Софью Васильевну. Указ 72-го года давал право Прокуратуре и КГБ делать официальные предупреждения гражданам об «антиобщественном» характере их деятельности. Когда-то такое «предупреждение» делалось и мне. *«На днях я подробно ознакомилась с текстом Указа...»* — могло означать лишь то, что и Софье Васильевне сделано такое «предупреждение». Недобрый симптом.

Еще одна прогулка по этапу. И вот я уже в Омске — заключенный учреждения УХ-16/8. На сей раз — до конца срока.

На новом месте в августе и в ноябре от Софьи Васильевны — короткие открытки.

Она жалуется на *«непонятный психологический “зажим” — не могу никому писать. Не пишу даже Танечке»*.

Декабрь 81-го. Еще одна открытка — новогодняя. И посреди поздравлений и пожеланий:

«Спасибо за Ваше теплое (даже горячее!) сыновье письмо. Правда, обстоятельства сложились так, что я едва успела его прочесть, а хотелось бы еще и еще перечитывать».

«Едва успела прочесть» и не имеет возможности перечитать снова. Мне ли не понять, каким образом у правозащитников исчезают самые невинные бумаги?! Декабрьский обыск был у Софьи Васильевны третьим за год. Грозное предзнаменование! И было «предупреждение». И были допросы. Все это так часто предшествует аресту.

За что же всеисильная власть так круто ополчилась на Софью Васильевну – вышедшую на пенсию, очень больную, почти семидесятипятилетнюю женщину? Конечно, не только за ее прошлое участие в политических процессах. Не только за ее домашние консультации правозащитников. А за то, что как раз в это время Софья Васильевна – своим словом и пером – встала поперек дороги творящей произвол и беззакония власти.

За несколько лет до того, весной 76-го, Софья Васильевна ушла на пенсию. Но не на покой. Ибо после ухода с работы для Софьи Васильевны пропал резон бюлести формальное неучастие в правозащитном движении. Ведь возможность профессиональной защиты в суде несправедливо преследуемых все равно была утрачена. И не случайно, что как раз с этого времени Софья Васильевна открыто и окончательно связала себя с движением за права человека.

Перечислю – кратко и неполно – важнейшее из того, что сделала Софья Васильевна на разных этапах своего участия в «движении». До выхода на пенсию Софья Васильевна выступала в ряде политических процессов – защищала В. Хаустова, В. Делоне, И. Яхимовича, Н. Горбаневскую, генерала П. Григоренко. Это она спасла тюремные дневники объявленного сумасшедшим генерала. Это она передала В. Буковскому несколько актов судебно-психиатрических экспертиз своих бывших подзащитных. Тех актов, без которых было бы бессмысленным обращение Буковского к зарубежным психиатрам, положившее начало борьбе со злоупотреблениями психиатрии в СССР.

Об этих отважных поступках Софьи Васильевны в борьбе с судебным беззаконием и психиатрическим террором, поступках, за которые она рисковала поплатиться не адвокатской карьерой, а головой, до недавнего времени приходилось молчать.

А помощь Софьи Васильевны академику Сахарову? Кто хотя бы слышал о ней? До ссылки в Горький Андрей Дмитриевич получал множество писем с жалобами на притеснения и преследования, с мольбами о помощи от людей, отчаявшихся найти справедливость в официальных советских учреждениях; он буквально тонул в этих письмах. По просьбе Андрея Дмитриевича Софья Васильевна в течение полутора лет разбирала эту «жалобную» корреспонденцию и подготавливала ответы на них.

Но, несомненно, первейшее и главное – пятилетнее активное и самоотверженное участие Софьи Васильевны в работе московской группы «Хельсинки» – почти от ее начала и до самого конца.

Эта общественная группа была создана профессором Юрием Орловым в мае 76-го. Идея ее проста. Подписав Хельсинкские соглашения, СССР принял на себя ряд обязательств, в частности – по соблюдению в нашей стране прав человека. Группа ставила целью способствовать выполнению Советским Союзом этих обязательств. Для этого группа «Хельсинки» составляла документы по всем ставшим ей известным случаям нарушений прав человека в СССР и делала их достоянием гласности.

Что привело Софью Васильевну в группу «Хельсинки»? Думаю, прежде всего, тот нравственный императив, который заставляет защищать гонимых, а не преследовать их. То подлинное уважение к праву и закону, которое группа стремилась привить всем согражданам, на какой бы ступени общественной лестницы они ни стояли.

К отстаиванию провозглашенных – но попираемых – прав наших соотечественников можно отнести всю деятельность Хельсинкской группы. Могла ли остаться в стороне Софья Васильевна – защитник по призванию, адвокат «милостью Божьей»? Ведь по внутренней сути своей профессии истинный адвокат – непременно ПРАВО-ЗАЩИТНИК.

Группа «Хельсинки» всегда действовала открыто и в рамках закона. Но опасное это занятие – отстаивать правовые принципы в неправовом государстве. Принятые в Хельсинки обязательства в гуманитарной сфере наши власти времен «застоя» и не думали выполнять. Разоблачения группы были для них как кость в горле.

Сознавала ли Софья Васильевна весь риск своего вступления в «Хельсинки»? Еще бы! В то время, когда она окончательно вошла в группу, уже были арестованы ее основатель Юрий Орлов и ее члены — Александр Гинзбург и Анатолий Щаранский, а Людмила Алексеева под угрозой неизбежного ареста была вынуждена эмигрировать. И в дальнейшем группа оставалась на острие репрессий. Угрозы, допросы, обыски. В конце 77-го одному из основателей группы, генералу Григоренко, было дано разрешение поехать для хирургического лечения в США. Но вернуться не дали — как только он с женой уехал в Штаты, то почти сразу был лишен гражданства.

В 78-м году был осужден Владимир Слепак; в 79-м году — арестован Виктор Некипелов. В марте 80-го к пяти годам ссылки была приговорена шестидесятидвухлетняя Мальва Ланда.

— Всех нас скоро пересажаяют, — сколько раз слышал я от Софьи Васильевны. Так неужели она сама стремилась к этому? Нет. Разумеется, нет. Но тогда в чем же дело? А в том, что существуют такие старинные понятия, как честность мысли, гордость, человеческое достоинство. И они в огромной мере были свойственны Софье Васильевне. Честность не позволяла обманывать себя, оправдывать обывательскими трюизмами молчаливое потворство творимому беззаконию. А гордость и достоинство не позволяли капитулировать перед угрозами.

...Писем я получал много. И не только от Софьи Васильевны я мог догадываться о том, что происходило на воле. Уже в заключении мне стало известно о новых арестах членов нашей «Хельсинки» — Тани Осиповой, Вани Ковалева, Феликса Сереброва. Кто следующий?

В ноябре 81-го я впервые получил личное трехсуточное свидание с женой и дочерью. Вот тут-то я узнал в подробностях обо всем и обо всех. И об — увы! — сгущавшихся над головой Софьи Васильевны тучах.

Вскоре я написал ей большое письмо. Его-то в числе прочих бумаг и загребли у нее на декабрьском обыске. Было жаль письма, но беды тут никакой не было. Письмо шло через цензуру и не содержало в себе ни малейшего криминала. Мне

просто хотелось своим письмом поддержать Софью Васильевну в ее трудных обстоятельствах, сказать, как я — и все мы — ее любим, выразить хотя бы отчасти, что она для меня значит!

Софья Васильевна, по памяти, разумеется, ответила на то мое отнятое письмо в январе:

«Вы, как всегда, меня переоцениваете и преувеличиваете мои достоинства (и этим ко многому, кстати, меня обязываете!). А я — в общем-то старая и не очень здоровая женщина и пессимистка к тому же. Вот если придется проехаться, например, к Мальве в гости (а к этому дело идет), то вряд ли мне это будет по силам (я имею в виду физические силы)».

«Преувеличиваете мои достоинства и этим ко многому меня обязываете». Неужели же Вы, Софья Васильевна, настолько не поняли мое письмо?! Разве я пытался к чему-то «обязывать» Вас? Разве я не понимаю, что то, что по плечу нам, мужчинам, к тому же относительно молодым, для Вас — непосильная ноша? Мальва — в ссылке, и ей там тоже нелегко, а ведь она на одиннадцать лет моложе Вас. Вам не то что до ссылки не добраться, но и ареста не перенести. Вы выйти из дома одна не в состоянии. Помню, я как-то провожал Вас в сберкассу. Пути-то всего до угла, но за те полчаса Вы раза три глотали нитроглицерин. Зато упорно не позволяли вести себя под руку. А восемнадцать ступенек до площадки лифта (вот они, старые дома!) каждый раз были для Вас серьезным испытанием.

«Умудрилась схватить воспаление легких. (...) На днях была на рентгене. Там без Вас как-то неуютно. Суждено ли мне снова увидеть Вас если не там, так где-нибудь в другом месте? (...) На днях говорила по телефону с тетей Зиной и ее мужем».

(Перезову: с Зинаидой Михайловной и генералом Григоренко, а звонили они из Штатов.)

«Они скучают до слез (буквально). Вам шлют персональный привет. Остальные приветы от родственников Вам, очевидно, передает в письмах Людмила».

Да, не позавидуешь горькой доле изгнанников. А что слышно о наших «горьковчанах»? Почти в каждом письме Вы передаете мне приветы «от Люси и Андрея» (читай: от Сахарова и его жены), — значит, связь с ними пока не совсем потеряна. (Участие в моей судьбе Сахарова не ограничивалось

«приветами». Уже после выхода из заключения я узнал, что и запертый в ссылке Андрей Дмитриевич продолжал выступать за освобождение «узников совести», в числе других называя и мою фамилию.)

«Ради Бога, ведите себя спокойно и мудро. Целую Вас, очень хочу верить, что у Вас еще будут светлые дни».

На это письмо я ответил сразу. Я написал Софье Васильевне, что когда через год с небольшим выйду на волю, я очень хочу увидеть ее в Москве, обнять и расцеловать. Что ей надо всерьез заняться здоровьем, что для этого ей надо оставить все прочие дела и «уйти на пенсию». Что никто не вправе, зная ее возраст и состояние, упрекнуть ее за это. Я просил не поддаваться хандре и пессимизму и снова ей, пенсионерке, повторял совет — «уходить на пенсию».

«Ваше письмо от 31/1 получила только что и так растрогалась от выражения Вашей любви и заботы, что отвечаю с ходу. Мою хандру Вы несколько преувеличиваете. Не так уж я подавлена, как это показалось Вам по моим последним письмам. Ваши советы, наверно, разумны с общежитической точки зрения. Но у меня своя точка отсчета, и “на пенсию” сейчас я не пойду. Не потому, что боюсь чьего-либо осуждения, а потому что в моем возрасте самое важное это — остаться самой собой. Слишком близко и неразрывно душой я связана с людьми, которые сейчас на пенсию уйти не могут. Я спокойна за себя, пока я хоть сколько-нибудь (к сожалению, очень немного) могу помочь людям. А кроме этого, никаких целей себе не ставлю».

Но дальше опять о «жизненной усталости». И — «обстановка с тех пор, как мы с Вами расстались, очень изменилась».

Да, понимаю. Изменилась и посуровела. Кто остается еще на воле из нашей «Хельсинки»? Вы, Елена Георгиевна, Наум Мейман? Сколько продлится еще ее агония?

И все-таки я не представлял, насколько всё было беспросветно. Не знал, что Мейман (у которого умерла от рака жена) поотошел от практического участия в работе группы. Что «Хельсинки» из последних сил тянут две пенсионерки, две очень больные самоотверженные женщины, одна из которых вынуждена разрываться между Горьким и Москвой, а другая почти не в состоянии одна выйти из дома. Что на них обеих уже стряпают уголовные дела, — а они между тем продолжают

составлять документы о несправедливых осуждениях других, выступать в чью-то защиту.

Они везли этот воз всю зиму 82-го, и весну, и лето. Но двое ли, трое — это только два или три человека, это, в сущности, уже не группа. Положим, люди, готовые пополнить ее (как я слышал), еще имелись. Но принимать новых членов становилось все более невозможным нравственно. Ибо каждый принятый в группу становился верным кандидатом на скорый арест, с неотвратимостью обрекался жерновам тюрем и лагерей.

Последние «хельсинкцы», сколько можно — и сверх того, — старались оттянуть неизбежное. И, наконец, в сентябре 1982 года был составлен последний документ группы. В нем говорилось, что в обстановке непрекращающихся репрессий, когда почти все члены группы арестованы и осуждены, нет больше никакой возможности продолжать ее деятельность. Что Хельсинкская группа поэтому прекращает свою работу.

«26/Х-82 г. Не сердитесь на меня, ради Бога, милый Леонард! Все эти месяцы у меня состояние было очень неопределенным и решительно не писалось. Теперь неопределенность стабилизировалась, и я вынуждена последовать Вашему совету и уйти на пенсию.

Я всегда люблю и помню Вас и считаю дни до нашей встречи».

Что это за «неопределенность» и как она «стабилизировалась», я узнал в подробностях, только когда весной 83-го вышел на волю. Узнал, что «за клевету, порочащую советский строй», против Софьи Васильевны было возбуждено уголовное дело. По этому делу ее несколько раз вызывали на допросы. Добираться без чьей-либо помощи в следственное управление Софья Васильевна уже не могла. Поэтому кто-то из родных, друзей или моя Людмила отвозили ее туда на такси, провожали до дверей следственного кабинета, а после допроса отвозили домой. Следствие («неопределенность») тянулось несколько месяцев. Дело не прекратили даже после самороспуска «Хельсинки». И только в самый последний момент, во время ознакомления Софьи Васильевны с материалами дела (которое предшествует его направлению в суд), оно было «приостановлено». Но не закрыто. То есть могло быть возобновлено в любой момент и по любому поводу.

Или без повода. Под этим занесенным над ее головой топором Софье Васильевне предстояло ходить еще шесть лет. Уже в разгар «перестройки» она получила извещение из Прокуратуры, что ее дело прекращается — «в связи с изменением обстановки и утратой совершенными ею действиями общественно опасного характера». То есть что преступление Софья Васильевна, конечно, совершила, но сегодня блюстители закона готовы ее — в духе «нового мышления» — великодушно простить.

Это словоблудие Софья Васильевна отвергла с порога. Она письменно заявила Прокуратуре, что с подобной формулировкой прекращения дела она категорически не согласна. Что ничего противозаконного она никогда не совершала. Что документы и заявления, подписывавшиеся ею, носят правдивый, а не клеветнический характер. Что она намерена доказать свою правоту и требует в этой связи открытого судебного разбирательства.

Прокуратура очутилась в незавидном положении. Согласиться на проведение процесса она не могла. В свете ставших общеизвестными фактов суд по «делу» Софьи Васильевны не только подтвердил бы полную несостоятельность обвинения. В новых условиях гласности он мог привести в разоблачению самих «органов».

Оставалось одно — признать правоту Софьи Васильевны и тем избежать открытого разбирательства. Что и было сделано. Заместителем прокурора г. Москвы Софье Васильевне был отправлен новый ответ, что ее дело прекращается — на этот раз — «за отсутствием состава преступления».

Так была поставлена завершающая точка. Софья Васильевна одержала победу, выиграв последний процесс — по своему собственному делу. Реабилитирующее постановление Прокуратуры Софья Васильевна получила в декабре 88-го, меньше чем за год до своей смерти.

Я думаю: что спасло Софью Васильевну от гибели в смрадной пасти ГУЛАГа? В высшем смысле, несомненно, Провидение. Есть сходство между человеком и его судьбой, — об этом в одном из писем писала мне Софья Васильевна. И было бы едва ли не святотатством, если бы Софью Василь-

евну — нашу земную Заступницу — не оградил от погубления незримый Покров. Но спасение не приходит само, «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11, 12). И, спустившись ступенькой ниже, можно разглядеть тому и ряд земных, вполне человеческих причин.

Кто и чем помог Провидению в это критическое для Софьи Васильевны время? Многие из ее окружения с риском для себя бросали свои малые лепты на колеблющиеся чаши весов. И каждый раз эта лепта могла оказаться решающей. Но все-таки главное смогла сама Софья Васильевна — своим стоицизмом, решимостью пойти хоть на гибель, но не отречься от самой себя.

Ее спасло не то, что она женщина, — славные «рыцари»-чекисты храбро воюют с ними так же, как и с мужчинами; процессы Т. Великановой, Т. Осиповой, М. Ланды и многих — наглядное тому подтверждение.

Не семидесятипятилетний возраст, — совсем незадолго до того советский суд не постыдился приговорить восьмидесятитрехлетнего адвентистского проповедника Владимира Шелкова к пяти годам строгих лагерей, где он вскоре и умер.

Не известность — у нас или за границей — у академика Сахарова, например, она была несравненно большей.

Так что же помешало «органам» расправиться с Софьей Васильевной? Пожалуй, тут сказалась уголовная психология КГБ. Его сотрудников не проймешь жалостью, им дела нет до твоей правоты, но силу они отчасти уважают! Да, если им прикажут, они схватят и того, кто их не боится, накинутся — вдесятером на одного — и на того, кто им не поддается. Но с особой охотой они бьют лежачего.

О, если бы «работавший» с Софьей Васильевной следователь учуял бы слабину! Если бы комитетчики надеялись, запугав и посулив снисхождение, вырвать у нее покаяние!

Но своей неуступчивой решимостью Софья Васильевна поставила КГБ перед ясной дилеммой: либо спустить ее дело на тормозах, либо — брать, судить и сажать. Чтобы потом расплачиваться еще одним громким скандалом, расхлебывать позор судебного убийства больной и старой женщины. А возможный баланс плюсов и минусов Комитет все-таки подсчитывал.

Изо всех друзей и знакомых Софьи Васильевны именно я — по обстоятельствам — ничем не мог ей помочь. Но я был уверен: Людмила и мои друзья никогда не оставят ее в беде, поддержат и сделают все, что только в их силах, чтобы уберечь и спасти. Что так это и было, подтвердили первые же письма Софьи Васильевны:

«Саша и Имочка трогательно внимательны и заботятся обо мне неустанно. Я уже не говорю о Людочке. Каждый день, как на врачебном обходе в клинике, я слышу ее голосок: “Как Вы себя чувствуете?”» (июнь 81 г.).

Но что в этом примечательного? Моя Людмила и друзья — Александр Недоступ и Имма Софиева — врачи. Кому, как не им, печься о здоровье своей давней и доброй знакомой и пациентки, навещать ее, дарить заботой и вниманием? Но привычная ненормальность реалий тех лет искажала и смешала понятия, колебала и опрокидывала естественные человеческие оценки. Слава Богу, что мы начинаем сегодня забывать об этом. А тогда чрезмерная (с точки зрения властей) забота о преследуемом ими человеке расценивалась как нелояльность. И обстоятельства госпитализации серьезно больного, но неудобного «органам» человека могли стать не только предметом служебного разбирательства, но и повлечь «оргвыводы». И иные врачи — увы! — делали из этих обстоятельств свои выводы.

Мои друзья умели подавить естественную боязнь за себя (именно в преодолении чувства страха и состоит, по-моему, подлинное мужество). И, пренебрегая возможными последствиями, поступали так, как должно. При всяком ухудшении здоровья Софьи Васильевны они спешили к ней, организовывали электрокардиограмму на дому, назначали лечение, давали советы и рекомендации. И всегда, когда было нужно, без колебаний помещали Софью Васильевну в ту или другую клинику, где работали. Снова и снова с гордостью за них я читал в письмах Софьи Васильевны:

«Саша меня не забывает» (ноябрь 81 г.).

«Имочка и Саша меня лечат синхронно и успешно» (январь 82 г.).

Весна, начало лета 82-го. Едва ли не разгар следственно-кагэбэшной кампании против Софьи Васильевны. Напряжен-

ная, нервная атмосфера, тут может сдать и молодой, здоровый организм.

«Почти полтора месяца провалялась в больнице (на этот раз в 70-й...)» — (значит, у Иммы).

«...и как водится, мне “пришли” новый диагноз — хроническая пневмония.

Сейчас я на все лето уехала из Москвы и, если ничего не стряется, вернусь только в сентябре» (июнь 82 г.).

Эта полуторамесячная передышка, несомненно, помогла Софье Васильевне еще раз собраться с силами. А может быть, и остудила немного азарт следовательской гоньбы. Перед выпиской Имма составила развернутую медицинскую справку, где были подробно и скрупулезно перечислены все заболевания Софьи Васильевны, сказано об очень плохом состоянии ее здоровья. Эта выписка, отданная следователю, наверное, тоже подтолкнула инстанции к решению «приостановить» дело.

Медицинская опека моих друзей над Софьей Васильевной продолжалась до самого конца. Именно в палате, смежной с кабинетом Александра Викторовича, Софья Васильевна и умерла от рака в декабре 89-го года.

...А моя Людмила? Она в те годы лечащим врачом уже не работала. Но постоянно следила за здоровьем Софьи Васильевны и, часто заезжая к ней, старалась чем могла помочь по дому. А когда ее тоже вызвали на допрос по делу Софьи Васильевны, она отказалась отвечать на вопросы следователя. И письменно заявила, что, хорошо зная Софью Васильевну как безупречно честного человека, убеждена, что она неспособна к клевете. Что ей, как врачу, доподлинно известно критическое состояние здоровья Софьи Васильевны; что арест, заключение или ссылка, безусловно, окажутся губительными для нее.

Приближался конец моего трехлетнего срока. На последнем личном свидании с Людмилой мы обсуждали планы моего жизнеустройства после освобождения. Помню, я говорил, что хотя мой образ мыслей не изменился, — я хотел бы «остановиться, оглянуться», сделать паузу в своей общественной активности. Но декларировать это намерение — во всяком случае, перед властями — я не собирался. Вышло иначе.

В самом начале 83-го по намекам в письмах жены я понял, что моих сотоварищей по правозащитному движению — Валерия Абрамкина и Вячеслава Бахмина — не выпускают по окончании срока. Что им «шьют» дутые лагерные дела. По множеству признаков я все явственнее видел, что такая перспектива вырисовывается и для меня.

В этих обстоятельствах мне показалось нелишним дать понять лагерному начальству, что свою правозащитную деятельность я возобновлять не намерен. Но как? Не идти же с этим на прием?

И вот в своих подцензурных письмах (в том числе и к Софье Васильевне) я написал, что собираюсь впредь жить частной семейной жизнью, избегая всякой «общественности».

Софья Васильевна поняла и не осудила меня. В середине февраля я получил от нее последнюю открытку:

«Дорогой Леонард! Получила Ваше разумное письмо от 23/1. Ваши планы о спокойной семейной жизни полностью одобряю. Надеюсь, что апрель будет теплым и ласковым и Вы будете в старинном русском городе Рязани. Целую. С. В.»

Апрель не обманул наших ожиданий. Но опасно давать дьяволу даже мизинец. Сделанная — казалось бы, незначущая! — уступка часто влечет следующую. Мне удалось удержаться от худшего, но письменные заверения в том, что я не буду впредь заниматься правозащитной деятельностью под недвусмысленной угрозой нового срока мне дать «инстанциям» все-таки пришлось. Но это уже иная тема.

После освобождения, бывая наездами в Москве, я часто виделся с Софьей Васильевной. В 1986 году меня, наконец, прописали к семье и я смог по-настоящему вернуться домой. А вскоре наступили новые времена.

Помню, каким счастьем было для Софьи Васильевны освобождение Сахарова, а вслед — и других узников совести; как печалилась она, что Толя Марченко — да и не только он! — не дождался чаемых перемен.

Как радовалась публикациям в журналах бывшего самиздата и, наконец, — подумать только! — самого «Архипелага». Как досадовала на непоследовательность и противоречивость процесса перестройки.

Еще были дни рождения «на Воровского» со множеством гостей. Были хлопоты по делу погибшего в 1973 году Илюши Габая, увенчавшиеся его посмертной реабилитацией. Были статьи Софьи Васильевны в «Московских новостях» и в журнале «Родина». Были ее выступления на конференциях «Мемориала», на «Московской трибуне», на вечерах правозащитников. Как ее слушали! Удивительная молодость духа отличала Софью Васильевну даже в старости. Но жизнь ее неумолимо катилась к своему концу...

Сегодня мне самому под шестьдесят. И, оглядываясь назад, я вижу, что все выпавшие на мою долю невзгоды с лихвой вознаграждены счастьем многолетнего и близкого общения с Софьей Васильевной, ее неизменной дружбой и любовью.

...И вдруг мне бросается в глаза неприметная прежде фраза. В короткой поздравительной открытке к моему дню рождения. Всего десять слов. Они притягивают меня и словно светятся внутренним светом. Как я мог не замечать их раньше?!..

Они будят во мне давнишние воспоминания; воспоминания смешиваются и переплетаются с нынешней явью, с моими сегодняшними мыслями и заботами. И причудливой фантазмагорией проходят перед внутренним взором.

...Вот я опускаю в автомат «двушку», набираю номер, который помнил наизусть все свои три лагерных года.

— Софья Васильевна!

Я сразу чувствую, что сегодня она в добром настроении. Потому что, узнав мой голос, говорит в трубку не усталое «Слушаю», а радужное «Эге!»

— Я забегу?

— Забегайте.

Арбатская площадь. Пройдя почтамт и завернув за угол, я издали вижу светящийся фонарь окон второго этажа. Поднимаюсь. Звоню. Кто-то открывает мне дверь, и я иду вправо-вперед по короткому коридору. Стучусь, прохожу в комнату. Софья Васильевна за пасьянсом в своем любимом кресле. Я подхожу, наклоняюсь и прикасаюсь губами к ее щеке.

— Здравствуйте, Леонард, — слышу я знакомый, с хрипотцой голос заправской курильщицы. — Сейчас будем пить чай и беседовать.

– Ну, что нового у вас?

Что нового? Мы дожили, наконец, до новых времен. Жить и сегодня нелегко, хотя трудности нынче иные. Мы говорим, пишем и читаем что хотим, и сажать нас за это пока вроде никто не собирается. Зато я не смог бы сегодня купить для Вас в Новоарбатском гастрономе не то что творожных сырков или ряженки, но даже сыру, даже конфет или печенья к чаю. Сигареты – и те по талонам. Хотя нас всегда больше волновал хлеб духовный.

– А наша Оля, ваша крестница, третий год в Америке. Прошлой весной мы с Людмилой отправились к ней в гости. Илюше, нашему внуку, уже пятый год.

– У Тани Осиповой и Вани Ковалева – дочка. Я был у них в Нью-Йорке. Вместе с Ваней заезжал к тете Зине, ей тяжело жить без нашего генерала, она тоскует и часто вспоминает вас.

– А Андрея Дмитриевича уже нет с нами. Последний раз я видел его за неделю до его смерти, на ваших похоронах. Он так тепло говорил о вас...

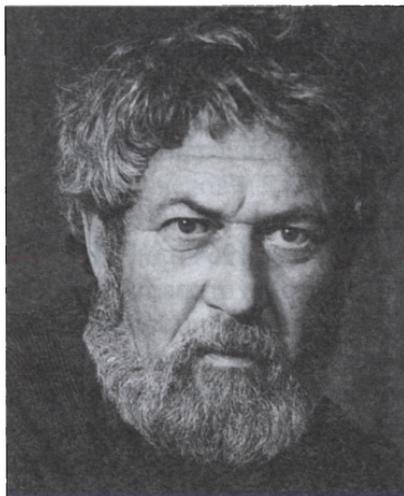
– А на днях мы – родные и друзья – заезжали к вам на Востряково. Ваши верные доктора – Саша и Имма – тоже были с нами. Люда Алексеева как раз приехала из Вашингтона. Все вместе мы постояли немного у ограды и положили цветы на вашу могилу..

Боже! Почему только мысленно я могу встретиться с вами?! Почему нельзя увидеться, поговорить, ну, хотя бы помолчать вместе?

Тогда, в 1981 году, Вы написали мне... сегодня я возвращаю вам ваши слова: *«Еще остались друзья, но все равно мне без вас – одиноко».*

Декабрь 1990 года

СТАРЫЙ ПИРАТ

Как на гигантских качелях — судьба то возносила его ввысь, то низвергала в преисподнюю...

Детские годы в семье входящего в высшие советские круги видного военачальника. И — с четырнадцати лет — круги тюремно-лагерного ада в звании «сына врага народа». Хрущевская оттепель, возвращение доброго имени, историко-архивный институт, начало общественной деятельности. И — после свержения Хрущева — попытки властей реанимировать в стране сталинский дух, начало новых политических процессов. Всплеск правозащитного движения. На его шумной волне — с открытым противостоянием, заявлениями, демонстрациями, судами и рассказами о них, звучащими по всем «голосам» — пришла, казалось, всемирная известность. И в 1972 году — ледяным душем — новый арест, следствие, угрозы и шантаж, а затем — капитуляция, отречение, суд и застревающие в горле слова телепокаяния.

По тяжелой 70-й статье — ссылка в пристольичную Рязань, скорое «великодушное» прощение властями и возвращение в Москву. Горькие встречи — и невстречи — с пребывавшими

на свободе людьми, многие из которых отвернулись от падшего сотоварища.

И еще почти десять лет на обочине того общественного движения, у истоков которого стоял, одним из зачинателей которого был. И от которого сам безвозвратно отделил себя малодушным отречением.

И, наконец, в 1982 году итожащая смерть.

Так чем же мы помянем сегодня Петра Ионовича Якира?

...Впервые я увидел его читающим лекцию на тему «культ личности», должно быть, в 1964 или 1965 году. Лекция поразила меня своей прямоотой и открытостью, — тогда о жертвах сталинщины нас опять приучали говорить обиняками и фигурами умолчания.

Помню кем-то заданный вопрос:

— Как относился к Сталину командарм Якир?

И ответ Петра Ионовича:

— Может быть, я плохой сын, но я должен признать ограниченность и слепоту моего отца в отношении своего убийцы. В последний миг перед расстрелом он воскликнул: «Да здравствует товарищ Сталин!»

В следующий раз случай напомнил мне о Петре Ионовиче ранней весной 68-го, когда я работал врачом на далекой Камчатке. Из передачи «Голоса Америки» я услышал вдруг про «Обращение к деятелям науки, культуры и искусства», подписанное Ильей Габеем, Юлием Кимом и Петром Якиром.

В «Обращении» выражалась гражданская озабоченность опасностью возрождения сталинизма в нашей стране и приводились убедительные примеры реального существования такой опасности. «Обращение» призывало и предупреждало: если мы не возвысим голос против судебных расправ над людьми, отстаивающими независимые убеждения, не будем добиваться возвращения несправедливо осужденных, то с нашего молчаливого попустительства «может наступить новый 37-й год».

Не столько содержание «Обращения» поразило меня, — сами мысли были очень созвучны моим. Но поразила смелость его авторов — в то время открыто порицать действия наших властей решались немногие. Подумалось: что теперь будет с ними?

По-настоящему я познакомился с Петром Ионовичем и его семьей по возвращении в Москву в мае 1968 года. Это было рубежное время. Еще доносились до Москвы пьянящие запахи «Пражской весны», но уже изготавливались для стремительного марш-броска наши танки. Многие предчувствовали это, но так не хотелось этому верить!

Помню, я спросил Петра Ионовича (дело было после грозного Варшавского заявления руководителей соцстран): «Что, если ОНИ отыщут среди чехов несколько мерзавцев, которые, как в 1956 году в Венгрии, “пригласят” наши войска?» (Увы, я попал в точку.) «Нет, — ответил мне Петр Ионович, — они не решатся еще раз повторить такое». (Увы, он «промахнулся» в тот раз. Решились).

Чехословацкая акция вмиг изменила и сделала суровой атмосферу внутри страны. Почувствовав, что шутки кончились, поутихли и присмирели иные из недавних либералов. Не то было в кругу Петра Ионовича, в его квартире возле метро «Автозаводская», — «на автозаводе», как обычно мы ее называли. «Автозавод». Наверно, для многих правозащитников он олицетворяет молодость нашего движения. Это был открытый дом, общественный клуб, куда люди — знакомые и малознакомые — шли и шли: за новостями, за вольным словом, ради общения. Это был и правовой ликбез, и школа гражданственности. Здесь составлялись и подписывались письма в защиту очередных жертв произвола. Это был и библиотечный абонемент, и читальный зал. Здесь под стрекот машинки люди читали с листа — и уносили — только что составленное обращение. Приносили — или уносили — свои и чужие статьи, очередной номер «Хроники», стихи, романы и эссе начинающих или известных писателей и публицистов, неизвестными путями попавшие в самиздат.

Кто только не побывал здесь! И будущие демонстранты на Красной площади, и генерал Григоренко, и поэт Наталья Горбаневская, и Илья Габай, и Анатолий Якобсон, и Владимир Буковский, и Александр Галич...

И все это — в многолюдной толчее, в клубах сигаретного дыма, между застольями и импровизированными концертами Юлия Кима.

И посреди этого гудящего улья — в затрапезе — в ореоле своей легендарной судьбы, хозяин дома, цыганского вида, невысокий, тогда уже полнеющий человек, с буйно вьющейся копной когда-то черных, но сильно поседевших волос, с пронизательными, умными глазами, с широкой, тоже седеющей бородой (впрочем, в 68-м году бороды еще не было).

В чем состояла собственная, личная роль Петра Ионовича в демократическом движении?

Автором правозащитных писем и обращений он, насколько мне известно, почти никогда не был. Думаю, что в большинстве случаев он не был и их инициатором. Но был их катализатором. Они сами росли в атмосфере «автозаводской» вольницы. Петр Ионович прочитывал их и, присоединяя к документу в числе других и свою подпись, добавлял к письму авторитет своего имени, как бы благословляя его в жизнь.

«Автозавод» был мощным генератором правозащитных идей. Одна такая идея была осуществлена в 1969 году.

В мае того года была создана «Инициативная группа по защите прав человека в Советском Союзе», праматерь всех наших правозащитных ассоциаций. Не знаю, кому принадлежала эта замечательная идея, но Петр Ионович был в числе учредителей Инициативной группы и состоял в ней вплоть до своего ареста.

Это был неслыханный шаг! Едва ли не впервые за все время советской власти группа — всего-то полтора десятка людей — за собственными подписями! открыто, перед лицом всего мира! — заявила, что будет выступать против противоправных действий наших властей, в защиту неотъемлемых прав наших сограждан.

Невозможно переоценить роль Инициативной группы в становлении нашего общественного сознания. Ее выступления разрушали затверженный канон, согласно которому недопустимо, непатриотично говорить вслух об отечественных бедах и болях, открыто проявлять хотя бы тень неодобрения действиями наших властей. Они будили в нас чувство достоинства, напоминали, что мы не крепостные подданные государства, а граждане, чьи права на свободу слова и печати записаны в Конституции нашей страны. И просто служили примером мужества и подлинной гражданственности.

Точность, аргументированность и взвешенность заявлений Инициативной группы, их смелый и независимый тон, быстро создали ей большой авторитет как у мыслящей интеллигенции нашей страны, так и за рубежом. Но такое положение было невыносимым для властей. Безнадёжно проигрывая идеологический поединок, наши правители нашли другие, весьма увесистые и совершенно неотразимые аргументы. Начались аресты, сначала среди тех участников группы, которые жили в провинции, затем и в Москве. А со временем и все члены ИГ (кроме тех, кто уехал за рубеж, и умершего Гр. Подъяпольского) так или иначе перебивали за решеткой.

Инициативной группы давно нет. Но живы заложенные ею традиции открытости и гласности, ненасильственного противления произволу. И среди многих тех, кто стоял у истоков этих традиций, мы не вправе забыть Петра Ионовича Якира.

Если б можно было закончить рассказ на этой ноте! Почему доска влекущих Петра Ионыча качелей лишь на мгновение замерла на своем излете? Почему опять — все быстрее и быстрее — она понеслась вниз, и швырнула его оземь, и опрокинула? Почему, выдавший виды человек, он не выдержал испытания новым арестом, следствием, судом?

Чтобы понять это, надо рассказать, что за человек был Петр Ионович, верно обрисовать его трагическую и противоречивую фигуру. По плечу ли мне такая задача? Не знаю. Говорить о нем мне нелегко. Как и многим, наблюдавшим Петра Ионовича вблизи, мне были достаточно известны не только сильные стороны его натуры — природный ум, проницательность и знание людей, огромный жизненный опыт, немалое личное обаяние, но и его — тоже немалые — человеческие слабости. Постараюсь быть честным и избежать в своем рассказе ретуши и глянца. Так же, впрочем, как и злорадного обличительства.

Петр Якир... Какие звуки, краски, ассоциации будит во мне это имя?

Азарт, рисковость, жажда жизни. Эти подкупающие черты, бесспорно, были свойственны Петру Ионовичу. Не только в посвященной ему песне Юлия Кима — многим, знавшим

его, он рисовался презирающим запреты, швыряющим «на ветер миллионы», отчаянным пиратом, чья звезда геральдически рифмуется с бурей, битвой и эшафотом.

«Через глаз – повязка,
Через череп – шрам!»

Черты эти, быть может, были присущи ему изначально. А может, он хотел возместить, наверстать хотя бы отчасти то, в чем был обкраден судьбой. Но эта обкраденность оправдывала и извиняла в глазах Петра Ионовича иные его собственные сомнительные поступки и слабости. Мне довелось слышать однажды от Петра Ионовича такие слова: «Что бы я ни сделал, я все равно святой».

Эта снисходительность к себе, это самооправдание, это – наперед – самоотпущение грехов, не стали ли они первым шагом на пути к той пропасти, куда Петру Ионовичу предстояло сорваться?

Все имеет свои пределы. Да, склонность и вкус к риску были в крови Петра Ионовича. Без этого он не стал бы одним из пионеров правозащитных писем, встреч и интервью с иностранными корреспондентами, одним из основателей «Инициативной группы», одним из лидеров диссидентского движения. В своей жизни он совершил много неординарных и смелых поступков. Но в самой своей смелости Петр Ионович не был чужд известной осмотрительности и осторожности.

Так, его не оказалось на Красной площади 25 августа 1968 года. Почему? В своем «Полдне» Наталья Горбаневская объясняет это стечением обстоятельств, случайным задержанием Петра Ионовича на пути на площадь милицией.

Но мне известно мнение и другого участника той демонстрации, смысл которого в том, что задержания не было, что Петр Ионович (как некогда князь Трубецкой) сам не пришел на площадь. (Привожу оба эти мнения, поскольку не знаю, в каком из них истина. Сам я наперед не знал о демонстрации и сужу о ней только по рассказам.)

Другой эпизод. В декабре 69-го в день девяностолетия Сталина Петр Ионович в числе других диссидентов пришел на Красную площадь. Но кинуть под ноги принесенный для этого и перечеркнутый портрет Сталина Петр Ионович (как

позднее рассказывали мне) предложил одной молодой девушке нашего круга. Анатолий Якобсон, считавший, что женщинам не пристало рисковать собой прежде мужчин, взял у нее этот перечеркнутый портрет и сам бросил его на мостовую. Был тут же схвачен, отвезен в милицию, оштрафован и, по счастью, отпущен. Наверное — это так естественно и понятно! — Петр Ионович хотел избежать нового витка лагерных мытарств, сохранить свою свободу. Но «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее».

Самой бросающейся в глаза слабостью Петра Ионовича было катастрофически усиливающееся с годами влечение к водке — столь распространенная наша российская болезнь, беда и утешение. Корни ее я вижу не только в обрушившихся на годы его отрочества и молодости тюремно-лагерных перипетиях. Не только в богемном «автозаводском» быте. Но также — в многолетнем нервном напряжении диссидентских кампаний и противостояний, череде арестов друзей, протестов, демонстраций, обысков. Беспокойства за других — и за себя. Это напряжение и тревога до поры так просто, так легко гасились с помощью бутылки.

Но постепенно все возраставшие «возлияния» подтачивали и разрушали не только здоровье, но и интеллект, и волю Петра Ионовича. Впрочем, был ли он действительно волевым, сильным человеком? В годы, когда я его знал, — вряд ли. Гораздо более твердое, даже жесткое впечатление производил один его сотоварищ, будущий подельник по процессу 1973 года. Так же как Петр Ионович, узник сталинских лагерей, реабилитированный в хрущевские времена, Виктор Красин был, как мне думается, очень честолюбивым, властным и чуждым всяких сантиментов человеком. В диссидентском движении он метил явно на роль вождя. И когда на следствии и суде он признал свое поражение, то хотел бы, по-моему, чтобы и все диссидентское движение сложило оружие, как армия подписавшего капитуляцию генерала. Я не встречал его после процесса, а вскоре он эмигрировал в Америку. Но я слышал, что он никогда — во всяком случае до своего отъезда — не признавал, что проявил непростительную слабость, что вел себя недостойно, испугался. (Уже после окончания этого очерка я познакомился с книгой В. Красина «Суд»,

изданной им в эмиграции, в которой он, хотя и с большим опозданием, осудил свое поведение на следствии и на суде.)

— Я играл со следователем в шахматы, — так, передавали, образно объяснял он свое поведение. А все мы, выходит, были пешками в его игре.

Иная тональность слышится мне в словах Петра Ионовича:

— Нас заставили жрать дерьмо.

Здесь больше человеческого, здесь нет, по крайней мере, ни оправдания своего поведения, ни смешных амбиций проигравшегося игрока.

Куда бы еще могла завести Петра Ионовича его переменчивая пиратская фортуна? Неужели она смирила бы этого бунтаря? Или бросила бы его когда-то на отчаянный штурм Лубянки? Вытолкнула за рубеж? Сделала бы яростным митинговым трибуном? Заставила бы окончательно спиться? Или произвела бы на склоне лет в Несторы былых правозащитных баталий и сшибок?

...Ничему этому не дано было сбыться: в июне 72-го Петр Ионович был арестован.

Он пробыл под следствием в Лефортовской тюрьме 15 месяцев и был отправлен в рязанскую ссылку после бесславного процесса и знаменитого телеинтервью. Что сломало в итоге этого спорщика и забияку? Что принудило его к сдаче и покаянию? Что заставило дать — обо всем и обо всех — подробные, признательные показания?

Страх ли перед новым лагерным сроком? пытка ли многомесячной изоляцией? Или угрозы — вполне правдоподобные и вероятные — привлечь и посадить «за компанию» близких и дочь (которой судьбой назначено было в месяцы тюремных мытарств Петра Ионовича подарить ему внучку)? Конкуренция ли с «железным» подельником, вперегонки дававшим свои признательные показания? А может быть, и водка, которую, говорят, находчивый следователь — как приманку и награду — с трогательной заботой приносил аж в тюрьму? Или, быть может, данные Петру Ионовичу заверения не давать ходу показаниям, касавшимся других? Снисходительность к себе и самопрощение? Кто сможет теперь ответить на эти вопросы? Да, старый лагерный волк вчистую проиграл поединок со сворой стоящих на страже беззакония «законников».

...И вот, наконец, позади мучительный год судорожных и напрасных метаний. Выжаты все показания, вырвано отречение, вынесен приговор. Уже нет дороги назад, ничего не вернуть и ничего не исправить. И удавкой на горле — галстук. И осталось только взойти на телеэшафот.

Правозащитное движение убито? Нет, правозащитное движение живо!

Благой и радостной вестью об этом стало для меня осенью 73-го «Заявление Инициативной группы», ее последних осколков, о закончившемся суде над Красиным и Якиром. В нем не было упреков недавним сотоварищам за отречение и измену. Но подчеркнуто спокойно — и в то же время твердо — в «Заявлении» были отвергнуты прозвучавшие на суде и в интервью наветы об игре в политику, об инспирированности движения из-за рубежа, отмечено, в чем и где «бывшие члены Инициативной группы» сказали неправду.

Правозащитное движение приходило в себя от вызванно-го поражением шока, вновь заявляло о себе, поднимало голову. А весной 74-го был возобновлен выпуск «Хроники».

Процесс Красина—Якира нанес сильный и очень болезненный удар по правозащитному движению. Но не смертельный, как, должно быть, рассчитывали его устроители.

Отречение Красина и Якира произвело на время смятение и растерянность в нашей среде. Было ощущение незащитности — что все мы стоим неприкрыто-голенькими перед лицом торжествующего, обо всем прознавшего КГБ. Было чувство зыбкости, неуверенности не только в соседе-сотоварище, но и в самом себе: устою ли, выдержу ли?

И были огорчительные потери. Немало людей в это смутное время отошло от движения. И никто не вправе упрекнуть их в этом. Другие засобирались уезжать. Не за сладкой жизнью — на горькие хлеба чужбины. Не из враждебности к родной земле, а от безнадежности, разрывая надвое душу. Не беззаботными веселыми путешественниками, а погорельцами, беженцами. Несправедливо и немилосердно, по-моему, кинуть в них камень за этот нелегкий и вымученный шаг.

И были еще потери, для меня самые горькие. Они не были связаны с закончившимся процессом напрямую, как причина

и следствие. И упаси меня Бог винить Петра Ионовича в том, что было сплетением большого числа обстоятельств, следствием множества причин, в том числе – и в первую очередь – интриг, угроз и давления КГБ. Но трудно, увы, отделаться от мысли, что в числе прочего и поведение Петра Ионовича на следствии и суде, его подробные показания, его отречение и покаяние

- подтолкнули к роковому отъезду Анатолия Якобсона,
- столкнули с балкона Илью Габая.

Горькими были потери, но были и приобретения. После процесса в движении произошел отбор, – посхлынула пена, остались более стойкие. Пришло и укрепилось сознание, что искать опору надо не столько вовне, сколько внутри себя, надеяться не на сильных, «несгибаемых» людей, а на собственные нравственные императивы и правила. Что никому, даже старшему, самому уважаемому и опытному сотоварищу, нельзя передоверить собственные совесть и разум. Проигранным процессом 73-го года, ошибками и падением Петра Ионовича оплачены избавление движения от соблазна «вождизма», куплен горький, но целительный опыт. После процесса движение стало «битым». А за одного битого – двух небитых дают.

Прошло с той осени 73-го без малого семнадцать лет. Правозащитное движение выжило. Хотя нас и в дальнейшем много били, судебнo и внесудебно, лагерями, тюрьмами, «психушками». Уж не заботились ли власти таким образом о приобретении нами большего опыта? Телеинтервью 1973 года также не было последним. Но преобладающим и определяющим было все-таки другое – стойкое противостояние, принципиальное отстаивание своей позиции на всех этапах скорбного пути правозащитников – на «беседах» и допросах, на судах, в тюрьмах и лагерях.

После досрочного возвращения Петра Ионовича в Москву мне изредка доводилось видеться с ним. Но серьезных разговоров между нами в это время не было. О своем последнем заключении и суде он при мне ничего не рассказывал, а спрашивать об этом я не считал возможным.

Петр Ионович умер на самом исходе «застоя», в конце 82-го. Я был тогда в лагере и не мог прийти на его похороны.

Несколько фотографий, надписанная мне книжечка «Полководец-коммунист» (о командаре Якире) да пронзительно-синий, как южные моря, высокий бокал – вот все, что осталось у меня на память о Петре Ионовиче. Неужели и вся человеческая жизнь с ее страстями, борьбой, ошибками, падениями – только суета сует? «Род проходит и род приходит... и возвращается ветер на круги свои». Многие ли помнят сегодня о Петре Якире, о его бурной, переменчивой и трагической жизни? Настало другое время, сменилось поколение и сейчас едва ли один из ста припомнит фамилию «Якир», да еще и спутает, пожалуй, отца – полководца и партийца – с сыном – диссидентом и бунтарем.

И кто отыщет на немецком кладбище в Москве могилу старого пирата?

Но настоящие пираты имеют свойство воскресать и возвращаться.

Уверен: качели судьбы Петра Ионовича не замерли навечно. Имя Петра Ионовича и память о нем не отделить от нашей новейшей истории. Мудрость воздаст хвалу первопроходцам, торившим тернистые тропы российского Сопротивления. И не лишит их чести за слабости, невольные ошибки и горькие поражения. И уроки трудной и трагичной жизни Петра Ионовича – со всеми ее взлетами и падениями – еще пойдут во благо молодым, идущим нам на смену, пытливым и вдумчивым согражданам.

Март 1990 года

ЖЕРТВЕННЫЙ ОГОНЬ

До боли родная смеющаяся рожа с копной взъерошенных волос смотрит на меня из-за стекла книжной полки...

Тебя давно нет на свете, но твои друзья до сих пор горюют о тебе. Нам не хватает твоего блестящего таланта, громогласия, общительности, спорщицкого напора с разящими полемическими выпадами, беззаветной любви к русской словесности, преданности друзьям.

И отважной жертвенности.

Сколько раз ты проходил краем бездны, дерзко бросая вызов уверенному в своей вседозволенности и безнаказанности державному хамству! Сколько раз ты мог подорваться на гремучих минных полях КГБ! — ты сам шел на них из чувства чести и по долгу гражданственности. Но невредимо, словно заговоренный, избегнув гибельных опасностей дома, ты нелепо погиб в безопасной чужбине.

Когда впервые пересеклись наши пути?

...Кончался август 68-го. Только что с грохотом, оглушившим мир, наши танки вломились в братскую Чехословакию.

И следом — тихим, но так же далеко разнесшимся эхом — крохотная сидячая демонстрация на Красной площади,

отвергающая и осуждающая это имперское насильничество. Демонстранты, конечно, тотчас схвачены и брошены в тюрьму. Я всей душой сочувствую их благородному порыву. Но не бессмысленно ли их отчаянное и обреченное выступление? Ведь понимали же они, что чехов все равно не спасут, а свою жизнь наверняка искалечат или погубят. И погубят впустую. Или все-таки не впустую?

...В моих руках — листок бумаги. И слова, которые я вижу впервые, обжигают и впечатываются в памяти. Они так совпадают с моим внутренним настроением, что кажутся мне собственными мыслями: «...семеро демонстрантов, безусловно, спасли честь советского народа». (Да, они совершили свой подвиг и за нас, за тех, кто не догадался, не осмелились, не смогли.)

«Демонстрация 25 августа — явление не политической борьбы (...), а явление борьбы *нравственной*». (Правильно. И решившись выйти на площадь, демонстранты уже победили. Они и в тюрьме, потеряв свободу, свободней любого из нас.) Публичный протест против произвола — новая «драгоценная традиция, начало самоосвобождения людей от унижительного страха, от причастности к злу».

И призывом в конце листка — слова Герцена: «Начнем с того, чтобы освободить себя».

И подпись — имя, дотоле неизвестное мне: Анатолий Якобсон.

Толя. Тоша, как звали тебя друзья. Наш Тоша.

Я полюбил тебя сразу и навсегда, даже до нашего знакомства. И еще не познакомившись — уже прощался с тобой. Ведь ясней ясного, что человеку, написавшему — и подписавшему! — тогда такое письмо (сам Тоша называл его «листовкой»), недолго гулять на свободе.

...Впервые я увидел Тошу в октябре 68-го, в последний день процесса над демонстрантами. Я еще не бывал на судах, и обстановка вокруг — толпящиеся у запертых дверей друзья подсудимых, их громкие разговоры под приглядом внимательно слушающих стукачей и дружинников, стоящие особняком иностранные корреспонденты с фото- и кинокамерами — всё это было еще внове для меня.

Я подошел к кому-то из знакомых.

– Кого это там просвещает Якобсон? – услышал я чьи-то слова.

– Якобсон? Он здесь?

– Да вот он.

Метрах в двадцати толпилось несколько человек. Им что-то горячо доказывал парень с непокрытой взъерошенной головой. Говоря, он живо жестикулировал, так что полы его расстегнутого плаща развевались по бокам. Выждав паузу, я подошел к нему.

– Вы – Анатолий Якобсон?

Он обернулся.

– Да, я.

– Я читал ваше письмо, – я назваля и протянул руку. – Мне хотелось поблагодарить вас за него и пожелать всего самого доброго.

Спустя год я уже хорошо знаком с Тошей, звоню, встречаюсь, мы бываем друг у друга. Я знаю, что он педагог, историк и литератор, отставленный от преподавания в школе за «неблагонадежность». Мы почти ровесники. Тоша на каких-нибудь полтора года младше меня. Зато гораздо старше по части гражданской активности: я в диссидентах совсем новичок, а Тоша заговорил свободно, в полный голос еще в 66-м году, выступив с заявлением в защиту Ю. Даниэля.

Мое восхищение Тошей (так же, как и тревога за его судьбу) возросли еще больше, когда в мае 69-го, вслед за арестом одного из лидеров диссидентского движения генерала Петра Григоренко и педагога Ильи Габая, он стал сооснователем легендарной Инициативной группы (ИГ). Отстаивать в Советском Союзе права человека от произвола властей – вот что, не таясь, стала делать отважная горстка. И обращалась со своими письмами в ООН! К общественности!

Неслыханный по тем временам вызов. Какие кары обрушит не терпящая возражений, всесильная власть на головы людей, дерзко бросивших ей перчатку? «Галина Борисовна» (госбезопасность) шутки шутить не любила. Вскоре последовали допросы, обыски, аресты. К концу 69-го 6 (из 15) членов ИГ уже были в неволе.

И хоть бы чуточку Тоша умел поостеречься! Вот «Хроника». За этим самиздатским машинописным бюллетенем

гоняется КГБ, его хватают при обысках, за одну такую находку вполне могут посадить! А Тоша почти не скрывает, что редактирует ее. Рядом с Тошиной рыцарственной открытостью я невольно чувствовал себя опасливым, осторожничающим человеком.

Но, как я этого всё время с тревогой ни ожидал, меня все равно застал врасплох тот миг, когда Тошу схватили и увезли. И случилось это прилюдно, в двух шагах от меня.

Морозный день 21 декабря 69-го. 90-летие «вождя народов» и слухи о его готовящейся политической реабилитации. Похоже: опять печатаются статьи о «заслугах» Сталина. Превыше всего и особо — о сталинском верховном руководстве в годы войны.

Но поминаются и предвоенные годы — борьба с оппозицией, индустриализация, коллективизация. И время после войны — восстановление хозяйства, «борьба за мир». И лишь вскользь и глухо — об отдельных ошибках и «перегибах» на новом, неизведанном пути.

О, подручные верховного бандита! Думаете по новой провести всех на мякине, купить вашей заезженной пластинкой со славословиями обожаемому палачу? Ждете, что мы клюнем? Умилимся? Может быть, еще подпевать вам начнем? Нет уж, увольте!

И вот кучка диссидентов (среди них и я) идет от метро «Площадь Свердлова» на Красную площадь.

...Это сегодня мы досыта насмотрелись на всевозможные — многолюдные и санкционированные — демонстрации. Наслушались всяческих ораторов — от «ультрадемократов» до «национал-патриотов». Это сегодня можно безопасно — устно и печатно — призывать смести «оккупационное правительство», безнаказанно оскорблять президента страны. Где были нынешние храбрецы тогда?!

Мы идем молча, без плакатов и транспарантов. Главное — не дали себя запугать, не поддались, пошли, выходим на площадь. Блестители порядка встревожены и несколько растеряны. Похоже, им дана команда — не хватать без повода. Помню толстого полковника милиции. Поспевая обок идущего с каменным лицом Петра Якира, он снова и снова повторяет:

— Только без транспарантов! Только без выступлений!

И вот наша кучка на площади, возле дальнего угла ГУМа, в нескольких шагах от Лобного места. Дальше ограждение, не пускают. Зябко. И не только от мороза. Вокруг нас толпятся сосредоточенные и внимательные спортивного вида «мальчики в штатском». Где-то неподалеку от меня — Тоша. Только бы он не завелся, не сорвался, не поддался на провокацию.

Сколько прошло? Десять? Пятнадцать? Двадцать минут? Начинает смеркаться. Неспешно, короткими шажками наши «охранники» начинают мешаться с нами.

Мы стоим. Похватают нас все-таки или нет? Кто-то, наконец, говорит, что пора возвращаться. Двинулись к углу ГУМа. Обошлось?

Я слышу сзади какой-то шум, чей-то возглас, движение. Оборачиваюсь. Вся наша кучка бросилась назад. Схватили Тошу! Он бросил на брусчатку и припечатал ногой перечеркнутый крест-накрест портрет Сталина, принесенный нами на площадь. А дежурная «Волга» уже стояла наготове.

(Только впоследствии я узнал, что Тоша тогда просто слонил собой Тату — Таню Баеву. Это она вызвалась швырнуть на мостовую злополучный сталинский портретик. Молоденькая девчонка готовилась шелкнуть по носу свирепое чудовище на глазах и впереди взрослых мужиков... Тоша не был бы собой, если бы мог допустить такое.)

Всего минуту назад он был вместе с нами. А теперь — когда мы увидим его опять? И увидим ли? Гэбэшники ненавидят Тошу; схватив, они вряд ли выпустят его.

Но то ли чекисты решили дожидаться более благовидного повода, то ли им захотелось вдосталь насладиться увлекательной игрой сытого хищника со своей жертвой. Только цепкие когти ГБ неожиданно разжались. Продержав ночь в милиции, а затем оштрафовав, Толю отпустили. Надолго ли?

В нашем кругу были известны слова, оброненные невзначай кем-то из гэбэшников: «По Якобсону тюрьма плачет. Но недолго уже будет плакать».

Ползучая ресталинизация, последовавшая за свержением Хрущева, расслоила общество. Но беспокойство и протесты в связи с «закручиванием гаек» выражали лишь одиночки; большинство оставалось инертно. Нашлось и немало людей,

в том числе из недавних либералов, решивших вступить в КПСС. Разумеется, не столько из идейных, сколько из карьерных соображений. Иные из них все же ощущали некоторую неловкость и чувствовали потребность в самооправдании. Расхожей стала замечательная теория, что КПСС, конечно, изменила первоначальным, революционным идеалам, сбилась с пути, больна. Но что ее можно исправить и излечить изнутри. Надо лишь, чтобы побольше хороших, честных и порядочных людей вступало в нее. Слушая эти подкупающе-доверительные рассуждения честных и порядочных людей, трудно было не умилиться их готовности на этот великий подвиг, не благословить их на эту благородную исцелительную миссию.

Тоше были чужды подобные сантименты. Послушав как-то умные рассуждения наших самоотверженных героев, он грохнул:

– Переспать с сифилитичкой – еще не значит излечить ее!

...Вступающих в партию после Тошиной реплики меньше, конечно, не стало. Но концепция «лечения изнутри» как-то сникла, а вскоре и завяла на корню...

Арест, неправый суд и неволя все явственней нависали над Тошиной головой. Знаю не понаслышке, как тяжело постоянное ожидание неминуемой беды; в сравнении с этой пыткой сама катастрофа воспринимается почти с облегчением... А Тоша ходил под занесенным топором по меньшей мере пять лет. Удивительно! Этот страшный груз он нес – по видимости – легко, не сгибаясь под его тяжестью, не превращаясь в анемичного ипохондрика. Напротив, выглядел здоровяком и жизнелюбом, знающим вкус и толк всех радостей жизни. Любил застолье, неизменно становясь душой компании. Обладал завидным аппетитом. Был не дурак выпить, сохраняя ясность и отточенность мысли, нокаутирующий полемический удар.

Где он черпал силы? Каких усилий это стоило ему? И как долго еще могла длиться его неравная дуэль с всемогущей госбезопасностью?

С началом 1972 года усилились и ужесточились преследования правозащитников. Прошла серия обысков и допросов

по так называемому «делу 24». Постепенно из характера задаваемых вопросов стало ясно, что «дело 24» связано прежде всего с составлением и распространением «Хроники». В июне 72-го был арестован один из видных диссидентов, член Инициативной группы Петр Якир.

Не стану пересказывать всех перипетий этой трагической и печальной истории. Скажу только, что «раскаяние» П. Якира и его подельника В. Красина, их откровенные показания о недавних сотоварищах, их переданные через следователей КГБ призывы к диссидентам сдаться и сотрудничать со следствием поставили в трудное положение оставшихся на свободе оппозиционеров. И хотя советам П. Якира и В. Красина последовали единицы, позорная капитуляция вчерашних «вождей» способствовала созданию в среде диссидентов настроений поражения и обреченности.

В очень тяжелом положении оказался и Якобсон. О том, что он редактирует «Хронику», заявили не только Якир и Красин, знавшие об этом в основном понаслышке; это подтвердила и машинистка, жена В. Красина, непосредственно помогавшая Тоше в выпуске бюллетеня. Через нее же КГБ объявило диссидентам: в случае выхода следующего, 28-го номера «Хроники», Якобсон будет немедленно арестован. Редакция, собравшись, решила: нельзя при подобных обстоятельствах продолжать выпуск бюллетеня; при этом сам Толя был лишен права голоса, как лицо заинтересованное. «Хроника» надолго замолчала...

Подтолкнуло ли всё это Тошу к роковой мысли об эмиграции? Сам он, судя по его воспоминаниям, считал главным побудительным мотивом своего отъезда тревогу за судьбу и будущее Сани, своего сына-подростка. И говорил, впрочем, не настаивая категорически, что иначе вряд ли бы уехал из России. Только всегда ли сам человек ясно сознает и верно оценивает все подспудные и подсознательные мотивы своих поступков?

Ну, а что же мы, его друзья и сотоварищи? Легко быть умным задним числом. Впоследствии от нескольких Тошиных друзей я слышал: они считали, что Тоша совершает ошибку, что для него было лучше — не уезжать. Было, пожалуй, такое ощущение и у меня. Слишком тутошним, я бы даже сказал —

московским — размашистым, хлебосольным, был его душевный склад и характер.

Слишком сроднился он с болями и чаяниями нашего движения, с его невольниками и мучениками совести. Слишком неразделимо сросся он всеми духовными корнями с Россией и русской словесностью.

Но над Тошей уже занесена когтистая лапа ГБ. Его неизбежно схватят — если не завтра, так через месяц. А тогда он обречен либо на многолетнюю каторгу в ГУЛАГе, либо на бессрочный ад «психушек». И когда я узнал, что Тоша получил разрешение на выезд в Израиль, я подумал: «Да, в этом его единственное спасение».

А оказалось — гибель.

Однажды я посмотрел фильм О. Иоселиани «Жил певчий дрозд». Его герой, обаятельный и общительный Гиви, музыкант-ударник, — молодой, доброжелательный, влюбчивый, окруженный приятелями и подругами. Блестящие замыслы и идеи роятся в его голове. Но следующая мысль, новое впечатление перебивает, вытесняет, стирает предыдущую. И замыслы остаются неосуществленными, идеи — невоплощенными. В итоге вечно куда-то несущийся Гиви нелепо гибнет под колесами автобуса...

Я вспоминаю об этом потому, что Тоша настойчиво и не раз советовал мне — обязательно! — посмотреть эту картину. Хорошо помню даже такую его реплику: «Гениальный фильм!»

Чем же эта лента — несомненно талантливая и изящная, но отнюдь не исключительная по своим достоинствам, — так привлекала его? Ощущал ли он некое сродство с ее героем? Разумеется, Тоша не был, как Гиви, блистательным, но бесплодным пустоцветом, «гулякой праздным». Он умел и любил работать. В нем были и серьезность, и глубина. Недаром написанное им вызывает интерес и сегодня, спустя полтора десятилетия после его гибели. И все же... почему Толино наследство — при всей своей оригинальности и глубине — сравнительно невелико по объему? Тому существует много причин. И прежде всего — суровое время, свирепая власть, преследовавшая и душившая свободную мысль, талант, неподцензурное

творчество. Всё так. Но ни была ли — пусть меньшей! — в ряду этих причин Тошина многоодаренность? Многообразие его талантов (педагог, литератор, поэт, публицист, правозащитник, а порой все же и «гуляка праздный»), мешавшее ему сосредоточиться на чем-то одном?

Не предостережением ли от разбросанности, от опасности растерять свои дарования, потерять себя в суете сиюминутности так привлекал Тошу фильм Иоселиани?..

Я нажимаю клавишу и снова слышу твой густой, с напряженным придыханием, голос: «Я прочитаю три стихотворения своих и несколько переводов из Петrarки».

...Когда это было? Где-то в конце лета 73-го, в канун твоего отъезда. Несколько друзей собрались у меня повидаться с Тошей и послушать его перед предстоящей разлукой.

«Ахматовой посвящается».

Все мы знали трепетное преклонение Тоши перед Анной Ахматовой, с которой ему посчастливилось быть знакомым. В Тошиной квартире на Перекопской мне запомнилась снежно-белая маска Ахматовой и слепок ее пухлой женственной руки. Как драгоценность, Тоша показал мне однажды один из сборников Анны Андреевны с ее дарственной надписью: «Толе Якобсону за его стихи». В этих стихах, звучащих сейчас из динамика, Ахматова сравнивается с сосудом, в котором вздернутая на дыбу Россия спрятала и спасла от растления свою живую душу. (Современный читатель может прочесть эти стихи в якобсоновском сборнике «Почва и судьба», выпущенном в 1992 году издательством «Весть».)

«Давиду Самойлову посвящается».

О чем это Тошино стихотворение? Оно не столько о смерти (хотя эпитафия-рефрен из Самойлова — противопоставление вольной смерти «в поле» жалкому умиранию «дома»). Оно — о страхе смерти и о страхе жизни. Страх смерти в бою естественен, понятен, он «не оставляет пятен на душе»; люди побеждают его, вставая в атаку. Подлый житейский страх страшнее: он растлевает и сгибает людей; и только «шопоточком», только «в подушку матом» жалко сетуют они на сло-

мившую их судьбу. Житейскому страху подвержены, быть может, все люди; только одни никнут перед ним и сдаются, а другие преодолевают его – и распрямляются. Тоша был из тех, кто распрямлялся.

С «Давидом», несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте, его связывала настоящая дружба. И поэт-фронтовик тоже любил своего младшего сотоварища. Он посвятил ему несколько прекрасных стихов. Гибель Тоши Д. Самойлов оплакал в пронзительном стихотворении-реквиеме «Прощание». И еще одно самоейловское шестистишие было посвящено Тоше, но о нем я расскажу позднее...

Можно было бы назвать немало известных писателей и поэтов, ценивших Толин талант, даривших его своим искренним расположением. Среди них М. С. Петровых, М. М. Бахтин, Корней Чуковский, Лидия Корнеевна Чуковская. И множество молодых без громкого имени.

Почему тебя так любили?

Сказать, что ты был поразительно и разносторонне талантлив – не сказать ничего. Кошунственно писать о тебе – «замечательный учитель», «талантливый поэт-переводчик», «блестящий критик и публицист», «один из первых правозащитников». Кошунственно не потому, что – неправда (правда!), а потому, что с тобой не сопрягаются затертые штампы. А главное – ты не вмещался в эти ипостаси. Они способны только заслонить твою живую человеческую сущность. Твой талант самоотдачи. Талант дружеского общения.

Держась, как за путеводную нить, за тонкую полоску магнитной ленты, я спускаюсь опять в колодезь двух десятилетий. Мне слышатся давно замолкшие голоса. На мгновение проступают сквозь метельную пелену знакомые лица. И летит густыми хлопьями «память-снег».

«Юлию Даниэлю посвящается».

Эти стихи Тоши – шутивно-радостная ода по поводу освобождения друга, отбухавшего от звонка до звонка 5 лет «строгача». Впрочем, мне кажется, что высокий стиль не в Тошином духе. И я больше люблю озорной Тошин экспромт, также посвященный освобождению Юлия:

Проходят грозы над родным борделем,
Но Даниэль остался Даниэлем.

Отношения Тоши с Даниэлем – фронтовиком, инвалидом войны, педагогом, поэтом-переводчиком, политэком, писателем и поэтом – тема особая. Знакомство и общение с ним помогло формированию мировоззрения и гражданской позиции Тоши. Этой дружбе – вопреки всем насильным разлукам – он остался верен до самой своей гибели.

Он провожал родных на свидание с Юлием в лагерь; много раз навещал в Калуге, куда Даниэль был направлен на жительство после освобождения. «Юлий мне как брат. Как старший брат», – сказал он мне однажды. И, высказываясь о положенных на музыку К. Бабицким песнях Даниэля: «Он не сделался большим поэтом, но этот цикл ему удался замечательно».

Процесс Синявского-Даниэля стал для Тоши рубежом, подтолкнув его к открытому противостоянию. Его первым общественным выступлением стало письмо в Мосгорсуд в защиту своего друга.

(...Спустя десятилетие довелось и Ю. Даниэлю вступить за честь своего товарища. В интервью, опубликованном в январе 1975 года в издающейся в Париже «Русской мысли», академик И. Шафаревич оскорбительно высказался об эмигрировавших из страны писателях, по существу, обвиняя их в дезертирстве. Оказывается, согласно И. Шафаревичу, они уехали «добровольно», у них просто «не оказалось достаточных духовных ценностей, которые могли бы перевесить угрозу испытаний». А значит, они «не могут внести никакого вклада в культуру, независимо от того, по какую сторону границы они находятся». Фамилий, правда, И. Шафаревич не называл, но те, в кого он метил, легко вычислялись по прозрачным намекам.

Так, не ощущая ни неловкости, ни комизма подобных поучений из уст человека, никогда не нюхавшего неволи, академик презрительно писал про оттянувшего шесть лет «строгача» А. Синявского, что он «добровольно» эмигрировал, не пожелав терпеть «неудобства» на родине. Другими адресатами нападок И. Шафаревича можно было считать А. Галича, А. Яковсона, как, впрочем, и многих литераторов «третьей волны» эмиграции.

В ответном письме Ю. Даниэль напомнил, что бывают периоды, когда национальная культура продолжается за пределами государства; что в эмиграции созданы многие духовные и культурные шедевры, вернувшиеся со временем на родину; что самоотдача, а не самопожертвование прежде всего требуется от художника; указал на натяжки и прямые подлоги в статье почтенного академика.

Говоря о самом Тоше, Даниэль писал: «Для него стихия русского языка и русской поэзии — воздух, которым он дышит».

Эта статья Ю. Даниэля (также опубликованная в «Русской мысли») стала достойной защитой его вынужденных к эмиграции друзей от нападков высокомерной ограниченности.)

«Из Петрарки переводы».

...Впоследствии, когда ничего нельзя было поправить, наверное, не я один с горечью повторял читанные Тошей в тот вечер строки Петрарки:

Как близящейся гибели печать
В твоих глазах я мог не замечать?

Но вправду ли мы были настолько слепы? — нет! — мы видели, знали, что эмиграция страшит Тошу, как страшит человека разверзшаяся перед ним бездна. Как страшит тюрьма. Видели, но надеялись, но обманывали себя — мол, обойдется, перемелется. Да и что можно было сделать?!

Заблуждался ли сам Тоша насчет трагических последствий своего отъезда? Думаю, и да, и нет. Отчаянье и надежда попеременно вспыхивали в нем. В те годы эмиграция считалась столь же безвозвратной, как смерть. Все — и уезжавшие, и решившие остаться — ясно понимали, что расстаются навек. И проводы походили на поминки.

На подаренный в канун отъезда книжке Льва Толстого есть Тошина надпись, пронзительная, как вопль гибнущего человека: «Людмила, Леонард, родные мои, не забывайте меня!»

Мы не сумели спасти тебя, Тоша, но ты всегда с нами.

«...два перевода из Верлена».

Переводы тоже способны выражать личность своего создателя — в выборе переводимых авторов, в отборе и обработке самих стихов.

Не случайно в числе переводившихся Тошей поэтов оказался и хлебнувший тюремного лиха П. Верлен, и расстрелянный франкистами Ф. Г. Лорка, и умерший в тюремном лазарете М. Эрнандес, и изгнанник А. Мицкевич. Как и всё, что делал, переводил Тоша с полной отдачей. Так, к переводу короткого стихотворения «Наваждение» (из тюремного цикла П. Верлена) он, по собственному признанию, возвращался снова и снова на протяжении нескольких лет.

Колокол гудит.
На покой пора тюремной братье!

Чьи невольничьи судьбы вспоминал и предчувствовал Тоша, читая мерные верленовские строки? Юлия Даниэля? Ильи Габая? Толи Марченко? Или – увы, легко предвидимые и не столь уж далекие – покидаемых и любимых Сережи Ковалева и Тани Великановой? А быть может, и примерял опыт неволи к себе? Ведь вплоть до Шереметьева, до трапа, до взлета самолета вполне можно было ожидать любых «сюрпризов».

...И был момент, когда мне действительно показалось, что власти решили не выпускать Тошу и планируют для него совсем другой маршрут.

...Воскресенье, 2 сентября 1973 года. Сегодня должен улететь наш Тоша. Уже получены все разрешения и визы, куплены билеты, сданы советские паспорта. С Тошей летят Майя, его жена, тринадцатилетний Саша, их сын, и Тошина мать, Татьяна Сергеевна. Аэропорт – не нынешняя сияющая металлом и стеклом громадина, а еще старый, маленький и невзрачный – Шереметьево-1. В вестибюле толпимся мы, провожающие. Много знакомых лиц. Вот Юлий Даниэль. Вот у окна высокая, стройная и седая Лидия Корнеевна Чуковская, – уж не с Тошиных ли проводов началось наше знакомство?

Уже прошла регистрация. Скоро посадка в самолет. Остается последний барьер – таможенный досмотр вещей и багажа. В багаже у Тоши, конечно, множество книг.

А вот необычная картина: сколоченная из планок клетка и в ней маленький белый песик Том. Когда-то Тоша нашел его на улице со сломанной лапой и вот сейчас везет с собой. Томику суждено было пережить своего хозяина...

Уже позади прощальные объятия и поцелуи. Тоша уже отделен от нас таможенным барьером, но возня с его багажом все никак не кончится. Уже объявлена посадка. Скорее бы!

Наступило и прошло время вылета. И вот Тоша — и все, кто должен был лететь с ним, — возвращаются. В чем дело? Тоша — он, похоже, совсем не расстроен — говорит, что таможня не успела с досмотром. Что значит: он улетит спустя несколько дней, следующим рейсом. — Ой, так ли? А не ловушка ли это? Уже не советский гражданин и еще не иностранец, без паспорта, без прописки, он — так тогда думалось мне — может стать легкой добычей обозленной и мстительной госбезопасности. Из аэропорта, правда, его увезли на машине друзья.

Был ли этот эпизод нечаянной накладкой? Хотело ли КГБ напоследок еще раз поиграть на Тошиных нервах? Было ли это предостережением свыше — ведь возвращение с дороги считается дурным предзнаменованием?

Так ли, иначе — судьба подарила Тоше еще три дня в Москве перед отлетом на так и не ставшую ему родной «историческую родину». Тоша улетел в будний день, утром 5 сентября. Я не сумел в тот день освободиться на работе и еще раз приехать в Шереметьево проводить его.

«И вот — последнее».

Последний прочитанный Тошей перевод из Лорки был о смерти. Об ужасе смерти и одиночества.

На улице мертвый лежал,
Зажав между ребер нож...

Дрожит от страха ночной фонарь, а покойник — «чужой, нездешний» — всё лежит один, и до самой зари некому прикрыть ему глаза, распахнутые в кромешный мир.

...Погас зеленый глаз «Язуы». Опустели бокалы и бутылки. За окном давно ночь. И как ни хочется продлить застолье, оттянуть расставанье, еще о чем-то спросить, что-то сказать напоследок, ясно, что пора разъезжаться. Всем, кроме Тоши. Сегодня — в первый и последний раз — он заночует у нас.

Мы проговорили полночи. А утром, затолкав в сумку наш подарок — девятитомник Чехова в синем матерчатом переплете, — Тоша отправился домой.

В оставшиеся до отъезда немногие дни мы виделись еще не раз, но дома у нас он больше не был. В джемпере и ковбойке, с набитой, незастегнутой сумкой под мышкой, он энергичной походкой зашагал по Балаклавскому проспекту. Я проводил своего друга до остановки.

Тогда, в 73-м, нам обоим было под сорок. Сегодня — шестьдесят, но только мне. А тебя уже полтора десятилетия нет на свете. Сколько вместилось в это время! И долгие годы беспросветной неволи для многих и многих наших соотечественников; и внезапные стремительные перемены; и крах тоталитаризма; и муки пришедшего ему на смену смутного времени, распада и одичания.

Расставаясь два десятилетия назад, могли ли мы помыслить, что «Хроника», твоя «Хроника», сможет сегодня безвозбранно обращаться в России? Что в Москве состоится вечер в день ее 25-летия? Что у нас издадут всё, за что в памятное нам время свирепо преследовали и сажали? Что в честь жертв и узников коммунистической тирании перед Лубянской установят Соловецкий камень и низвергнут «железного Феликса»?

Что и твое наследие не будет забыто? Первой ласточкой станет публикация «Новым миром» в 1989 году твоей статьи «О романтической идеологии». А еще через три года выйдет твой двухтомник и состоится вечер в память о тебе. Почему тебе не дано порадоваться вместе с нами?

И вместе с нами огорчаться, и тревожиться, и сожалеть, что чаемые перемены, осуществляясь, выглядят в жизни не так, как думалось, и приносят не только те плоды, которых мы желали. Увы, привыкшие к рабству и унижению люди порой тоскуют по вчерашней неволе и ищут себе нового господина, и жаждут они не покаяния, а отмщенья. Мы видим сегодня, что даже свобода слова приносит свои издержки, и порнография еще не самая страшная из них. Невежества и развязности хватает и у тех, кто именует себя «демократами»; что же говорить об озлобленных до умопомрачения горепатриотах и «державниках»? Надо ли тебе объяснять это? Лучше процитирую: «Сейчас много разновидностей национально мыслящих (...) Никто из них не происходит от рус-

ской культуры (...) Они жертвы, и потому вызывают жалость; но их шутовство, их безвкусице, бездарность – граничат с хамством». Значит, ты понимал это еще тогда. Ведь это твои слова, написанные еще в 70-м году. (А. Якобсон. «Конец трагедии». Издательство «Весть», 1992, стр. 187).

А знаешь, Тоша, теперь ты мог бы запросто приезжать в гости. Подолгу жить в Москве. Да чего там – если бы ты захотел, ты смог бы совсем вернуться в свою Россию.

То-то было бы радости! Сколько было бы разговоров, споров, шуток, воспоминаний! Сколько объятий и встреч! Сколько стихов! И уж, конечно, не позабыли бы о водочке.

Сколько народу бы сбежалось! Но и скольких бы не достало, – Ильи Габая, Толи Марченко, Юлия, Давида, нашего генерала, Софьи Васильевны Каллистратовой, Андрея Дмитриевича Сахарова... И всех-всех мы бы непременно помянули.

Почему, почему в этом поминальном списке – и ты сам?!

В Израиле Тоше много раз снился сон, что в последний момент он извернулся, переиграл, не уехал из России. И немислимая радость во сне сменялась кошмаром пробуждения.

Из его редких писем, из писем Татьяны Сергеевны и Майи, от общих друзей мы знали: с Тошей неладно. Тяжелая депрессия на почве ностальгии. Глубокая угнетенность – вплоть до мыслей о самоубийстве. Эмигрантский шок.

Ему – неслыханное везенье! – предлагают читать спецкурс по русской поэзии в Иерусалимском университете (и даже – на русском языке), а он не в состоянии работать, писать, читать, не может думать ни о чем, кроме смерти. «...если бы мне предложили чудо – на один вечер перенестись к вам туда, я бы отказался: не хочу, чтобы вы увидели меня *такого*, хочу, чтобы вспоминали прежнего. А вот если бы не на один вечер, а навсегда мог бы я перенестись обратно, тогда бы воскрес» (из письма).

В самом конце 1973 года Тоша на три месяца попадает в больницу. Выписывается весной: «больница, считаю, ничего не дала». К лету 74-го состояние его все-таки улучшилось: сам Тоша связывал это с напряженной физической работой – грузчиком на мельнице. Но периоды относительного здоровья сменялись новыми приступами болезни.

Умерла Татьяна Сергеевна. «После смерти мамы как-то мне слабо жилось и сильно пилося. Запрещься, бывало, и жрешь в одиночку по-черному, (...) благо некому корить, лишь Томик поскуливает». (К тому времени уже не первый год Тоша и Майя, сохранив дружеские отношения, жили хотя неподалеку, но врозь. Свой развод они официально оформили в 74-м.)

Используя просветы, когда отступала болезнь, Тоша много работал. Три монографии; одна из них, об общих проблемах поэтики, стала его «докторской».

В последнем полученном нами письме (сентябрь 77-го) Тоша писал о недавней женитьбе. Лена К., недавняя эмигрантка из Ленинграда, была намного моложе, и Тоша долго гнал от себя «этакие-такие» мысли, внушая ей, что он старый, больной. Но Тошей трудно не увлечься. И кончилось тем, что Лена все-таки переехала к нему.

Нас порадовало и внушало оптимизм, что, помимо рассказа о семейных обстоятельствах, Тоша в том письме делился и творческими планами: «...я еще, представьте, работаю (...) Собрал огромный материал для книги о Цветаевой; этот материал и замысел таковы, что работы хватит на несколько лет. Со временем все прочтете».

Не прочли. Год спустя пришла страшная весть: 28 сентября 78-го во время очередной депрессии Тоша повесился в «миклате» — убежище-подвале дома — на собачьем поводке.

Тебе было дано все: мощь таланта, широта души, ум, творческое горение. Твое слово не оставляло равнодушными ни аудиторию, ни читателя; его страстность обжигала и будила совесть и мысль. Множество людей (и каких людей!) отдавали тебя горячей любовью и неподдельным восхищением. В тебе было всё, чтобы стать баловнем судьбы...

И в то же время было мучительно ясно: именно своим высоким духовным складом, обостренным чувством чести, отважным противостоянием несправедливости ты обречен в Советском Союзе каторге лагерей и «психушек».

Ты рыцарственно вступался за гонимых, каждый раз рискуя своей свободой. Не день, не месяц — семь лет длилось твое высокое, жертвенное служение. Пусть ты не сразил дракона...

но сегодняшняя свобода не состоялась бы без таких – кихотических – бессмысленных, если не безумных, с точки зрения обывателя, действий и поступков; она – долей – оплачена и твоими муками и гибелью.

Ты шел на всё это не по наивности и не из бравады; ты поступал так, преодолевая инстинкт самосохранения, боясь тюрьмы и еще больше – сумасшедшего дома.

Ты был воистину невольником чести; ты был из людей той породы, которые «ни единого удара не отклонили от себя» (А. Ахматова).

Кто знает, быть может, ты и вынес бы все каторжные сроки. Но здесь, дома. Потому что тут ты был напряженно собран, настроен на предстоящие тяготы и лишения, настроен на борьбу. В тебе была могучая сопротивляемость на давление и на излом. Но твердый внутренний стержень выпал, когда не стало внешнего давления.

Россия вытолкнула – и Россия же ревниво не отпускала тебя. Тоскуя по оставленным друзьям, ты терзался сознанием своего «дезертирства». И каждое горькое известие отсюда, каждая потеря, каждый новый удар по редющим рядам правозащитников отзывались судорогой в твоей душе.

Бросился с балкона твой ровесник и товарищ Илья Габай – педагог, поэт и политзэк. Всего год назад мы радовались его возвращению из лагеря. «Боже мой, Илья. И я не с вами (...) Как во сне».

Твои друзья, две Тани и Сережа (Т. М. Великанова, Т. С. Ходорович, С. А. Ковалев) открыто заявляют о возобновлении выпуска «Хроники», остановленной угрозой твоего ареста. Каково было тебе – в безопасном «далеко» – услышать об их самоотверженном, их «самосажательном» поступке? И узнать спустя несколько месяцев, что Сережа Ковалев арестован?

Каково было тебе слышать и читать о тюремных и лагерных судьбах многих и многих своих друзей и знакомых? И ощущать невозможность помочь им? Тебе казалось, что ты ушел с поста, и ты судил себя собственным беспощадным судом.

Ты не был создан светить тускло-глюющим огоньком лампы. Ты был назначен для буйного искупительного пламени

жертвенника. Чудом спасенный от кругов ГУЛАГовского ада, недоступный в Израиле для когтей КГБ, ты и там был достигнут судьбой и не избежал своего жертвенного предназначения. Ты все равно вспыхнул и сгорел в страшном самосжигающем пламени. И какая разница, чем обернулся этот огонь – плахой ли, костром, пульей в затылок, тюрьмой, изгнанием или – собачьим поводком?!

Кто устоял в сей жизни трудной,
тому трубы не страшен судной
звук безнадежный и нагой.

Вся наша жизнь – самосоженье,
но сладко медленное тленье
и страшен жертвенный огонь...

(Стихи Давида Самойлова)

Август 1993 года

ПОБЕГ

...Тот день рождения, тот пасмурный октябрьский вечер памятен мне и сегодня, спустя три десятилетия. Сначала надо было ехать куда-то на окраину Москвы. Потому что собирались не у виновника торжества, а у родственницы его жены. И друзей приехало немного, от силы человек десять. Таково было желание именинника. И его выбор. Он захотел убежать сегодня от толчеи и многолюдства. Ведь на дни рождения к нему — даже в три года его отсутствия! — съезжалось обычно видимо-невидимо народу, многие десятки его друзей и знакомых. И было негде ступить в обеих комнатах квартиры, тесно было и в коридоре, и на кухне, а кто-то еще курил на балконе. И читались его письма и стихи, и поднимались тосты в честь отсутствовавшего. И пришедшие расписывались на заветной бутылочке с надписью: «До возвращения Ильи Габая не открывать!»

Хватало и в этот раз на столе закусок и откупоренных бутылок. И опять говорились задравные тосты, и звучали стихи. И сам Илья был на этот раз вместе с нами. Но не согревало душу вино, не радовали стихи, не веселили веселые шутки. Словно то, чему еще предстояло случиться, что спустя всего одиннадцать дней как разорвавшаяся бомба оглушит нас, уже набросило на наше застолье свою холодную тень, уже незримо сидело рядом с нами.

...А какое шумное столпотворение было полтора года назад, весной 72-го, в день освобождения Ильи! Было известно, что его из лагеря привезли в Москву, что он в Бутырке, что 19 мая у него заканчивается срок... а вот освободят ли? этого до последнего момента не знал никто.

Освободили. Но выпустили (случайно? намеренно?) из дверей следственного корпуса, так что ожидавшие его с цветами у выхода из Бутырки жена и друзья разминулись с Илей, и домой (благо до Лесной улицы было близко) он со всеми вещами добрался сам.

...19 мая после работы я позвонил Габаю домой. Илья снял трубку, коротко сказал мне: «Приезжай!» – и я помчался в его квартиру на Лесной.

Народу – не протолкнуться. Конечно, много общих друзей, но есть и вовсе незнакомые мне. Мы обнялись с Ильей, я отдал ему цветы, сунул кому-то бутылку. Присутствующие подвинулись, и я присел к столу. «Ну, с возвращением!»

...А ведь, в сущности, тогда я совсем мало знал Илью. Несколько лет назад кто-то дал мне отпечатанные на машинке стихи Габая (помнится – «*Волхвов*»). Но большого впечатления они на меня не произвели. Позднее, осенью 68-го или в начале 69-го я несколько раз пересекался с Ильей на «Автозаводе», на квартире Петра Якира. Но дальше шапочного знакомства дело тогда не пошло. Больше того, – когда в мае 69-го Илью арестовали, я даже не подписал письмо в его защиту. Потом я не раз сожалел об этом. И отчасти поэтому, когда стал известен лагерный адрес Габая, я написал ему. Наша переписка касалась прежде всего литературных тем. Далеко не всегда мы с Ильей сходились во вкусах и оценках. Так, он не любил А. Вознесенского, многие стихотворения которого мне нравились (и нравятся до сих пор).

Зато в последние полтора года я частенько заезжал к Илье. Однажды и он приезжал к нам на мой день рождения. Помню, за те несколько часов, что он тогда пробыл у нас, он успел совершенно очаровать нашу дочку Олю, которой было 12 или 13 лет. Он сел рядом и разговаривал с нею как со взрослой. Дети чувствуют и ценят искренний интерес к себе.

...А времена были тревожными. Спустя месяц после освобождения Ильи был арестован Петр Якир, видный диссидент, прошедший как сын врага народа много лет в сталинских лагерях и реабилитированный только при Хрущеве. В свое время Габай посвятил Якиру одну из главок своей незаконченной поэмы «*Книга Иова*». И вот Петя-Иов снова в тюрьме. Вынужденный накануне освобождения дать обязательство воздерживаться от общественной активности, Габай не считал себя вправе подписать коллективное письмо в защиту Якира. Но и смолчать, умыть руки, когда Петра (которого Илья считал своим другом) снова посадили в Лефортово, он не мог. И он пишет ведущему дело следователю, что в выступлениях и действиях

Якира нет «клеветы и антисоветчины», что он всегда выступал только против нарушений социалистической законности и попыток реставрации сталинизма. Увы! Петра Ионовича (как и его подельника Виктора Красина) сломили на следствии, и оба они дружно признали клеветнический и антисоветский характер своих действий и дали подробные показания на всех своих товарищей. В том числе и на Габая. Каково было Илье слушать во время очных ставок призывы своих недавних сотоварищей помогать КГБ, быть откровенным со следователями и не стесняться давать показания на других?.. Впрочем, свое собственное участие в правозащитной деятельности Габай не таил. Зато всегда отказывался давать показания о других. Между тем КГБ упорно стремился заставить Илью отречься от себя и последовать примеру Петра и Виктора. Но в этом чекисты так и не преуспели. Страшным способом Илья навсегда убежал от их шантажа и коварных ловушек.

Необходимо хотя бы в нескольких словах рассказать современному читателю о Габае, об основных вехах его короткой, исполненной душевными исканиями и метаниями жизни. Илья родился в 1935 году в Баку. Он воспитывался у родственников: родители его рано умерли. Ему выпало сиротское («*коп-перфильдовское*», как писал он сам) детство. В 22 года, после армии, Илья поступил в Московский педагогический институт. Его студенчество пришлось на годы «оттепели» после XX съезда, что наложило отпечаток на душевный склад Ильи и его мироощущение. Как и многие (но острее многих!) он ощутил свою — личную! — ответственность за всё, что происходит в нашей стране. «*Мне стыдно, что я жив, когда творят праведж*», — писал он в своей лагерной поэме. Этот стыд и эта боль подвигали его на активные поступки: еще в 1966 году он посылает письмо (в «Правду») об опасности возрождения сталинизма, участвует в первых правозащитных демонстрациях. В январе 1967 года, после демонстрации на Пушкинской площади, Илью арестовали, но спустя три месяца выпустили из тюрьмы, а потом и вовсе прекратили дело. Иной после подобных приключений решил бы вести себя потише, поосторожней. Но Илья ощущал чужую боль больнее собственной. И, потрясенный судебной расправой над Ю. Галансковым и А. Гинзбургом, он пишет весной 68-го «Обращение»

к деятелям науки и искусства (подписанное также Ю. Кимом и П. Якиром). «Обращение» призывало возвысить голос против расправ за слово и убеждения, предупреждало, что при нашем молчаливом попустительстве *«может наступить новый 37-й год»*. Летом 1968 года Илья работал в археологической экспедиции в Молдавии, и это уберегло его от участия в демонстрации на Красной площади 25 августа против советской оккупации Чехословакии. Но рикошетом эта героическая акция все же зацепила Илью: его очерк *«Узакрyтых дверей открытого суда»* о процессе по делу демонстрантов был впоследствии вменен ему в вину на его собственном суде.

Илья принимал участие в создании первых номеров *«Хроники»*. Помогал крымско-татарским активистам в их борьбе за возвращение на родину. Закономерным — хотя и незаконным! — итогом всего этого стал арест Габая 19 мая 1969 года. Судили его подальше от Москвы — в Ташкенте. В своем последнем слове Илья выразил твердую убежденность в своей невиновности и в том, что обвинительный *«приговор рано или поздно будет отменен временем»*. Назначенный судом срок (3 года) Илья отбывал в кемеровском лагере общего режима. А с началом перестройки, в 1989 году, дело Габая действительно было пересмотрено, и он был — посмертно — реабилитирован.

Друзья бережно сохранили творческое наследие Габая. В 1990 году в Москве впервые вышел сборник его стихов *«Посох»*, а другая книжка Габая была выпущена в Иерусалиме. В 1994 году в Москве в издательстве *«Весть»* вышел сборник стихов и прозы Габая *«Выбранные места»*.

Илья был учителем, правозащитником и — поэтом. Мне думается, что у Габая большое душевное сродство с поэтом и декабристом В. Кюхельбекером. Илья ведь тоже был *«бунтовщиком»* (хотя его оружием был не пистолет, а открытое слово). И он тоже поплатился за свое бунтарство годами заключения. Так же, как и Вильгельм, Илья был бесконечно предан своим друзьям. Кюхельбекер писал порой тяжеловесным гекзаметром. Стихи Габая искренни, пронзительны и — трудны для восприятия. Говоря словами Пушкина, Кюхля был для Ильи *«брат родной по музе, по судьбам»*.

Как отыскать ключ для понимания поэзии Габая?

В стремлении к подлинности Илья сознательно избегал *гладкословия*. Ибо боялся

...променять на гладкость слов
живую боль и душу живу.

И видел

в радищевском косноязычье
залог святой борьбы со злом.

Отсюда намеренная неуклюжесть некоторых габаевских строчек и строф. Но когда, преодолев установку на «косноязычье», Илье удавалось соединить пронзительную искренность стиха с совершенной формой, — тогда рождалось чудо настоящей поэзии. Такое, как стихи «*В последний раз в имени родовом...*» (о Софье Перовской), как написанное летом 1968 года пророчество о невозможности убежать, спастись от собственной гибельной судьбы, как некоторые отрывки из «Книги Иова» и из последней лагерной поэмы.

Вероятно, мы недостаточно сознаем, какую тяжелую травму наносит человеческой душе лагерь. Кто-то со временем справляется с ней, у других кровоточащий рубец остается на всю жизнь. Помню, как весной 1983 года, выйдя на свободу, я ощущал постоянную тревогу: мне казалось, что в любой момент по отношению ко мне могут устроить провокацию, схватить, обвинить в хулиганстве, в карманном воровстве, и — ничего не докажешь, и опять — лагерь. И такие опасения не были беспочвенны, подобное и в 70-е, и в 80-е годы случалось не раз.

После долгих и утомительных поисков Габай получил место корректора в газете «Лесная промышленность» (сам Илья шуточно называл ее *Лесной газетой*). Работа скучная, да и трудная для очкарика со слабым зрением. В начале лета 1973 года Галя, Илюшина жена, родила дочку Машеньку (их старшему — Алеше было уже 11 лет). Между тем «опекуны» из КГБ, стремясь «дожать» Илью и вырвать у него покаяние, не давали ему передышки. Вызовы на допросы осенью 1973 года стали почти еженедельными и сопровождались угрозами и ему самому, и его близким.

...Но вернусь к рассказу о последнем дне рождения Ильи. Хотелось как-то подбодрить его, сделать что-то приятное. Я решил прочесть на память три сонета из написанной им

в лагере поэмы «Выбранные места». Вот начальные строки первого из них:

Такая непрошенность — эта грязь
И поздний стыд — любая казнь в угоду.
Предвестница последнего ухода
Объявшая меня грехобоязнь.

Не знаю, каково автору слушать свои стихи в чужом, тем более неумелом, исполнении. Но Илья обнял меня и сказал, что я читаю его стихи лучше, чем он сам.

В тот вечер я впервые услышал замечательное стихотворение Ю. Кима «19 октября». Юлик тогда вслух прочитал его имениннику. И оно невольно — и накрепко! — связалось в моем сознании с Ильей. О чем же эти стихи? О молодом и беспечном дружестве, подобном пушкинскому лицейскому братству. О желании

...жить легко и смело,
Не высчитывать предела
Для бесстрашья и любви.

И каждый год

Собираться у огня
В октябре багрянолистом
Девятнадцатого дня.

Но жизнь, но судьба распоряжается по-своему. И беспощадно губит самых любимых и лучших:

Грянет бешеная вьюга,
Захохочет серый мрак
И — спасти захочешь друга,
Да не выдумаешь — как...

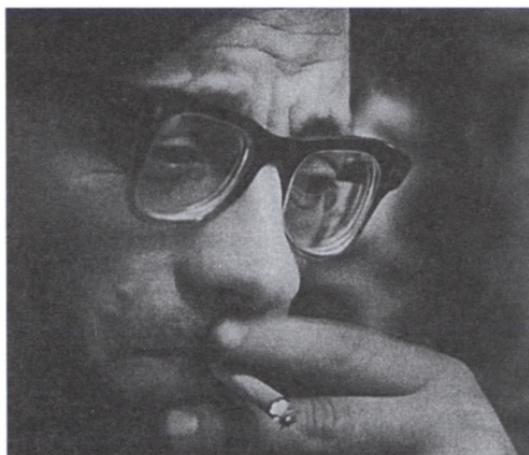
Все мы искренне хотели помочь Илье. А его уже пора было — спасти. Вот только «не выдумаешь — как...»

Намечался, правда, один выход. Вспоминает близкий друг Ильи писатель Марк Харитонов: «...у него давно лежал вызов от мнимых израильских родственников». Илья не хотел эмигрировать, но обстоятельства выталкивали его из страны. «Если бы три года назад мне дали выбор: туда или в тюрьму, — я предпочел бы тюрьму. А сейчас предпочел бы все-таки погулять на вольном воздухе, где-нибудь в Вене или Брюсселе...» Это (по свидетельству Харитонova) говорил Илья друзьям после проводов Тоши Якобсона.

Но он так и не уехал. Мне кажется верной догадка Марка, что на последнем допросе «ему был дан срок на какое-то неве-

домое нам решение». Быть может, угрозы и шантаж касались его жены, ведь грудной ребенок на руках — не слишком надежная защита от чекистов, да они и подождать могут полгодика-годик — времени у них достаточно. Быть может, и решение на эмиграцию было поставлено в зависимость от «откровенности» на допросах и от «чистосердечного раскаяния». Только когда по-настоящему откроются андроповские архивы, мы сможем достоверно узнать обо всем этом.

Поэтому скажу коротко. Илья был уже не в силах сражаться с доблестной сворой чекистского воинства. Он не мог ни поступиться своей совестью, ни рисковать судьбами жены и друзей. Оставалось одно — уйти в последний, отчаянный и невозвратный побег. 20 октября 1973 года, когда он оставался один дома, Габай написал предсмертную записку, положил рядом с ней на стол ненужные больше очки. Вышел на балкон. И шагнул вниз с одиннадцатого этажа...

Мне запомнилась фотография Ильи, сделанная кем-то незадолго до его гибели. Выхваченное из мрака краткое мгновение. Лоб в складках морщин, измученные глаза за стеклами очков, пальцы, сжимающие горящую сигарету, чуть подсвеченное этим огоньком лицо. Нет, не лицо, а гримаса нестерпимой боли... сейчас погаснет сигарета, и всё опять потонет в темноте ночи.

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДСТВО ПРАВООЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ

*Памяти
Софьи Васильевны Каллистратовой*

«Идейное наследство», — говорю я. И, естественно, встает вопрос: разве правозащитное движение уже закончилось? И пришло время подводить его итоги?

Правозащитные проблемы нескончаемы, как сама жизнь. Нам еще далеко до правового государства. Права человека реально нарушаются у нас и сегодня. А значит, необходима и их защита, и правовое просвещение общества. И шаги в этом направлении делаются. Создаются общественные ассоциации («Тюрьма и воля», «Комитет солдатских матерей», «Мемориал»), восстановлена и действует Московская группа «Хельсинки», проводятся правозащитные семинары и конференции.

Но переменилось время. Другой стала страна, другим — общество, другими — возможности и условия нашей работы. Мог ли я каких-нибудь шесть-семь лет назад представить, что смогу открыто и беспрепятственно рассказывать своим согражданам о диссидентском движении?! Правозащитная деятельность нужна и важна и ныне, но — не станем обманываться! — при всей идейной и человеческой преемственности сегодня она нечто совсем другое. А то, что в наше время именовалось правозащитным движением, — это безвозвратно ушло и уже никогда не повторится.

Но правомерно ли вообще говорить об идейном наследстве правозащитников? Разве были ими высказаны действительно новые и оригинальные идеи? — Едва ли. Но что вполне ново под луной?

Думаю, если правозащитники только возродили из забвения идеи, высказывавшиеся и до них; если они дали этим идеям собственную, оригинальную трактовку; если они

своим примером привили их в сознание общества — то правомочно называть такие идеи правозащитными.

Предвижу и такое возражение. Общественное движение 60–80-х годов было идеологически пестрым: тут и религиозники, и националы, и демократы, и либералы, и даже «истинные марксисты-ленинцы». Можно ли извлечь из подобного разномыслия какую-то общую сущность? — Я считаю — можно.

Диссидентами именовались люди различных взглядов и устремлений, несхожие и порой почти ни в чем не согласные между собой. Но все-таки были, по меньшей мере, три положения, на которых сходились почти все. Эти принципы не всегда четко формулировались, часто только подразумевались. Но их не оспаривал почти никто. На мой взгляд, они состоят в следующем.

Гласность сегодня — затертое слово. И изобрели ее, конечно, не правозащитники. Освобождение слова от цензуры ставил во главе своей программы еще Герцен. Но за десятилетия большевистского ига мы отвыкли от свободной речи. Оттого открытость выступлений первых правозащитников производила поистине потрясающее впечатление. Вот только один пример не нынешней — дозволенной, а тогдашней — преследуемой, обжигающе-опасной гласности.

В конце сентября 1967 года молодого москвича вызвали в КГБ. И сказали: мы знаем, что вы составляете сборник материалов недавно закончившегося суда. Предупреждаем: если сборник будет закончен и распространен, вы будете привлечены к уголовной ответственности.

Как чаще всего вели себя в такой ситуации наши соотечественники? Многие, отнюдь не трусливые люди, решили бы: увы, ничего не поделаешь, и уничтожили бы сборник. Другие, похрабрей, спрятали бы его до лучших времен. Самые отчаянные, не считаясь с угрозами, закончили бы сборник и распространили бы его. Решившись сесть за это на скамью подсудимых.

Человек, о котором я рассказываю, Павел Литвинов (год спустя — участник демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года), поступил самым естественным — и самым

невероятным образом. Вернувшись домой, он записал по памяти беседу в КГБ и эту запись отправил главным редакторам четырех советских и трех иностранных газет — с просьбой опубликовать свое письмо. «Чтобы, — писал он, — в случае моего ареста общественность была бы информирована о предшествующих ему обстоятельствах».

Это письмо ходило в самиздате, звучало по зарубежным радиоголосам. А сам сборник — «Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года» — вышел по-русски в Лондоне в 1968 году.

...Не знаю, как такое ощущается сегодня. Но в то время, услышав письмо Литвинова по радио, я был потрясен его поступком. Значит, — так можно? Нет, так *нужно!*

Бесстрашная открытость стала метой правозащитников; назову хотя бы имена А. Амальрика, Л. Богораз, В. Буковского, П. Григоренко, А. Марченко, Ю. Орлова, Л. Чуковской... А можно было бы перечислить здесь еще десятки фамилий.

Второй из принципов, который исповедывали правозащитники, — это уважение к праву и законности. Сегодня такой декларацией никого не удивишь, ведь мы собираемся строить правовое государство. Не то было какое-нибудь десятилетие назад.

Идеи права относительно новы для России. Они стали по-настоящему утверждаться лишь после судебных реформ Александра II. Эти идеи отстаивались в сборнике «Вехи». Но им не суждено было взрасти и утвердиться.

Октябрьская катастрофа 17-го года смела эти ростки, на много десятилетий утвердив правовой нигилизм, подменив право «классовым» или «социалистическим» правосознанием, «революционной целесообразностью». «Закон — дышло», «был бы человек, а статья найдется» — в подобной мудрости воспитано у нас не одно поколение людей.

Разоблачение страшных преступлений тоталитаризма заставило задуматься о гарантиях от будущих беззаконий. Мысли интеллигенции обратились тогда к идее права — как антитезе произвола. Возник интерес к отечественной и мировой юриспруденции. Люди как бы вновь открывали для себя, что согласно Конституции нам принадлежат *права*

и свободы — слова, печати, собраний, митингов, демонстраций, — а мы и не вспоминали о них. Оказывается, и наш закон не всегда безнадежно плох, он даже способен порой служить защитой от разбоя властей, — беда в том, что никто не требовал его соблюдения. Так значит — надо потребовать!

Осенью 65-го были арестованы писатели А. Синявский и Ю. Даниэль. Одним из следствий их ареста стала первая правозащитная демонстрация 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади. Участники демонстрации, несомненно, сочувствовали арестованным писателям и видели в их аресте покушение на свободу слова и творчества. Чего же они требовали? Уж наверное, освобождения арестованных? Наказания виновников произвола? — Нет, их лозунги отличала предельная сдержанность: «Соблюдайте советскую Конституцию!», «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!»

«Законничество» правозащитников не было игрой. Но так ли мало — требование соблюдать писанный закон, провозглашенные и признанные права, процессуальные нормы и гарантии?! Да, правозащитники не были революционерами, не пытались сокрушить существующий строй, не конспирировали и не лукавили. Но их правовое просветительство и нравственная позиция постепенно меняли интеллектуальную атмосферу и сознание общества. Люди начинали понимать:

- что естественно и неподсудно инакомыслие;
- что противоправна цензура, а не бесцензурный самиздат;
- что не должны быть наказуемы открытые письма, мирные протесты и петиции.

Диссиденты повсюду искали правовые знания, находя их не только в сводах законов и кодексах. Так обнаружилось, что принятая ООН при участии СССР «Всеобщая декларация прав человека» почти неизвестна нашим соотечественникам. Тогда «Декларацию» удочерил и размножил самиздат, и копии ее, случалось, отбирали на обысках. Диссиденты делились своими знаниями и опытом, учились друг у друга. Это был настоящий правовой ликбез. И тут уместно сказать о его пионерах и энтузиастах. Одним из первых был математик и поэт А. С. Есенин-Вольпин. Его памятка «Для тех, кому предстоит допросы» (1969) сыграла важную роль в выработке правозащитниками осознанной и грамотной позиции на этом

трудном и ответственном испытании. Эту же тему развивали в своих статьях Як. Виньковецкий и В. Альбрехт. Правовую культуру и дух подлинного законоуважения настойчиво стремилась привить нашему движению юрист и адвокат, наш старший товарищ С. В. Каллистратова.

Требуя уважения своих прав, участники движения и сами соблюдали дух и букву закона. Но власти всё равно преследовали правозащитников, арестовывали, судили и сажали. Механика тут была простой. Послушные следствие и суд, словоблудствуя, рассматривали разоблачающую, неприятную для властей правду как заведомую клевету. И мы оставались со своей правдой — и со своим приговором. И попадали кто — в лагерь, кто — в «психушку», и все вместе — в «Хронику». Будущий историк найдет и по достоинству оценит эту безымянную летопись Сопrotивления.

И третий, быть может, самый наш главный принцип — *ненасилие*. Принцип этот имеет древнюю историю, которой я не стану касаться. Уже в новое время его исповедывали Лев Толстой, Мохандас Ганди, Мартин Лютер Кинг. Но с этим принципом в массовом сознании связан один застарелый и устойчивый предрассудок. Он заключается в том, будто неприемлющие насилия люди — непротивленцы. Нет, мы не были непротивленцами! Напротив, мы противились злу изо всех наших сил, боролись с сильнейшим противником, рискуя всем — свободой и головой. Но нашим оружием всегда оставалось только слово.

Было ли это выстраданным принципом? Или, может быть, диссиденты просто не испытали на себе в полной мере гонений, произвола и насилия? Нет, власти не щадили своих мирных оппонентов. И «на всю катушку» упекали правозащитников в тюрьмы, лагеря и «психушки». Политзэки и там не мирились с произволом — требовали соблюдения своих прав, писали заявления, отказывались от работы, объявляли голодовки. Это была отчаянная борьба со своими невозвратными потерями и жертвами. Так, не вышли из лагерей Ю. Галансков, Ю. Куку, Вал. Марченко, О. Тихий, В. Стус — и это далеко не полный список. А Анатолий Марченко, своей гибелью оплативший начало освобождения «политических»?!

Да, мы скорбим о всех погибших товарищах. Но правозащитники никогда не призывали к самосуду и кровавому отмщению. И лирический герой стихотворения Ю. Даниэля, на чьих глазах гибнет от пули охранника один из его сотоварищей-зэков, с отчаяньем думает:

Ну, чем отвечать? Матюками ли,
ножом ли, поджогом? Пустое!
Расправы в бессмыслицу канули.
Одно только слово простое,
Настойчивое, как пословица,
Захлебывается и молит:
О, Боже, не дай мне озлобиться!
Спаси – не обрушивай молот!..

Принцип ненасилия считался несомненным в диссидентской среде. Он не подвергался сомнению даже в экстремальных ситуациях, когда сами власти вступали на путь силовых противоправных акций и совершали прямую агрессию. Можно напомнить оккупацию нами Чехословакии в 1968 году. Или интервенцию в Афганистан – безумную, преступную авантюру, повлекшую потери десятков тысяч наших ребят и неисчислимые – афганцев. И в том, и в другом случае среди диссидентов нашлись люди, открыто заявившие свой протест. Но диссиденты никого не звали к оружию, не призывали свергнуть «оккупационный режим», не играли безответственно судьбами людей, прислушивавшихся к их словам. И если уж подставляли под удар, то – только себя.

Демонстрация семи на Красной площади 25 августа 1968 года против оккупации Чехословакии была подчеркнута мирной – сидячей. И когда сотрудники в штатском ногами избивали демонстрантов, те не отвечали на удары.

Гражданский подвиг Андрея Дмитриевича Сахарова – лучшее олицетворение деятельного, упорного и постоянного противления злу, но противления – без насилия. Сталкиваясь во множестве с несправедливостью и произволом, Андрей Дмитриевич неизменно отвергал насилие, стремился к диалогу, заявлял себя убежденным сторонником эволюционного, а не революционного пути развития общества. Неужели и сейчас, когда Сахарова больше нет с нами, мы не услышим и не поймем его зовущего к примирению голоса?!

Ныне правозащитники — хотим мы этого или нет — должны уступить место другому поколению наших сограждан, которое сегодня выходит на авансцену. Чем мы, уходящие, можем им помочь?

Мы прошли долгий и нелегкий путь. И вот, на мой взгляд, три главных вывода, три главных идейных итога этого пути. Три принципа: Гласность и открытость. Приверженность к праву и закону. Ненасилие.

Сегодня наше общество на распутье. Мы пробудились от летаргии. Как морок, как страшный сон, как нечисть при свете утра, рассыпалась в прах КПСС, душившая нас долгую ночь тоталитаризма. (*Увы, это только казалось. Сегодня гидра большевизма снова поднимает свои ядовитые головы. — Примечание 1999 года.*) Рухнуло незыблемое, свершилось невозможное. Нет больше Советского Союза, и о нем не стоит вздыхать с ностальгией. Есть Россия, и есть новые, независимые государства. И с ними надо учиться соседствовать и жить. Мир необратимо изменился, всё сдвинулось, и уже нет пути назад. А впереди — маячат призраки смут и революций, кровавых потрясений, разрухи, голода и одичания. Уже занимаются, вспыхивают то здесь, то там огоньки междоусобиц. Неужели они сольются в огненный вихрь? Неужели гудящее пламя гражданской войны вновь прокатится по нашим городам и селам? Неужели мало бедствий выпало на долю нашей несчастной страны?

Но есть — я верю — и другой путь. Путь эволюции, а не взрыва. Законоуважения, а не анархии. Путь взаимного отказа от насилия. Путь открытого обсуждения противоречий, поисков компромисса и взаимных уступок. Терпимости к оппоненту и партнеру, признания его прав и интересов.

На этот путь зовет нас опыт правозащитников.

И если мы выберем путь гражданского примирения, если общество воспримет наш опыт нравственного противостояния, принцип *противления злу ненасилием*, — можно считать, что правозащитное движение не было напрасным. И что идейное наследство правозащитников не пропало даром.

Январь 1992 года

САГА О «ХРОНИКЕ»

«...труд усердный, безымянный...»

А. С. Пушкин

В воспоминаниях диссидентов и в статьях постсоветской журналистики о правозащитном движении порой как что-то общеизвестное упоминается «Хроника». Хотя вряд ли даже пишущие на диссидентские темы журналисты (не говоря уже об их читателях!) имеют ясное представление об этом поразительном и уникальном феномене нашей новейшей истории.

Что же такое — «Хроника»?

Кто-то ответит:

— Была такая самиздатская то ли газета, то ли журнал. Тоненькие такие отстуканные на машинке листочки, сцепленные канцелярской скрепкой. И за эти машинописные листочки — *сажали*.

— И вовсе не машинописные, — возразит другой. — Я сам как-то видел два толстенных серых тома страниц под 500, выпущенных, помнится, в Амстердаме.

— Да не в Амстердаме, а в Нью-Йорке, — скажет третий. — И не толстые тома, а средних размеров зеленые тетрадки. Они мелькали иногда среди попадавшего в СССР тамиздата.

Кто прав? Все правы. Но наиболее верен первый ответ. Ибо составлялась «Хроника» всегда в Советском Союзе. Да, с 1974 года (а родилась «Хроника» в 68-м) 28-й и последующие ее номера стали по мере поступления **переиздаваться** в США издательством «Хроника», созданном эмигрировавшим из СССР Валерием Чалидзе. (Впрочем, и раньше многие выпуски «Хроники» вместе с другими материалами самиздата перепечатывались издательством «Посев».) А первые 27 номеров «Хроники» были в 1979 году собраны и переизданы в Амстердаме Фондом имени Герцена.

...Но все это было спустя годы и годы. А тогда, в конце 60-х, тоненькие выпуски «Хроники», переходя доверительно

от знакомого к знакомому, размножались на машинках (часто — на папиросной бумаге, чтобы больше экземпляров получалось в одной закладке) и разлетались сначала по Москве, а там — на Украину, в Ленинград, Ташкент, Прибалтику — и по всему Союзу. И обратным током, тоже от знакомого к знакомому, в Москву стекались ручейки информации. О том, что тогда остро волновало многих, о чем мы догадывались (не представляя, впрочем, масштабов происходящего) и о чем молчала (или лгала!) вся советская пресса. О политических судах и о политзаключенных (мы-то думали: — «политических» можно сегодня перечесть по пальцам, ведь сейчас не сталинские времена, не подозревая, что их и теперь сотни и сотни).

О протестных письмах в связи с этими судилищами (оказывается, под ними многие десятки и сотни подписей, и среди них известнейшие люди — писатели, ученые). О высланных крымских татарах, которых не пускают вернуться на родину (а они привозят в Москву петиции с тысячами и десятками тысяч подписей). О спецпсихбольницах за инакомыслие (Неужели такое возможно в XX веке? Ведь даже сто с лишним лет назад, при Николае I, Чаадаева не заперли в дурдом, а только объявили сумасшедшим). А преследования (с лагерными сроками!) за религию?! А движение евреев за выезд в Израиль?!

Бесстрастная, безоценочная (только факты!) информация «Хроники» открывала интеллигенции глаза на целые пласты неизвестных ей и непривычных явлений. И этим ставила нас перед выбором.

Кто же выпускал «Хронику»? Из-за постоянных преследований этот информационный бюллетень поневоле выходил анонимно. Сегодня о тех, кто его составлял, можно, наконец, говорить открыто и безбоязненно. Основателем и первым редактором «Хроники» была Наталья Горбаневская, поэт, правозащитник, член ИГ, в дальнейшем — политзаключенная Казанской СПБ, после освобождения вынужденная в декабре 1975 года эмигрировать во Францию. В последующем из-за постоянных репрессий КГБ у «Хроники» сменилось несколько редакций. Но об этом я расскажу позднее.

Сколько лет выходила «Хроника»? Кажется невероятным, но вопреки непрерывным и жестоким преследованиям,

вопреки неоднократным решениям КГБ окончательно задать «Хронику» к такому-то сроку эта летопись Сопротивления продержалась полтора десятилетия и выпускалась подпольно с 1968 по 1982-й год. Известно 64 составленных за это время ее выпуска. Это больше пяти тысяч страниц. Рассказ о судьбах свыше полутора тысяч узников совести и о тысяче с лишним подвергшихся иным — внесудебным — преследованиям людей.

...Напрашивается сопоставление с первой русской бесцензурной газетой, издававшейся в эмиграции Герценом и Огаревым в 1857—1867 годах. Их «Колокол» выходил два, иногда три и четыре раза в месяц. Всего было напечатано 245 номеров. Полиция и тайные службы всемерно препятствовали проникновению эмигрантских изданий в Российскую империю, но «Колокол» все равно широко читала образованная Россия. Конечно, *Бруты и Кассии Третьего отделения* могли попытаться выкрасть (или просто убить) дерзких лондонских «пропагандистов». И Герцен получал предостережения о подобных их намерениях. Но *в проклятое царское время* (говоря языком советского сленга) тайные службы предпочитали все-таки избегать прямой уголовщины. А редакторы «Хроники» жили в Советском Союзе и потому были беззащитны перед произволом властей.

В характере самих изданий немало схожего. Как и «Колокол», «Хроника» рассказывала о событиях и фактах, о которых умалчивали (или истолковывали их превратно) издававшиеся в России подцензурные газеты. Но Герцен и Огарев часто печатали в своей газете проблемные статьи и публицистику. «Хроника» избегала публицистики. Впрочем, иногда и на ее страницах — как наличествующие факты общественных выступлений — помещались: некролог А. Твардовскому (А. Солженицына); статья Л. Чуковской в защиту М. Джемилева; письмо Т. Ходорович — Л. Плющу и т. п. «Колокол» рассказывал порой о событиях недалекой истории (например, о «Новгородском возмущении 1831 года»). В некоторых номерах «Хроники» также попадалась рубрика «процессы прошлых лет».

Встречались и различия. Правозащитное движение (голосом которого была «Хроника») призывало к соблюдению вла-

стями существующих законов. «Колокол» выступал за коренные реформы. Правозащитники изначально были противниками насильственных действий. Герцен и Огарев не отвергали в теории даже кровавых революций: *«они бывают иногда необходимы»*. Но, отмечал Герцен, с годами *«растет в нас отвращение от кровавых переворотов»*. *«Какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы»*. И отвечая на «Письмо из провинции» Русского Человека, призывавшего: *«К топору зовите Русь!»* Герцен писал: *«Но к топору мы звать не будем до тех пор, пока остается хоть одна разумная надежда на развязку без топора»*.

Книги Герцена стали вновь печататься в России после революции 1905 года, спустя 35 лет после смерти автора. А сам «Колокол» был факсимильно переиздан только в 60-х годах XX века.

Впервые публично рассказывать о «Хронике» стало возможным в России в 1989 году. Наверно, не мне одному памятно правозащитные вечера в Доме культуры МАИ и в клубе «Медик». А в мае 1993 года журнал «Огонек» (с тиражом свыше четверти миллиона!) напечатал статью Александра Даниэля «Так начиналась “Хроника”». Но подробного рассказа об этом легендарном бюллетене нет и по сей день.

Убежден, что «Хроника» была ничуть не меньшим явлением в отечественной истории, чем герценовский «Колокол». И оказала не меньшее воздействие на судьбы России. Разумеется, издававшийся в эмиграции «Колокол» не изменил (да и не мог изменить!) курс российского корабля. А «Хроника» подобной задачи вообще не ставила. Крах тоталитаризма в августе 1991 года был следствием множества причин – экономических, политических, социальных. За долгие 73 года большевистская тирания изжила себя и обанкротилась идеологически. Этот крах, зачастую неосознанно, подготавливало множество наших сограждан. Тут и первый советский реформатор Н. Хрущев, освободивший многие тысячи безвинных узников и положивший начало разоблачению сталинского «культа». И последний преобразователь СССР М. Горбачев, не сознававший, куда ведут проводимые им реформы, и ставший могильщиком коммунистической утопии. Разоблачению режима способствовали гулявшие в самиздате лагерные воспо-

минания Е. Гинзбург, В. Шаламова, О. Волкова, Ек. Олицкой и др., историософские эссе Г. Померанца, А. Амальрика, В. Турчина и многих. И борьба — на воле и в лагерях — тысяч правозащитников, националов, религиозников. И героическое противостояние тираническому режиму со стороны академика А. Сахарова и писателя А. Солженицына, поведавшего миру страшную правду про «Архипелаг ГУЛАГ». Вопреки своим намерениям краху тоталитаризма порой способствовал и КГБ: так, он не предвидел, что осуждение писателей А. Синявского и Ю. Даниэля к 7 и 5 годам «строгача» всколыхнет весь мир и окажется толчком для возникновения в СССР правозащитного движения. Да и геронтократы из Политбюро тупо саморазоблачали перед всем миром волчью сущность своего режима — подавлением венгерской революции в 1956 году, чехословацких реформ в 1968, агрессией в Афганистане в 1979-м. Словом, победа над тиранией никому не принадлежит конкретно. Она порождена совокупной работой мысли множества лиц, стала плодом их — порой разнонаправленных — действий и усилий, и, следовательно, ее подлинный автор — история. Но свою — немалую! — лепту в дело духовного раскрепощения нашей страны внесла и «Хроника».

Зато всё отечественное Соппротивление 60–80-х годов очень многим обязано этому скромному самиздатскому бюллетеню. «Хроника» стала голосом всех, кто противостоял произволу, кого тоталитарный режим беспощадно и планомерно давил. Ее голос проникал за «железный занавес», и через «Хронику» зарубежная общественность узнавала о существовании оппозиционеров и о преследовании их в Советском Союзе. Да и сами мы глохли и слепли без выверенных и бесстрастных сообщений «Хроники». Прав был А. Сахаров, еще весной 1974 года в разговоре с С. Ковалевым о правозащитном движении утверждавший: «Хроника» — это самое важное из того, что сегодня делается.

...Почти полтора века назад первым пунктом своей программы «Колокол» заявил «освобождение слова от цензуры». Обретенная прессой в 1905 году свобода погибла в результате Октябрьского переворота 1917 года. Первенцем воскрешения свободной периодики стала в советские времена «Хроника». Не выдвигая никаких программ, под непрерывно сыпавши-

мися жестокими ударами, она явочно, самым фактом своего 15-летнего бесцензурного существования утверждала свободу слова в нашей несвободной стране. И потому справедливым и резонным представляется мне предложение (сделанное в 1998 году «Мемориалом»): провозгласить в России дату выхода первого выпуска «Хроники» – *30 апреля* – **Днем свободы печати**.

Первое знакомство

...Не берусь точно сказать, когда впервые я познакомился с «Хроникой». Должно быть, в начале осени 1968 года, вскоре после грянувшей 21 августа советской оккупации Чехословакии. Это могло случиться на «Автозаводе» (так мы называли между собой квартиру Петра Якира возле метро «Автозаводская»). Или на Рязанском проспекте, где в однокомнатной квартире жили в то время мои друзья, педагог и бард Юлий Ким и его жена Ира Якир, дочь Петра Ионовича. Юлика тогда уже выгнали за диссидентство из ФМШ (физико-математической школы), где он преподавал историю и литературу. А Иру еще не исключили из числа студенток Историко-архивного института.

В ту тревожную, наполненную отзвуками чехословацких событий, осень я был завсегдаем диссидентского клуба на «Автозаводе» и его филиала на Рязанском проспекте. И редко когда уходил оттуда без какой-нибудь свежайшей самиздатской новинки. Помнится, в тот раз именно Ира протянула мне стопочку сколотых машинописных листков:

– Это можно взять почитать.

Гляжу: наверху титульного листа напечатано: «Год прав человека в Советском Союзе». И ниже подзаголовок – *«Хроника текущих событий»*. Я припомнил (хоть и не тотчас), что в связи с 20-летием принятия Генеральной ассамблеей «Всеобщей декларации прав человека» 1968 год был объявлен ООН **Годом прав человека**. Статья 19 этой декларации, провозгласившая свободу убеждений и свободу получать и распространять информацию и идеи, была поставлена эпитафией на первой странице выпуска.

...Признаюсь: я не сразу оценил и выделил «Хронику» из вороха других ходивших тогда по рукам самиздатских писем

и документов. Зато сразу почувствовал — за такие листочки «Софья Власьевна» (читай — советская власть) не погладит по головке. А будет без жалости карать. И тех, кто их читает и дает читать своим знакомым. И тех, у кого их найдут. И уж, конечно, тех, кто их составляет и печатает.

Почему? Может быть, «крамольный» бюллетень разглашал страшные государственные тайны? Клеветал на советский строй? Нет, информация «Хроники» была достоверной и точной. И дело не в каких-то тайнах. Порой то, о чем сообщал бюллетень, и без того было известно всему миру (но не советским людям). Случалось даже, что о событиях, рассказываемых в «Хронике», писала и советская печать. Но писала так, «как положено».

...Целых две газеты — «Московская правда» и «Вечерняя Москва» — в номерах от 12 октября 1968 года напечатали статьи «В расчете на сенсацию» и «По заслугам» о закончившимся накануне в Мосгорсуде процессе над «нарушителями общественного порядка». Что же сообщали советским читателям авторы статей Н. Бардин и А. Смирнов?

Подсудимые, согласно их рассказу, учинили *«групповые действия, грубо нарушившие общественный порядок»*. А именно: 25 августа 1968 года в 12 часов дня на Красной площади, *«святые нашего народа»*, они уселись возле Лобного места и развернули *«оскорбительные для советских людей плакаты»* и *«стали выкрикивать грязные лозунги»*. Но их *«сборище»* длилось лишь несколько минут. Ибо возмущенные *«рабочие, колхозники, студент»* вырвали и разорвали плакаты, а милиционеры *«с трудом провели эту компанию сквозь разгневанную толпу»* и доставили их в отделение. О действиях подсудимых это всё.

Надо уметь так написать! Как догадаться, что речь тут идет о суде над демонстрантами против советской оккупации Чехословакии? Даже слова «Чехословакия» нет в этих статьях советских газет. И не демонстрация, разумеется, а — «сборище». Тексты «оскорбительных» плакатов (а именно: «Руки прочь от ЧССР», «За вашу и нашу свободу», «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку» и — по-чешски — «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия») вообще не упомянуты. Хотя как раз эти лозунги были расценены судом как «заведо-

мо ложные клеветнические измышления» и являлись центральным пунктом обвинения. Впрочем, главной задачей авторов как раз и было — не дать понять неосведомленному читателю что именно произошло на Красной площади 25 августа.

Зато в статьях пространно говорится об *«аморальности»* подсудимых. Их имена (К. Бабицкий, Л. Богораз, В. Делоне, В. Дремлюга, П. Литвинов) в газетах всё же приводятся. Далее, конечно, говорится — всех их объединяет *«неудержимая страсть к спиртным напиткам, к разврату и тунеядству»*. Газеты напоминают, что и ранее Богораз и Литвинов были соавторами *«грязных клеветнических пасквилей»* (читай: протестов против судилища над А. Гинзбургом, Ю. Галансковым, В. Лашковой и А. Добровольским), что им разъясняли антиобщественный характер их поведения. Сообщив приговор (3 года заключения Дремлюге и 2 года 10 месяцев — Делоне, 5 лет ссылки Литвинову, 4 — Богораз и 3 — Бабицкому), авторы, разумеется, не забыли сказать, что *«представители общественности Москвы с одобрением встретили приговор суда»*.

Ну разве могло быть интересно советскому читателю то, что никто из подсудимых не признал себя виновным? Что и защитники настаивали на оправдательном приговоре? Или что на формально открытый суд не допустили (не считая родственников) никого из друзей и знакомых подсудимых? Демонстранты настаивали на установлении личности и привлечении к ответственности *«лиц в штатском»*, которые задерживали и избивали их, хотя они мирно сидели с плакатами у Лобного места и даже не сопротивлялись погромщикам. Но ведь об этом тоже ни к чему сообщать советским людям. *«Тунеядцы»*? Лариса Богораз, работавшая в институте технической информации, была уволена уже после своего ареста. Павла Литвинова выгнали с работы в начале 1968 года в результате его общественных выступлений. Вадим Делоне до июня 1968 года учился в Новосибирском университете. Владимир Дремлюга не работал последний месяц. Константин Бабицкий до самого ареста был младшим научным сотрудником в Институте русского языка.

Так можно ли стерпеть, чтобы о подобных *«несущественных»* подробностях процесса, ни у кого не спрося, расска-

зывала какая-то ничтожная самиздатская «Хроника»? Да ведь и не только о демонстрантах. Об аресте, а затем суде 21 августа 1968 года над Анатолием Марченко (автором книги «Мои показания» о послесталинских лагерях), формально обвиненном в нарушении паспортного режима, советская печать вообще не сообщала. Восемь друзей А. Марченко (в их числе Л. Богораз и П. Литвинов) в связи с его арестом обратились к согражданам с открытым письмом в его защиту. Марченко это не помогло. Зато вскоре была арестована И. Белгородская, в сумке которой, нечаянно забытой в такси, были обнаружены экземпляры этого письма. Составители обращения в защиту Марченко сразу же заявили, что только они, авторы, — но никак не Белгородская! — могут быть ответственны за содержание своего письма, что они ручаются за полную достоверность всего в нем написанного. И тогда Белгородскую освободили? Как бы не так! Продержав в Лефортово свыше полугода, ее осудили «за попытку распространения заведомо ложных клеветнических измышлений» к году лишения свободы. При этом ни один из авторов письма не был даже вызван в суд свидетелем!..

Можно ли допустить, чтобы «Хроника» предавала огласке подобную **ненужную советским людям информацию**? Или скажите, — зачем на ее страницах (в обзоре самиздата) аннотируется письмо В. Каверина о «Раковом корпусе» А. Солженицына? две публицистических статьи Л. Чуковской: в связи с 15-летием смерти Сталина и — по поводу травли А. Солженицына? Младенцу ясно, раз эти письма не напечатаны в СССР, значит, они **неинтересны** для советского читателя?! Нет, нет, терпеть подобную самодеятельность решительно невозможно!

...Стоит ли объяснять, что вскоре я сделался горячим поклонником своей **новообретенной знакомицы**? И раз за разом давал читать ее выпуски своим друзьям. И с нетерпением ждал с ней всё новых свиданий.

Становление под огнем

Где-то с весны 1968 года в кругах московских диссидентов стала ощущаться потребность в выпуске самиздатского бюллетеня. После только что закончившегося процесса А. Гинз-

бурга и Ю. Галанскова, вызвавшего волну протестов, в Москву к активистам-правозащитникам стали стекаться все новые сообщения — о фактах произвола, о политических преследованиях и судах, в Ленинграде и Киеве, в союзных советских республиках, в провинции, в лагерях. Эта информация все множилась, и с ней надо было что-то делать.

Свидетельствует Н. Горбаневская: *«идея самиздатского информационного бюллетеня носилась в воздухе ...неоднократно говорила об этом Лариса Богораз, но она была загружена другими делами ...разговоры могли продолжаться долго, если бы не нашелся кто-то, чтобы взяться за это. Этим «кто-то» оказалась я»* (находясь в декретном отпуске, Наташа располагала тогда свободным временем). Переговорив предварительно с друзьями (Ирой Якир и Юлием Кимом, Ильей Габаем и Павлом Литвиновым), которые дали «добро» и обещали помогать, Наташа села за пишущую машинку. 30 апреля был напечатан первый выпуск — два десятка машинописных страниц. Большая его часть посвящена январскому процессу Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Лашковой и событиям вокруг этого суда, а также недавно закончившемуся в Ленинграде процессу над членами ВСХСОН (Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа).

Традиции и структура бюллетеня выработывались на ходу. Первоначальная периодичность выпусков — каждые два месяца. В декабре 1969 года закончился объявленный ООН всемирный «Год прав человека», но в Советском Союзе *«год прав человека — продолжается... «ХРОНИКА» будет выходить и в 1969 году»*. Так подзаголовок сделался названием бюллетеня.

Появлялись все новые разделы и рубрики. Начиная со второго выпуска — «поправки и дополнения». Тут исправлялись неизбежные в таком издании ошибки. Со второго же номера — «краткие сообщения». В пятом выпуске появляется обзор — «Новости самиздата». Из этой рубрики читатели «Хроники» узнавали о выступлениях правозащитников, о самиздатских статьях и монографиях, таких, например, как «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» академика А. Сахарова. Или

о появлении в самиздате не пропущенной цензурой поэмы А. Твардовского «По праву памяти». Кажется невероятным, — но можно говорить и о вкладе «Хроники» в... лениниаду. Только в разгар перестройки советские читатели узнали о секретном письме Ленина к Политбюро от 19 марта 1922 года с людоедскими требованиями беспощадных расстрельных мер в отношении духовенства, сопротивлявшегося насильственному изъятию церковных ценностей. А мы, читатели «Хроники», знали об этом письме еще в 69-м году. Сообщение об этом письме, появившемся в самиздате, помещено в 9-м выпуске бюллетеня. Или другой пример. В декабре 1989 года (спустя полвека после подписания!) Советский Союз впервые гласно признал существование дополнительных секретных протоколов к советско-германскому договору 1939 года, приведших к разделу Польши и присоединению к СССР стран Прибалтики. Но эти самые протоколы циркулировали в самиздате еще в 69-м году и тогда же были аннотированы в 10-м выпуске «Хроники».

В мае 1969 года была создана **Инициативная группа** по защите прав человека в Советском Союзе (ИГ), первая в СССР правозащитная ассоциация. «Хроника» постоянно сообщала об обращениях и документах ИГ, а также о вскоре начавшихся преследованиях ее участников. Некоторые из членов ИГ (Н. Горбаневская, А. Якобсон, Т. Великанова, С. Ковалев, А. Лавут) в разное время составляли и редактировали «Хронику». К выпускам этого бюллетеня, как к одному из главных источников информации, я вновь и вновь обращался в конце 90-х годов, когда писал статью об истории ИГ. Нелепо было бы искать даже упоминания о ней в советской печати. А материалы об исключении А. Солженицына из Союза писателей в 1969 году? О его высылке из СССР в 74-м? О преследованиях и высылке в Горький академика А. Сахарова? Об обмене политзаключенного В. Буковского на чилийского политзаключенного секретаря компартии Луиса Корвалана? Где, в каких советских изданиях можно было прочесть обо всем этом правдивую информацию?!

Со временем возникали и другие рубрики: Аресты. — Суды. — В тюрьмах и лагерях. — В ссылке. — Освобождения. — В психиатрических больницах. — Внесудебные политические

преследования. — Преследования верующих. — Право на выезд. — Разные сообщения.

Бюллетень быстро рос и взрослел. Но не дремала и «Галина Борисовна» (ГБ). Материалы одиннадцатого выпуска чуть было не пропали на шмоне у Гали Габай, но ее мать удачно спасла их от ГБ, утопив в кастрюле с варившимся супом. Уже дважды производились обыски у Н. Горбаневской. 24 декабря 1969 года у нее прошел третий обыск, и Наташа, основатель и первый редактор «Хроники», была арестована. Материалы подготовленного ею одиннадцатого выпуска чудом уцелели.

...Заканчивать выпуск довелось Анатолию Якобсону. И ему же предстояло редактировать опасный бюллетень в последующие два с половиной года и выпустить шестнадцать его номеров.

Мне случалось уже не раз рассказывать о Толе, Тоше, как звали его друзья. Постараюсь не повторяться. Педагог, за идеологическое вольнодумство отставленный от школы. Литератор и поэт-переводчик. Человек с обнаженной совестью и большим гражданским мужеством. Он без колебаний взялся за работу, единственной наградой за которую могли стать для него годы неволи.

Информацию для «Хроники» собирали другие; и другие люди ведали последующим распределением тиража — «распространением». Зато Якобсон занимался самым важным и ответственным делом — составлением текста бюллетеня, литературным редактированием.

В апреле 1978 года в Израиле, меньше чем за полгода до своей гибели, Толя так вспоминал об этом: *«...я понял, что нужно делать „Хронику“ не дома и не в каком-то заведомо известном КГБ месте ...и делать быстро». «...первые два номера после <Наташи> я сделал целиком и полностью» «...с 13-го номера стало легче, потому что, кроме меня, в „изготовлении“ участвовали и другие люди»* (естественно, Тоша не называет имена этих других людей — кроме тех, кто эмигрировал или сам открыто заявил об этом, — т. к. в то время называть их было опасно). *«...образовался некий коллектив, как я в шутку называл, „бригада антикоммунистического труда“». «„Бригада“ могла состоять из одного, двух, четырех человек...»*

«Мы меняли места, меняли дома». «...до 27-го номера включительно <я> оставался литературным редактором “Хроники” и автором многих материалов». «...я за это дело отвечал».

«Хроника» имела немалый успех. Саморазмножаясь, ее листочки разлетались по всему Советскому Союзу сначала в десятках, а потом и во многих сотнях экземпляров. Порой выпуски бюллетеня перелетали через границу, и тогда его материалы звучали по зарубежным радиоголосам. В кругу моих знакомых и друзей «Хроника» вызывала жгучий интерес и сочувствие, хотя не обходилось без замечаний. Так, кто-то считал излишним писать о преследованиях за религию (мол, религиозники не политические, уж не собирается ли «Хроника» вести религиозную пропаганду?). Изредка «Хроника» отвечала на подобные замечания читателей.

А времена были беспокойными. И «Хронике» приходилось раз за разом рассказывать об арестах и судах над П. Григоренко, И. Габаем, А. Амальриком, И. Белогородской, И. Яхимовичем, М. Джемилевым, В. Морозом и многими, и многими. О присуждении Нобелевской премии А. Солженицыну и последовавшей травле писателя. О помещении Ж. Медведева в психиатрическую больницу. О присуждении к «лечению» в спецпсихбольницах П. Григоренко, Н. Горбаневской и ряда других диссидентов. Не раз до нас доходили слухи о том, что «сам» Ю. Андропов обещал Политбюро в ближайшее время покончить с «Хроникой», что принято соответствующее решение ЦК КПСС. Но всё это были, так сказать, цветочки.

Наступил 1972 год. И принес с собой давно обещанные КГБ «ягодки».

Охота на «Хронику»

5 января 1972 года проходил суд над В. Буковским. По 70-й статье УК РСФСР, или, говоря языком советской юстиции, — за «антисоветскую агитацию и пропаганду», Володя был осужден на 7 лет «строгача» и 5 лет ссылки.

КГБ давно был зол на Буковского. Еще в 1961 году его исключили из МГУ за участие в машинописном журнале «Феникс». Помещали в СПБ за изготовление фотокопии книги М. Джиласа «Новый класс». Сажали на 3 года в лагерь за де-

монстрацию в защиту арестованных Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой и П. Радзиевского. Можно бы, казалось, взяться за ум. Так нет, ему всё равно нейдет. Освободившись в январе 1970 года, Буковский вскоре дает интервью московскому корреспонденту «Вашингтон пост», которое было опубликовано в этой газете 17 мая. Буковский на основании своего опыта рассказал о преследованиях инакомыслящих в СССР, о психиатрических репрессиях, о бесчеловечных условиях содержания в лагерях и психбольницах. Буковского вызвали в прокуратуру и предупредили, что за подобные действия его могут снова привлечь к уголовной ответственности. Но даже такое предупреждение для Буковского, похоже, — как с гуся вода.

28 января 1971 года он обращается с открытым письмом к врачам-психиатрам США, Англии, Голландии, Канады и Израиля, призывая их выступить против продолжающихся психиатрических репрессий в СССР в отношении диссидентов-оппозиционеров. В приложении к письму были помещены копии заключений судебно-психиатрических экспертиз шести советских правозащитников. Это письмо, вызвавшее большой резонанс и положившее начало борьбе с психиатрическим террором в нашей стране, переполнило чашу терпения КГБ. 29 марта 1971 года Буковский был снова арестован. И вот спустя 9 месяцев — суд.

«Хроника» подробно писала о процессе Буковского. КГБ не сумел сломить этого бойца. Он отверг обвинения в клевете, доказывал, что во всех своих выступлениях всегда говорил только правду, боролся — и не перестанет впредь бороться — за законность и справедливость. Свое последнее слово Володя закончил так: *«И сожалею я только о том, что за короткий срок — 1 год 2 месяца и 3 дня, — которые я пробыл на свободе, я успел сделать для этого слишком мало».*

Процесс над Буковским ознаменовал резкое усиление преследований правозащитников в СССР. Вскоре в Москве прошла серия обысков, а затем и допросов по «делу № 24». Вопросы следователей касались в основном изготовления и распространения «Хроники». В мае 1972 года — новая серия обысков по «делу 24» (в том числе у А. Якобсона и у П. Якира). А 21 июня П. Якир был арестован.

Якир, так же, как и арестованный 12 сентября другой видный диссидент, В. Красин, капитулировали на следствии, признали «антисоветский характер» своей деятельности и дали на недавних со товарищей обширные показания. В том числе — о «Хронике» и о роли в ее издании Якобсона. В январе 1973 года КГБ передал через жену В. Красина Н. Емелькину: если выйдет очередной, 28-й номер бюллетеня, — Якобсон будет немедленно арестован.

— Выходит, издателей «Хроники» и правозащитников предупреждали — и не раз! — что они занимаются антисоветчиной и нарушают закон. Так чего же стоят тогда все эти лицемерные жалобы на жестокость и несправедливость, когда их настигает карающая рука правосудия?! Не дети, — должны были наперед предвидеть последствия своих ху дожеств.

А мы и предвидели. И хорошо понимали, что за свою деятельность можем поплатиться годами лагерей или «психушек». Только вот карал нас не закон, а **беззаконие**. Закон не запрещал ни писать, ни печатать и распространять правдивую информацию. Другое дело, что информация, к примеру, той же «Хроники» была неприятна и опасна властям, они просто не могли допустить, чтобы их преступления становились известны общественности. Это ясно сознавали правозащитники. *«“Хроника” ни в какой степени не является нелегальным изданием, — написано еще в пятом ее выпуске, — но условия ее работы стеснены своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах»*. Но, как сказал в последнем слове Буковский, *«преступник не тот, кто выносит сор из избы, а тот, кто в избе сорит»*.

Преследованиями и угрозами КГБ уже давно стремился заставить оппозиционеров прекратить выпуск бюллетеня. И хотя правозащитники были готовы — и не раз доказали это своими поступками — рисковать собой, разговоры о закрытии «Хроники» все-таки возникали. Свидетельствует Н. Горбаневская: *«Вышла я в 1972 г. В том году было заведено знаменитое дело № 24 (о «Хронике»), раздавались угрозы, а кой с кем велись переговоры о том, какие благоденствия КГБ... совершит, если издание прекратят сами безымянные редакторы:*

кого-нибудь освободит, а кого-нибудь — не посадит». Ира Якир при встрече спросила Наташу, что она думает о намерении некоторых диссидентов закрыть «Хронику»? Наташа ответила, что поскольку от «Хроники» она теперь отошла, то вроде ей не подобает высказываться. Ира настаивала. Тогда Наташа сказала: «...пока я сидела, я знала: всё, что со мной происходит, по крайней мере, всё, что удастся узнать, попадает в “Хронику”. Сейчас продолжают сидеть другие люди, — прекратить “Хронику” значило бы оставить их на произвол судьбы: о них не будут знать, забудут, с ними можно будет делать что угодно ...на некоторое время “Хронику” тогда отстояли».

Но как быть редакторам бюллетеня теперь, когда в заложники назначен их товарищ? Можно ли обрекать Тошу на явную гибель в лагере или в психушке? Не попытаться спасти его — даже ценой приостановки «Хроники»? В начале 1973 года собралось несколько человек, причастных к «Хронике». И тогда согласно рассказу самого Якобсона: «Мы... обсудили вопрос: быть или нет 28-му номеру. И я, естественно, был лишен права голоса как лицо заинтересованное... И решили: нет, не выйдет сейчас 28-й номер».

«Хроника» молчала полтора года. Но материалы к бюллетеню продолжали собираться. 7 мая 1974 года, когда Якобсон был уже в Израиле, Т. Великанова, С. Ковалев и Т. Ходорович открыто передали западным корреспондентам сразу три номера «Хроники»: 28, 29 и 30-й. Заложнический шантаж был сорван.

...Увы, эмиграция не спасла нашего Тошу. В Израиле мысль, что ему больше не увидать Россию, не встать рядом с преследуемыми друзьями, «что уже никогда, никогда... Боже мой, никогда!..» (А. Галич, «Опыт ностальгии»), раз за разом ввергала его в жесточайшую депрессию. 28 сентября 1978 года он покончил с собой. Но ведь и дома его с неизбежностью ожидали года лагерей (или «психушки»), — вынес ли бы он их? В посвященном Тоше стихотворении «Прощание» Давид Самойлов писал:

Но кто б ему наколдовал
Баланду и лесоповал,
Чтобы он голову совал
В родное пекло.

Интермедия

А какие события в сфере борьбы за права человека происходили в то время, пока молчала «Хроника»? Между октябрём 72-го и маем 74-го? Вот неполная выборка.

...4 ноября 1972 года в лагерной больнице умер Юрий Галансков, политзаключенный, публицист и поэт, год и два месяца не доживший до конца своего семилетнего срока. Ему было 33 года.

...Больше года крутилась дьявольская круговерть вокруг дела Якира и Красина. Весной приятели неожиданно напомнили о себе. В апреле 1973 года офицер КГБ доставил академику А. Сахарову письмо из Лефортова от П. Якира с призывом прекратить всякие «протестные» выступления, поскольку они (как осознал в тюрьме Петр Ионович) используются вражеской пропагандой. И в том же апреле В. Красин передал (с разрешения следователя!) письмо, адресованное «друзьям на воле». Красин писал, что «демократическое движение» потерпело поражение, и призывал для спасения людей всемерно содействовать следствию и давать откровенные показания не только о себе, но и о своих друзьях. К этому же они призывали на очных ставках своих товарищей — Н. Емелькину, Ю. Мальцева, И. Белгородскую, И. Якир, Ю. Кима, И. Габая и других. Но капитулянтским призывам последовали немногие.

...30 октября 1972 года, отсидев девять месяцев под следствием, был осужден к 5 годам «строгача» за распространение самиздата и, в частности, «Хроники» Кронид Любарский, ученый-астроном из подмосковной Черноголовки.

...29 января 1973 года после года тюремно-следственных мытарств молодой ученый-математик Леонид Плющ был признан Киевским судом невменяемым и направлен на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Главными пунктами обвинения было его членство в ИГ и участие в распространении «Хроники».

...26 ноября 1973 года Мосгорсуд признал невменяемым и направил на «лечение» в психиатрическую больницу (общего типа) математика Юрия Шихановича. В числе прочего его обвиняли в размножении и распространении «Хроники».

...Арестованного 3 июля 1973 года Габриэля Суперфина судили в мае 1974 года по 70-й статье УК за передачу на Запад тюремных дневников «самолетчика» Эдуарда Кузнецова и за участие в редактировании «Хроники». Приговор — 5 лет «строгача» и 2 ссылки.

...Виктора Некипелова, поэта и врача, арестованного в июле 1973 года, судили в мае 1974 года. Ему инкриминировалось распространение одного выпуска «Хроники», а также собственных стихов и публицистических статей. Сначала, видимо, Виктора Некипелова намеривались объявить невменяемым и направляли на психиатрическую экспертизу, но потом передумали и по статье 190-1 УК приговорили к двум годам лагеря.

...В декабре 1973 года в Париже был напечатан первый том солженицынского «Архипелага ГУЛАГ». Сразу же всю советскую прессу захлестнули волны «народного гнева». Читатели, не прочитавшие ни строчки из его книги, возмущались «предателем и клеветником» и требовали для него сурового наказания. 12 февраля 1974 года Солженицын был арестован, а на следующий день — лишен советского гражданства и выслан из СССР. Ряд советских граждан открыто осудил травлю писателя и высылку его из Советского Союза.

...Приговор главным «героям» «Дела № 24» — Якиру и Красину — был вынесен 1 сентября 1973 года. На суде оба они выразили раскаяние и подтвердили антисоветскую направленность документов **Инициативной группы** и материалов «Хроники», признали клеветой сообщения о психиатрических репрессиях в СССР. За это гуманный советский суд приговорил «лидеров движения» по суровой 70-й статье к трем годам лагеря и трем ссылкам. Спустя четыре дня на пресс-конференции Якир и Красин повторили все это перед иностранными журналистами. И при кассации приговор был смягчен, обоим приятелям оставили отбывать только ссылку. А спустя год амнистировали.

Отрывки их интервью показали по советскому телевидению. Но вскоре, в том же сентябре, мы прочли и заявление Инициативной группы о суде над своими бывшими участниками. Вот что там было сказано: «...*П. Якир и В. Красин на следствии, суде и пресс-конференции выступили с ложными заявлениями.*

Трагично, что эта ложь касается также судьбы и репутации всех политических заключенных в лагерях, тюрьмах и психиатрических больницах СССР». «...мы сообщаем только факты. Мы убеждены в истинности наших сообщений». Отвергая обвинения в клевете, группа заявила о намерении продолжать и впредь свою деятельность.

Прочитав в самиздате это заявление ИГ, сочувствующие диссидентам люди ощутили, что капитуляция Якира и Красина не убила правозащитное движение, что оно — живо. Вот только «Хроника» больше не выходит, и о многом из рассказанного выше мы узнавали теперь от случая к случаю, изустно и неполно.

...Трагическим эхом «дела 24» стала гибель Ильи Габая. Человек чести, поэт, ощущавший чужую боль едва ли не острее собственной, он был обречен вступаться за гонимых и преследуемых.

Илья в мае 1972 года освободился после трех лет лагеря, и почти полтора года КГБ не обходил его своим злоеющим «вниманием». На допросах и «беседах» чекисты угрозами и увещеваниями упорно стремились склонить Габая к «покаянию». Но Илья был просто не способен последовать примеру Якира, которого он долгие годы числил своим другом и падение которого болезненно переживал. Габай был запредельно измучен, но даже самые близкие друзья не поняли вовремя всей глубины его отчаяния. Да и чем мы могли ему помочь? 20 октября 1973 года Илюша выбросился с балкона своей квартиры на 11-м этаже...

Разорванная петля

«...весной 1974 года собрался довольно большой круг людей, и мы решили возобновить выпуск “Хроники”. Тогда же обсуждалось, открывать или нет имена редакторов, но всё же решили оставить редакцию анонимной. Не столько из соображений безопасности, сколько потому, что по самой своей природе «Хроника» анонимна. А вот ответственность за распространение взяли на себя Татьяна Ходорович, Сергей Ковалев и я. Об этом мы сделали заявление в мае 1974 года. Тогда же вышли и три задержанных на время номера, а через месяц — еще один», — рассказывает Татьяна Великанова.

Оценит ли сегодняшний читатель мужество людей, открыто объявивших тогда о своей причастности к «Хронике»? Когда за «крамольным» бюллетенем гонялся КГБ, когда немало людей уже получили срока за его «изготовление и распространение»? Московская редакция напонила своим читателям, что причиной приостановления издания «являлись неоднократные и недвусмысленные угрозы органов КГБ отвечать на каждый новый выпуск “Хроники” новыми арестами», что редакторам приходилось «принимать решения не только за себя». «Но и дальнейшее молчание означало бы поддержку – пусть косвенную и пассивную – “тактики заложников”, несовместимую с правом, моралью и достоинством человека. Поэтому “Хроника” возобновляет публикацию материалов, стремясь сохранить направление и стиль прежних выпусков».

...74-м годом датированы еще три выпуска бюллетеня. Но теперь (не берусь утверждать с уверенностью) «Хронику» стали меньше перепечатывать внутри страны. Возможно, одной из причин этого было уведомление нью-йоркского издательства о том, что оно, «имея ясно выраженные полномочия, будет по мере поступления переиздавать типографским способом выпускаемый в СССР в самиздате журнал “Хроника текущих событий”». Перепечатывать на машинке в Советском Союзе «крамольные» выпуски объемом по 40 (а то и по 90) страниц – дело не только трудоемкое, но и очень опасное. Не лучше ли дожидаться, когда напечатанный за кордоном бюллетень сам вернется к нам вместе с прочим тамиздатом? Да, так было и легче, и проще. Но пропадала оперативность. Путешествуя в течении месяцев и месяцев за рубеж и обратно, информация – увы! – теряла свою актуальность. Между тем в 1974 году «Хроника» сообщала:

- об освобождении из психиатрической больницы после пяти с лишком лет «лечения» разжалованного генерала П. Григоренко;
- о преследованиях Литовской Католической Церкви;
- о преследованиях крымских татар и о новом аресте М. Джемилева;
- об исключении из Союза писателей Лидии Чуковской и Владимира Войновича;

- о длившемся почти двое суток в Киеве обыске у писателя-фронтовика Виктора Некрасова;
- о положении в тюрьмах и политлагерях;
- о содержании инакомыслящих в психбольницах;
- о суде в Ленинграде над литератором М. Хейфецем (за написанную им статью об И. Бродском и за прочий самиздат его приговорили к 4 годам «строгача» и 2 — ссылки);
- о суде, приговорившем 56-летнего винницкого врача М. Штерна к 8 годам лагерей; фальсифицированное обвинение во взятках и мошенничестве возвели на него после того, как его младший сын подал заявление на выезд в Израиль;
- и о множестве других — не перечить! — событий, обойденных вниманием подцензурной советской прессы. И, наконец, 27 декабря, накануне нового 1975 года был арестован Сергей Ковалев. Один из тех трех, кто принял на себя ответственность за распространение бюллетеня и кто после отъезда в Израиль А. Якобсона был выпускающим редактором семи его выпусков. Арест и осуждение Ковалева стали как бы искупительной жертвой за возобновление «Хроники». Но петля заложнического шантажа была отныне разорвана.

Как это делалось

Что надо было для того, чтобы выпустить «Хронику»?

Разумеется, надо было располагать информацией. Но как ее получить? Ждать корреспонденции от читателей? Увы, ни почтового адреса, ни имен своих редакторов бюллетень объявить не мог. *«Тем не менее каждый... легко может передать известную ему информацию в распоряжение "Хроники". Расскажите ее тому, у кого вы взяли "Хронику", а он расскажет тому, у кого он взял "Хронику" и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача»*, — написано в редакционном извещении, заключавшем 5-й выпуск бюллетеня. На деле всё обстояло не так просто.

Изустно передаваемый рассказ, как «испорченный телефон», порождает и множит ошибки и неточности. Поэтому сообщения надо было записывать. Надо было отсеять и перепроверить все сомнительное. Как? Путем сопоставления с рассказами других людей о тех же событиях. Иногда подобные сообщения показывали «экспертам» (например, бывшим

политзаключенным) и спрашивали их, — возможно ли такое? Всё недостоверное откладывали для перепроверки и не включали в выпуск. Информацию надо было искать. Надо было опросить родственников политзаключенных, присутствовавших на их судах или вернувшихся со свиданий с ними.

Ошибки все равно случались. Например, из-за трудностей расшифровки «мелкописи» — сообщений из лагерей. Т. Великанова рассказывала об «ошибке века»: в списке заключенных пермских лагерей, помещенном в 33-м выпуске, про ингуша Юсупа Тачиева было написано, что он был председателем колхоза. В 35-м выпуске помещена поправка: не «**БЫЛ** председателем колхоза, а «**убил** председателя колхоза». В постоянном разделе «Поправки и дополнения» «Хроника» всегда аккуратно исправляла все обнаруженные ошибки.

И надо было «не засветить», уберечь от КГБ собирателей информации, выпускающих редакторов, перепечатчиков. Именно поэтому эти группы делателей «Хроники» были отделены друг от друга. И отсюда же наше всегда подразумеваемое правило: не спрашивать — кто? — как? — откуда? — и не рассказывать — даже самым близким и доверенным людям — ничего лишнего, если это не вызвано интересами дела. Например, от кого получил «Хронику» или кто причастен к ней.

Но вот информация собрана. Наступал самый ответственный этап — составление и редактирование текста. Для этого старались подыскать «чистую», т. е. не находящуюся «под колпаком» КГБ, квартиру. И в этой отгороженной от мира «келье» 3-4 «хроникера» по возможности быстро составляли рукопись номера. Затем другие люди в другом месте печатали «нулевую закладку». И уничтожали, наконец, все черновики, испещренные рукописными пометами.

Всё? Нет. Теперь надо было, чтобы «Хроника» разлетелась по стране. И попала бы за границу, в чалидзевское издательство в Нью-Йорке. Только это гарантировало, что весь предыдущий труд не окажется напрасным, что собранная информация не сгинет в архивах КГБ и станет доступной отечественной и мировой общественности. Т. Великанова упоминала, что лично знала о шести каналах, по которым бюллетень расходился по Советскому Союзу, но что на деле их было намного больше. Что же касается попадания

за рубеж... Письма, адресованные за границу, не только подвергались негласному просмотру, но попросту задерживались, если власти находили это нужным. Электронной почты в те времена не было. Передавать выпуски западным корреспондентам? Лишь недавно я узнал, что это был не единственный и даже не главный путь. Но может быть, и сегодня еще рано об этом...

Что нужно было еще? «Какая-то техническая база, — подсказывает мне сегодняшней молодой читатель. — Персональных компьютеров в ваши допотопные времена еще не было, но уже были, кажется, ксероксы. Невозможно же раз за разом перестукивать тексты на машинке. И еще нужны гранты, — ну, на те же пишущие машинки, на бумагу, на оплату перепечатки».

Что ответить этому современному молодому человеку? Ксероксы тогда имелись только в «секретных» отделах и под замком; попытка воспользоваться ими была бы верной дорогой к провалу. Никакой помощи из-за границы (ни тем более неслыханных в наше время «грантов») никто из правозащитников не получал. Да мы и сами не хотели этого. Не только потому, что нас немедленно объявили бы «платными агентами империализма». Но мы сами ощущали свою правозащитную деятельность частным и внутренним делом. Так что на машинки, бумагу, перепечатку мы тратили лишь собственные средства и время. Впрочем, «гонорары» мы всё равно получали. Только выражались они в щедрых тюремных и лагерных сроках или даже в помещении в «психушку».

...Рассказывают, что «советологи» на Западе считали, что для выпуска такого издания, как «Хроника», необходим целый институт. В действительности у каждого номера бюллетеня было чаще всего лишь 3—4 выпускающих редактора; за всё время существования бюллетеня их было, вероятно, чуть больше полутора десятков. И своей «хроникерской» деятельностью они занимались сверхурочно, в свободное от основной работы время. Если же считать всех так или иначе причастных к «Хронике» людей, то таких оказалось бы, наверное, на целый порядок больше.

И самое главное, самое необходимое, что нужно было для многолетнего существования «Хроники», это — чтобы

нашлись самоотверженные и мужественные люди, готовые безвозмездно, с риском для себя сообщать обществу правдивую информацию и вопреки всем угрозам выполнять то, что они считали своим гражданским долгом.

«Хроникеры»

Пора рассказать подробнее о тех, кто делал «Хронику». Сколько их было? Сборщиков информации. Выпускающих редакторов. Перепечатчиков. Тех, кто годами составлял или печатал бюллетень. И кто участвовал в этом эпизодически или даже однократно. Тех, кто заплатил за свое участие годами неволи. И тех, кого минула чаша сия.

...30 апреля 1993 года в московском «Мемориале» отмечалось 25-летие рождения «Хроники». На листочках бумаги, розданных участникам встречи, были напечатаны 67 фамилий, — тех, «кого вспомнили», кто в той или иной степени был причастен к выходу бюллетеня. Из них около двадцати — бывшие узники лагерей или «психушек». Далее я попытаюсь коротко и не выстраивая по ранжиру рассказать о наиболее активных и знакомых мне «хроникерах». И пусть простят меня те, о ком я не напишу, — поскольку мне неизвестна их роль в создании этой беспримерной летописи.

Наталья Горбаневская. Она была не только основательницей, не только редактором первых десяти номеров, но и перепечатчиком бюллетеня, — первые его выпуски она сама «отстукала» на машинке. Ею заложена традиция безоценочной фактографии и хороший литературный уровень бюллетеня. После ареста Наташи ее сменил на посту редактора

Анатолий Якобсон. Он выпустил с 11-го по 27-й номер «Хроники» (кроме 15-го). И сумел подобрать энергичную команду, с помощью которой, отгородившись ото всего и всех, быстро составлял текст и печатал бюллетень на чьей-то «чистой» квартире.

Эта техника работы была во многом воспринята и последующими редакторами. Уже в «первой «Хронике»», то есть во времена Горбаневской и Якобсона, участие в ее выпусках — кто от случая к случаю, кто регулярно — принимали Илья и Галя Габай, Ира Якир, Юлий Ким, Надежда Емелькина, Вера Лашкова, Ирина Белогородская, Елена Сморгунова,

Габриэль Суперфин, Александр Лавут, Сергей Ковалев, Татьяна Великанова, Леонид Седов. И, вероятно, еще несколько человек.

Сергей Ковалев редактировал семь выпусков бюллетеня. За четыре дня до ареста у него на обыске изъяли письма политзаключенных, заявления в их защиту, «Архипелаг ГУЛАГ», выпуски «Хроники» и прочие правозащитные бумаги. В ночь на 27 декабря 1974 года Сергей вместе с академиком А. Сахаровым составил обращение с призывом к всемирной амнистии узников совести. Приглашенный по телефону следователем «для короткого разговора», Сергей пришел на Лубянку утром 27 декабря и был арестован.

В защиту Ковалева тотчас выступил Сахаров. И много других людей, коллективно или индивидуально. Заявление Инициативной группы в защиту Сергея поддержали 52 человека. А вот слова из отдельного, личного заявления К. Бабицкого, мужа Т. Великановой: *«Я имею честь быть другом Сергея Ковалева. Это один из самых благородных людей, которых я знаю, возможно, самый совершенный из них... Я разделяю образ мыслей Сергея Ковалева и одобряю его деятельность... Если я сам не занимаюсь этим, то это вопрос личных склонностей и способностей... Я удивляюсь людям, чьими руками осуществлен арест Сергея Ковалева. Неужели они не понимают, что, принимая личное участие в столь бессовестной несправедливости, они... навсегда сами лишают себя возможности считаться порядочными людьми?»*

Суд над Сергеем проходил в декабре 1975 года в Вильнюсе (власти предпочли провести процесс подальше от друзей подсудимого и внимания иностранных корреспондентов). На официально открытом процессе, кроме «публики по пропускам», присутствовали только родственники Сергея. Адвокатов (С. В. Каллистратову или Д. И. Каминскую), которым он хотел доверить свою защиту, не допустили к участию в процессе, а от «казенного» защитника Сергей отказался сам. Сотрудники КГБ воспрепятствовали поездке в Вильнюс Т. Великановой, Т. Ходорович и М. Ланды, задержав их в милиции до отхода поезда. А Сахарова, которому совсем недавно была присуждена Нобелевская премия мира, власти удерживать не стали, но в зал, где проходил суд, все равно

не пустили. Судили Ковалева «за антисоветскую агитацию и пропаганду» по 70-й статье УК. Сергея обвиняли в составлении и подписании многих правозащитных писем и заявлений, в передаче на пресс-конференции 30 октября 1974 года «клеветнических» сведений о лагерях, в распространении книги «Архипелаг ГУЛАГ» и в ряде других подобных «прегрешений». Но центральным пунктом обвинения было составление и передача за границу возобновленной «Хроники». И отсюда главный вопрос: содержится ли в этом бюллетене клевета? В 28–34-м номерах, редактировавшихся Сергеем, из содержащихся в них примерно 2800 «эпизодов» следственной проверке подверглись 685; обвинение усмотрело «клевету» в 83 из них; сам же Ковалев только в 11 допускал вероятность непреднамеренной ошибки. И собирался доказывать это в суде. Но ему не дали этого сделать. Допрошенных свидетелей после перерыва (несмотря на возражения Ковалева) фактически изгнали из зала судебного заседания. Возмущенный таким нарушением процессуального кодекса, Сергей отказался от участия в процессе вплоть до их возвращения, потребовал удалить себя из зала суда и объявил голодовку; он отказался даже от последнего слова. Так протекал суд, приговоривший Ковалева к 7 годам строгих лагерей и к 3 годам ссылки и тем превративший редактора «Хроники» в постоянного персонажа своего издания, действующего лица его раздела «В тюрьмах и лагерях».

Возобновленную, «вторую “Хронику”» (наряду с некоторыми из ранее упомянутых мной ее составителей) делают теперь и новые люди: Юрий Шиханович, Юрий Гастев (политзэк сталинских времен), Александр Даниэль, Марк Гельштейн, Наталья Кравченко, Борис Смушкевич, Александр Грибанов, Иван Ковалев (сын Сергея), Татьяна Осипова, Георгий Ефремов, Ефим Эпштейн и другие. Среди «хроникеров» появляется некоторая специализация. Так, А. Лавут, подготовивший (совместно с Ю. Гастевым) 31-й выпуск «Хроники» (посвященный крымско-татарскому движению за возвращение в Крым), и в дальнейшем регулярно вел в бюллетене эту рубрику. Раздел о преследованиях «за религию» обычно вела Н. Кравченко, вести из Прибалтики — Г. Ефремов.

Расскажу вкратце о тех «хроникерах», которых я знал. О Н. Горбаневской и А. Якобсоне, первых редакторах «Хроники», я написал раньше.

Илья и Галя Габай — педагоги. Оба они были причастны к «Хронике» в период ее становления. За протестные выступления и поддержку крымско-татарских «активистов» Илья в мае 1969 года был арестован и осужден к 3 годам лагерей. О трагической судьбе Ильи после освобождения я писал выше.

Ира Якир и Юлий Ким помогали в выходе «первой «Хроники»» и редактировали некоторые ее номера. Оба они — мои давнишние друзья. Ю. Ким, отлученный за «подписание» от преподавания в школе, со временем нашел себя как поэт, бард и драматург. Ира за участие в правозащитном движении, была исключена из Историко-архивного института. Обоих многократно допрашивали по «делу 24». Ира помогала собирать материалы и для «второй», возобновленной, «Хроники». В мае 1999 года Ира Якир умерла от рака в Израиле.

Надя Емелькина помогала в выпуске бюллетеня А. Якобсону. В 1975 году вместе со своим мужем В. Красиным эмигрировала в США.

Вера Лашкова в 1968 году была поделницей А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. После освобождения не раз помогала в выходе «Хроники».

Габриэль (Гарик) Суперфин — молодой историк. Участвовал в подготовке материалов и в редактировании некоторых номеров «Хроники», что нашло отражение и в предъявленном ему на суде обвинении. Был приговорен к 5 годам строгого лагеря и 2 — ссылки.

Елена Сморгунова, филолог, работала многие годы в Институте русского языка. Была выпускающим редактором ряда номеров бюллетеня.

Александр Лавут, математик. Эпизодически принимал участие в выпусках «Хроники» еще в 1972—1973 годах. С весны 1974 года и вплоть до своего ареста делал это постоянно. По 190-1 ст. УК был осужден к 3 годам лагеря.

Татьяна Ходорович, филолог, член ИГ, одна из трех лиц, заявивших в мае 1974 года, что они будут способствовать распространению возобновленной «Хроники». Несколько

раз у нее проводили обыски, вызывали на допросы. В ноябре 1977 года эмигрировала во Францию.

Юрий Шиханович, математик. Был арестован в сентябре 1972 года. Обвиненный, в частности, в размножении и распространении «Хроники», Шиханович был признан виновным и находился на «лечении» в ПБ (общего типа) по июль 1974 года. Вновь арестованный в 1983 году (за участие в редактировании все того же бюллетеня), он на этот раз был признан виновным и осужден к лишению свободы. Был освобожден из лагеря в 1987 году.

Юрий Гастев. Математик, литератор. Узник сталинских лагерей. Принимал участие в редактировании некоторых номеров «Хроники». Подвергался обыскам и допросам. Вынужденно эмигрировал в 1981 году. Умер в США в 1993 году.

Мальва Ланда. Геолог. Правозащитница, одна из распорядителей Фонда помощи политзаключенным. Активно помогала «Хронике». Дважды присуждалась к ссылке.

Александр Даниэль, сын писателя Юлия Даниэля и Ларисы Богораз. Активный правозащитник, один из редакторов «Хроники». Подвергался обыскам и допросам. В настоящее время — историк правозащитного движения.

Наталья Кравченко, физик.

Леонид Вуль, филолог, и **Борис Смушкевич**, программист. Оба они были выпускающими редакторами многих номеров возобновленной «Хроники».

Марк Гельштейн, математик, редактировал некоторые выпуски бюллетеня.

Леонид Блехер, программист, помогал печатать «нулевую» закладку бюллетеня.

Ефим Эпштейн, инженер. Умер в Москве в 1993 году.

Быть может, «хроникеры» найдут этот список недостаточным. Что ж, я буду рад дополнить его.

«Директор»

Но душой «второй “Хроники”» (особенно после ареста С. Ковалева) стала **Татьяна Великанова**. Математик, окончила МГУ. В команде бюллетеня она занималась прежде всего организацией работы, и «хроникеры» шутя называли Таню «директором». *«Редактированием мне приходилось заниматься*

только изредка, при тяжелой необходимости, — вспоминала сама Татьяна. — Всё делалось в большой конспирации. О тех, кто занимался редактированием, другие ничего не знали. Те, кто собирал материалы, были отделены от тех, кто составлял номер». Могу засвидетельствовать: многолетний читатель «Хроники», я догадывался, конечно, о причастности к его составлению ряда моих товарищей-диссидентов, но достоверно знал это лишь о немногих. Ира Якир и А. Якобсон сами как-то признались мне в этом; Т. Великанова, С. Ковалев и Т. Ходорович раскрыли свое участие в бюллетене в заявлении, сделанном ими в мае 1974 года; и только из 38-го выпуска бюллетеня, вышедшего после эмиграции Н. Горбаневской, я, давно знакомый с нею, узнал, что именно она была основателем «Хроники»...

Людмила Алексеева (она была перепечатчиком многих номеров бюллетеня) вспоминала: *Наш домашний телефон, конечно, прослушивался. Поэтому с материалами «Хроники» Таня приезжала ко мне без звонка и — чтобы наверное застать — после 12 ночи. Молча отдавала бумаги. Сверху лежала записочка: «заеду забрать через 2 дня». Если я видела, что не смогу справиться с работой за 2 дня, я зачеркивала эту цифру, писала вместо нее — 3 или 4. И Таня уезжала. Что могла записать устатовленная «подслушка»? Только звонок в дверь.*

Да, Таня берегла своих сотрудников и помощников. И никогда — без необходимости — не называла их имена даже тем, кому полностью доверяла. Так, только во время последней беседы с Таней в больнице, незадолго до ее смерти, такие завзятые «хроникеры», как С. Ковалев и А. Даниэль, с удивлением узнали, что Н. Горбаневская, оказывается, участвовала и в возобновленной, «второй “Хронике”». Т. Великанова привозила ей «сырые» материалы, которые Наташа редактировала. Но об этом Таня не говорила тогда даже близким друзьям.

Случались разные казусы. Помню, Таня рассказывала мне: однажды вечером, поджидая трамвай, она звонила кому-то из автомата. Поговорила, и тут как раз подошел ее номер. Таня вскочила в вагон. И только когда двери закрылись и трамвай тронулся, ее как обожгло, — сумку-то, сумку, в которой полно всяких опасных бумаг, она забыла в кабине автомата!

Как она бежала назад со следующей остановки! Добежала, и — слава Богу! — сумка на месте. В этот раз обошлось.

...Где-то с середины семидесятых мне все чаще случалось бывать в Таниной квартире на улице Красикова, — то на каких-то домашних праздниках, то по деловым, правозащитным поводам. Бывала она и у меня, нередко мы виделись и у кого-то из общих знакомых. И, чем ближе я узнавал Таню, тем явственней ощущал ее редкое душевное обаяние, ее нравственную высоту и чистоту. В ней естественно сочетались: заключенные самоотверженность — и полное отсутствие рисовки; внешняя хрупкость — и сила духа; отзывчивая готовность помочь — и полнейшее бескорыстие; щедрость самоотдачи — и житейская непритязательность; отважная правдивость — и благородная сдержанность. Не я один — едва ли не весь наш круг в душе признавал Таню лучшей среди нас. Пожалуй, еще лишь два человека обладали для нас столь же высоким нравственным авторитетом — С. В. Каллистратова и А. Д. Сахаров.

Однажды за разговором и совместным разбором документов, поступивших из лагерей, я допоздна засиделся «на Красикова». Таня дала мне с собой целый ворох «мелкописи» — длинных узеньких листочков, на одной стороне которых политзаключенные писали свои сообщения, заявления, протесты. Потом такие записочки скатывались в трубочки, запаивались в полиэтилен и проглатывались родственниками политзаключенных на личных свиданиях или освобождающимися. Таков был один из способов передачи информации на волю. Мне надо было дома разобрать и сжато изложить содержание этих листочков. Я понимал — это для «Хроники». И Таня понимала, что я понимаю это. Но прямо об этом не сказала. А сказала уже в дверях: «А вообще нам давно пора перейти на “ты”». — Мы не пили с ней «на брудершафт», только обменялись поцелуями, и я выскочил на ночную улицу.

Время было полночь. Успею ли на последний троллейбус? Доехать хотя бы до Варшавского шоссе, а там мне до дома и пешком каких-нибудь минут 15. Стоящий на той стороне площади троллейбус выезжает на круг, освещает салон и подходит к остановке. Я оказываюсь чуть ли не единственным пассажиром. Сажусь на сиденье лицом к заднему стеклу.

Все-таки успел. Повезло. Не сразу я обратил внимание — какая-то «Волга» тронулась вслед за троллейбусом. Но не стала его обгонять. Троллейбус останавливается на остановке — и она сразу следом за ним. И на следующей остановке. И на следующей... Понятное дело — «хвост». Как быть, если меня задержат? Разумеется, я не признаюсь (хоть это и ясно), от кого я еду и откуда в моем портфеле «крамольные» бумаги, но ведь они попадут в лапы КГБ и пропадут... «Волга» не отставала. И все так же утыкалась на остановках в хвост троллейбуса. И вот уже моя остановка — «Фруктовая улица». Так ничего и не придумав, с портфелем в руке я сошел на тротуар. «Волга» на этот раз обогнала троллейбус и остановилась сразу перед ним. Сейчас из нее вылезут молодчики «в штатском» и подойдут ко мне... Я отвернулся. Ну, где же вы, филеры-проводжатые? Почему медлите, не подходите? Когда я снова оглянулся, «Волга» уезжала вдоль улицы, и на остановке было пусто...

Что ж, значит, в этот раз команды задерживать меня не было, только проследить — куда я еду. Но ведь и домой в любой момент могут прийти с обыском. В ближайшие дни вместе с женой мы через лупу прочли всю «мелкопись» и составили извлечение, стараясь при этом не упустить ничего существенного. Свой конспект и листочки я снова отвез к Тане. Упомянул вскользь о сопровождавшем меня на обратном пути «почетном эскорте». Меня порадовало, когда потом я увидел эти материалы в вышедшем номере бюллетеня, в его рубрике «В тюрьмах и лагерях».

...Увы, этим крохотным эпизодом и ограничилось мое участие в «Хронике». Хотя я был готов и дальше в меру сил помогать ее составителям.

Новая волна

А время шло и шло всё той же привычной чередой.

1975 год. Продолжается следствие по делу С. Ковалева. Л. Плюща все так же упорно «лечат» в Днепропетровской СРБ. Арестован А. Твердохлебов, член Комитета прав человека. В мае вернулся в Москву после лагеря и ссылки А. Амальрик, молодой историк и диссидент (через год ему придется эмигрировать). В августе подписан Заключительный акт

Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе («Хельсинское соглашение»); в нем есть и гуманитарная «третья корзина» – положения, касающиеся прав человека, но почти все правозащитники убеждены, что наши власти и не подумают соблюдать записанные в ней обязательства... И верно, все остается как прежде: в сентябре на 8 лет «строгача» осужден «почвенник» В. Осипов, издатель самиздатского журнала «Вече». В октябре академику А. Сахарову присуждена Нобелевская премия мира – и вся советская пресса клеймит ученого как отщепенца и предателя. Суд в Вильнюсе в декабре приговаривает С. Ковалева к 7 годам «строгача» и 3 – ссылки. Эмигрирует во Францию Н. Горбаневская.

1976 год. 9 марта от инсульта умирает Г. Подъяпольский, ученый-геофизик, правозащитник, член ИГ. Одесский суд признает невменяемым и направляет в психиатрическую больницу (общего типа) Вячеслава Игрунова, в будущем – депутата Государственной Думы. В апреле суд в Омске в очередной раз приговаривает к двум с половиной годам лагеря М. Жемилева; до самого суда, в течении почти 10 месяцев, Мустафа держал голодовку, и всё это время его пытали «искусственным кормлением». 24 апреля умирает от инфаркта Е. Давидович, полковник в отставке, награждавшийся боевыми орденами и медалями. В 18 лет он добровольно ушел на фронт и пять раз был ранен. За намерение эмигрировать и за поддержку советских евреев, стремящихся уехать в Израиль, а также за выступление на антифашистском митинге в Минске он был лишен звания полковника и всех наград, соответствующей пенсии и медицинского обслуживания. А в Израиль его так и не отпустили... Словом, всё идет заезженной до тошноты советской колеей.

Но вот сообщение из 40-го выпуска «Хроники»: 12 мая 1976 года в Москве образована «Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР». Руководителем **Московской группы «Хельсинки» (МГХ)** стал профессор Юрий Орлов, ее членами – еще 10 известных правозащитников. Группа заявила о намерении доводить до сведения общественности и правительств, подписавших хельсинкский Заключительный акт от 1 августа 1975 года, информацию обо всех случаях нарушения положений этого

соглашения. Всего три дня спустя, 15 мая, КГБ объявило Ю. Орлову «предостережение», а ТАСС в тот же день в заявлении на «заграницу» назвало его «provokatorom».

Группа сразу же начала энергично действовать. Первый документ, выпущенный МГХ 18 мая, был посвящен суду над М. Джемилевым. Мустафа был осужден за устные высказывания в лагере (квалифицированные судом как «клеветнические и антисоветские»), т. е. за выражение собственных взглядов и убеждений. Причем и это обвинение не было доказано, так как единственный непосредственный свидетель, сокамерник Джемилева В. Дворянский, на суде отказался от данных на следствии показаний, заявив, что они были получены путем шантажа и угроз. Группа заявила, что незаконное осуждение М. Джемилева грубо нарушает положения подписанных СССР хельсинкских соглашений.

До конца 1976 года МГХ составила 15 документов (не считая дополнительных заявлений и обращений). В их числе документы: об условиях содержания узников совести; о репрессиях против религиозных семей; о положении бывших политзаключенных; о злоупотреблениях психиатрией; сообщение об образовании Украинской группы «Хельсинки» и другие.

Власти явно стремились поскорей покончить с подобной общественной «самодеятельностью». Уже в конце декабря прошли «рождественские» обыски у членов Украинской ХГ, сопровождавшиеся подбрасыванием «компромата», — запрещенной в советские времена у частных лиц «валюты» (40 долларов), порнографических открыток и даже старой немецкой винтовки...

В 1977 году власти «приступают к ликвидации» неприятных для них организаций. Сначала, в январе, — серия обысков и допросов членов МГХ. 3 февраля был арестован член группы А. Гинзбург, 10 февраля — руководитель МГХ Ю. Орлов, 15 марта — член группы А. Щаранский. Но еще до этих арестов состав группы пополнился: в январе в нее вступили Ю. Мнюх и Н. Мейман, а адвокат С. Каллистратова стала ее «консультантом по правовым вопросам»; вскоре она уже полноправный член МГХ. 22 февраля вынужденно уезжает в США член группы Л. Алексеева; в дальнейшем в течение

многих лет она была представителем МГХ за рубежом. 5 февраля арестованы члены Украинской ХГ: поэт, инвалид Отечественной войны М. Руденко и учитель А. Тихий. Но состав Украинской ХГ также пополнился.

Возникают новые Хельсинкские группы. В ноябре 1976 года — в Литве. В январе 1977 года — в Грузии; в апреле — в Армении. С появлением подобных групп также и в странах Запада возникло международное Хельсинкское движение.

«Хроника» постоянно рассказывает о документах этих групп и, разумеется, об обрушившихся на них репрессиях. В дальнейшем не было ни одного выпуска бюллетеня, где не было бы сообщений о деятельности МГХ или других хельсинкских групп. Летом 1978 года состоялись процессы над рядом их членов. Но об этих судах я расскажу в одной из следующих главок. А пока мне пора опять вернуться к нашей «Хронике».

Интермедия. Юбилей под обстрелом

Вторая половина 70-х. Глухая пора беспросветного «застоя». Похоже, он продержится и тысячу лет. Что ему какие-то оппозиционеры? Кого не додают здесь, — выдают за границу. В январе 1977 года, отбыв срок «от звонка до звонка», освобожден из Владимирской тюрьмы К. Любарский. Заключение не смирило его: вскоре он выступил на пресс-конференции перед иностранными журналистами, стал одним из распорядителей Фонда помощи политзаключенным. Но уже в октябре под угрозой нового срока ему пришлось покинуть СССР. В марте того же года был освобожден львовский врач М. Штерн; вскоре он эмигрировал в Израиль. На Украине новые аресты членов ХГ — М. Мариновича и Н. Матусевича, в Грузии — членов ХГ — З. Гамсахурдиа и М. Коставы. Изгнаны из Союза писателей В. Корнилов и Л. Копелев.

В 1977 году власти решили «осчастливить» советских людей новой Конституцией. В июне был опубликован — «для всенародного обсуждения» — подготовленный Конституционной комиссией проект. На протяжении трех месяцев советская пресса была заполнена «откликами трудящихся», или полностью одобрявшими его, или предлагавшими косметические поправки. Зато письма, посылавшиеся в те же самые

газеты, но содержащие серьезную критику, не только ни разу не были опубликованы, но даже не упоминались. И только «Хроника» в 46-м и 47-м выпусках рассказала про голоса тех, «кто не согласен, критикует, спорит». В этих — индивидуальных и коллективных — письмах отмечалась декларативность положений проекта, ущемлявшего еще больше — даже в сравнении с действовавшей Конституцией — права человека. Многие авторы категорически возражали против ст. 6 проекта, конституционно закреплявшей руководящую и главенствующую роль КПСС. В ряде писем критиковалась абсурдная система «выборов без выбора» (боюсь, что не все сегодняшние молодые знают: в советское время в избирательном бюллетене всегда стояло имя только одного кандидата, из которого нам и предлагалось сделать свой «выбор»). Критике подверглись и статьи, ставившие в неравноправное положение и ущемляющие права верующих. Предлагалось конституционно признать право на забастовку, на свободу выбора места жительства, на эмиграцию, отменить предварительную цензуру, реорганизовать судебную систему по типу суда присяжных, создать в нашей стране Конституционный суд. Предложения диссидентских критиков, по видимости, пропали втуне; внеочередная сессия Верховного Совета все равно утвердила Конституцию именно в той редакции, которая устраивала тоталитарный коммунистический режим. Но остановить ход истории не под силу даже большевикам. Загнанные в подполье мысли оказались востребованными какое-нибудь десятилетие спустя. И реформы конца 80-х — начала 90-х годов во многом шли в русле идей, когда-то высказывавшихся правозащитниками.

Закончилось конституционное шоу, и всё опять вернулось на круги своя. Впрочем, почему — вернулось? И во время обсуждения проекта, и после принятия «брежневской» Конституции репрессии против инакомыслящих не прекращались ни на день. Так, 1 июля 1977 года закончился суд над членами Украинской ХГ писателем М. Руденко и учителем А. Тихим. Родственники смогли узнать о дате «открытого» суда лишь на третий день после его начала. Суд расценил как «антисоветскую пропаганду» собственные статьи, роман и поэмы Руденко, статьи Тихого (например, «Мысли о родном

языке») и прочий найденный у них самиздат. За эти «преступления» Руденко был приговорен к 7 годам «строгача» и 5 — ссылки, Тихий — к 10 годам особого режима и 5 — ссылки.

Да не сочтет кто-нибудь из моих читателей, что арестованных и осужденных в 1977–78 годах диссидентов было всего несколько человек. Просто я упомянул лишь малую часть из тех, кого брежневская «застойная» власть мстительно преследовала и сажала по мотивам идеологической несовместимости. Их было гораздо больше — правозащитников, крымских татар, «националов», «религиозников», «отказников». Причем проблема эмиграции касалась не только евреев. Выселенным в Казахстан этническим немцам годами отказывали в праве на эмиграцию в ФРГ, даже когда у них имелись там родственники. Когда же в знак протеста они отсылали в милицию свои паспорта, их судили «за нарушение паспортных правил» (так, названным в 46-м выпуске Я. Петерсу и И. Тейреру дали по году лагерей). Можно множить и множить подобные примеры.

Назову хотя бы Ф. Сереброва (члена «Рабочей комиссии» при МГХ, расследовавшей злоупотребления психиатрией), осужденного по вздорному поводу к году лишения свободы; В. Рождествова, которого Калужский областной суд направил в ноябре 1977 года в спецпсихбольницу, поскольку он «высказывал бредовые идеи реформаторства и борьбы с существующим общественно-политическим строем», а также слушал антисоветские передачи западных радиостанций; писателя Г. Снегирева, арестованного в Киеве; члена Литовской ХГ В. Пяткуса, арестованного в августе; члена МГХ П. Григоренко, выехавшего по гостевой визе в США и лишеного советского гражданства; виолончелиста М. Ростроповича и певицу Г. Вишневскую, перед которыми также была захлопнута дверь для их возвращения на родину; члена Грузинской ХГ Г. Гольдштейна, осужденного в Тбилиси за «тунеядство» к 1 году лагерей; М. Мариновича и Н. Матусевича, членов Украинской ХГ, — каждому из них суд назначил по 7 лет строгого лагеря и 5 — ссылки; П. Винса, члена Украинской ХГ, осужденного на год лишения свободы за «тунеядство»; бывшего политзаключенного Б. Гаяускуса, вновь осужденного к 10 годам особого режима и 5 — ссылки...

В каждом номере «Хроники» – информация об обысках, допросах, арестах, судах... Но изредка попадают и хорошие сообщения: так, 22 декабря 1977 года по концу очередного срока освобожден М. Джемилев. В Крым, правда, его всё равно не пускают, а в Ташкенте поставили под административный надзор, и за ним вплотную ходят агенты милиции.

...Мое повествование между тем приблизилось к знаменательному рубежу – *30 апреля 1978 года исполнилось 10 лет «Хронике»*. Где были той весной те, кто стояли когда-то у ее колыбели? «Иных уж нет, а те – далече...» Н. Горбаневская – во Франции. Давно погиб И. Габай. Еще жив – в Израиле – А. Якобсон. В заключении – С. Ковалев, Г. Суперфин, А. Гинзбург, но сидят в лагерях и другие «хроникеры», не столь известные. А скольким лагерные испытания еще предстоят? Уехали Л. Алексеева, И. Белгородская, Т. Ходорович. В Нью-Йорке П. Литвинов и В. Чалидзе с 1974 года печатают и переиздают составляемые в Москве выпуски бюллетеня. В 49-м выпуске «Хроника» сообщила о нескольких приветствиях, полученных ею в связи со своим юбилеем. От Московской группы «Хельсинки». От редакции самиздатского альманаха «Память». От бюллетеня «Хроника Литовской Католической Церкви». И просто – от некоторых правозащитников.

25-летию «Хроники» пришлось уже на постсоветские времена. Этот юбилей можно было и отмечать, и праздновать открыто. На него приедет в Москву Н. Горбаневская. Но сама «Хроника» уже будет принадлежать истории.

Судебные расправы

Весна 1978 года. 15 мая, спустя год и три месяца после ареста, в Москве начался суд над основателем Московской группы «Хельсинки» профессором Ю. Ф. Орловым. Я был знаком с Юрием Федоровичем. 29 августа 1977 года по его делу меня допросил следователь КГБ В. Капаев. В начале допроса, когда Капаев сообщил мне статью УК, по которой обвинялся Ю. Орлов (на тот момент – 190-1, позднее она была переклассифицирована на 70-ю), я заявил, что все известные мне дела по этой статье оборачивались антиконституционными преследованиями людей за их убеждения. Что поэтому я считаю своим долгом ничем не помогать противоправному

следствию. Капаев посетовал, что напрасно «мы» не доверяем работникам госбезопасности. Впрочем, свои взгляды и мнения я ничуть не скрывал и сознательно высказывал их в беседе вне протокола. Разговор не обошел «Хронику». Капаев заметил, что многие диссидентские документы часто публикуются в этом бюллетене. И спросил, как я отношусь к этому? «Был бы рад, если бы наши письма печатались в советских газетах. Их публикует “Хроника”? Что ж, спасибо “Хронике”», — ответил я. Протокол трехчасового допроса был невелик. Как обычно, я подтвердил знакомство с Орловым и свою подпись под рядом правозащитных документов. Но отказался отвечать на все вопросы, касающиеся других. «Ни к чему все это. Ваше дело безнадежно», — на прощанье сказал мне Капаев.

...Никого из пришедших друзей и знакомых Ю. Орлова (в том числе и меня) не только не допустили в зал судебного заседания, но и не пропустили внутрь здания. Милицейский кордон оставливал пришедших у палисадника перед фасадом суда. Почему-то не приехала Т. Великанова; вскоре стало известно, что у нее идет обыск. В диссидентской среде существовало обыкновение приезжать «на обыск» — для, так сказать, моральной поддержки. И я решил поехать к Тане. Но предварительно — время ведь тревожное! — я позвонил из автомата домой. Меня успокоило, что трубку сняла Оля, моя дочь. Спрашивает, когда я приеду? Отвечаю: «Еду к Тане, у нее обыск». Оля, невозмутимым тоном: «У нас тоже».

Приходится возвращаться домой. Моей Оле ведь еще не исполнилось 18, она как раз готовилась к экзаменам в своем медучилище. Карманную книжку с телефонами и адресами я отдал одному из знакомых и помчался к себе. Дома я попросил производившего обыск юриста Образа отпустить дочь на экзамен, тем более, что об обыске у меня всё равно все знают. «А вы что же, ожидали обыска?» — спросил меня Образ. «Конечно. Уже лет десять», — сразу ответил я.

...Об обстоятельствах «открытого» суда над Ю. Орловым стало известно от его сыновей и жены, хотя им запрещали вести записи и обыскивали до и после судебного заседания. И от его адвоката Е. Шальмана. Вменялись Орлову наряду с документами группы «Хельсинки» (об условиях содержания

узников совести, о репрессиях по религиозным мотивам, о злоупотреблениях психиатрией, о праве на эмиграцию и др.), его собственные статьи и заявления, а также хранение книги «Архипелаг ГУЛАГ». Суд отклонил все ходатайства подсудимого и его защитника (о вызове дополнительных свидетелей, о приобщении к делу ряда документов и научных статей Орлова). Судья В. Лубенцова неоднократно прерывала выступление подсудимого. Приговор — максимум по ст. 70 — 7 лет строгих лагерей и 5 — ссылки.

(Не сломив Орлова на следствии и суде, КГБ постаралось создать ему невыносимые условия в лагере. Непрерывные взывания, ШИЗО (штрафной изолятор), ПКТ (помещение камерного типа), натравливание уголовников. И даже в ссылке на севере Якутии, куда Юрий Федорович был отправлен по отбытии срока заключения, КГБ не оставлял его своим зловещим вниманием. Чекисты разъяснили населению поселка, что Орлов — американский шпион, потом избili его руками своих подручных.

В конце сентября 1986 года Орлова без объяснений привезли на самолете в Москву и поместили в Лефортовскую тюрьму. Снова пытались допрашивать. И вдруг объявили, что он лишен советского гражданства и высылается в США...

Спустя каких-нибудь три года поразительные перемены на родине позволили Юрию Федоровичу снова посетить Россию; его приезды и встречи с со товарищами-правозащитниками с тех пор стали регулярными. А в 1989 году при его участии была восстановлена МГХ, задавленная КГБ семь лет тому назад.)

Суд над членом МГХ Александром Гинзбургом (Аликом, как звали его друзья) проходил в Калуге 10—13 июля 1978 года, одновременно со слушавшимся в Москве делом А. Щаранского. Скорей всего, совпадение не было случайным: власти таким образом не дали возможности тем, кто сочувствовал подсудимым, стоять поочередно под окнами сначала одного, а потом другого суда. Как всегда, в зал «открытого» судебного заседания допустили только мать и жену Алика. А все специально приехавшие в Калугу его друзья (в их числе и я) толпились вокруг здания суда. С Аликом я познакомился в Тарусе, где он жил, освободившись после второй «отсидки», и в дальнейшем не раз общался с ним. Знал я и его жену

Арину, помню Саню и Алешу, его сыновей-дошколят. Алик находился в следственной тюрьме уже год и 5 месяцев. Его обвиняли в хранении и распространении «антисоветской» литературы (книг Солженицына, Сахарова, выпусков «Хроники» и др.); в составлении (наряду с другими членами МГХ) документов группы; в «антисоветской деятельности» в качестве распорядителя Фонда помощи политзаключенным. Алик заявил, что инкриминируемая ему литература антисоветской не является; что документы МГХ носят правдивый, а не клеветнический характер; что в своей деятельности в качестве распорядителя Фонда он подотчетен только его учредителям, но не суду или КГБ. Отклоняя ходатайства подсудимого и снимая его вопросы к свидетелям, судья всячески препятствовал Гинзбургу и его адвокату Е. Резниковой доказывать несостоятельность обвинения. В последнем слове, выразив свою солидарность с А. Щаранским, Алик заявил, что все 17 месяцев следствия ему угрожали предъявлением 64-й статьи УК («измена родине») и высшей мерой наказания. Суд признал Гинзбурга «особо опасным рецидивистом» и приговорил его к 8 годам лагерей **особого режима**. После кассации, подтвердившей суровый приговор, Алик был отправлен в лагерь в Мордовию.

(...В конце апреля 1979 года А. Гинзбург и еще четверо советских политзаключенных были обмены на осужденных в США советских шпионов. Арина с детьми и его мать выехали вслед за Аликом. Началась новая жизнь — сначала в США, затем во Франции. Потом была тяжелая операция на легком.

Мне было суждено снова увидеться с Аликом лет, наверное, через 15. После 1991 года он не раз приезжал в Москву обозревателем парижской «Русской мысли». Когда-то он запомнился мне озорным, легким на общение и острым на язык собеседником, небольшого роста, с вьющейся рыжей шевелюрой. Теперь я обнял легонького старичка (а было ему тогда лишь немного за пятьдесят) с белым пушком на голове, с реденькой белой бородкой. И когда я потянулся наполнить наши рюмки, он попросил, чтобы я налил ему просто воды. Он больше не курил. Но как только мы заговорили, я узнал прежнего Алика, — он живо интересовался российскими новостями, иронизировал над собой и над своей парижской жизнью.

...На анкетный вопрос калужского судьи о своей национальности Алик ответил: «Зэк». Но это неверно. И даже совсем наоборот. Ибо и в Советском Союзе, и в США, и во Франции, на воле, в лагере и в тюрьме, — он всегда и везде оставался свободным человеком.

Александр Гинзбург умер и похоронен во Франции в 2002 году.)

Суд над Анатолием Щаранским — советский вариант дела Дрейфуса. Стремясь опорочить еврейских борцов за эмиграцию, КГБ в дополнение к традиционному по отношению к правозащитникам обвинению в «антисоветской агитации» состряпал Щаранскому нелепое обвинение в «шпионаже». Какую же страшную «государственную тайну», кому и как выдал Щаранский? Такой «тайной» был объявлен список еврейских отказников, ибо там были указаны места их «секретной» работы. В его составлении принимали участие активисты движения за репатриацию в Израиль. Этот список передавался еврейским общинам на Западе, поддерживавшим еврейскую эмиграцию. Его открыто диктовали во время международных разговоров по телефону. Участие Щаранского в пресловутом списке состояло в том, что в числе других и он прочитывал список во время телефонных разговоров с Англией. Кроме того, «шпион» Щаранский участвовал в открыто проходивших встречах отказников с приезжавшими в Москву американскими сенаторами и конгрессменами и, прекрасно владея английским, был на них переводчиком.

Разумеется, Щаранскому вменили в вину и документы МГХ, расцененные судом как «клеветнические и антисоветские». Его открытые встречи с американскими корреспондентами были объявлены «конспиративными». «Антисоветскими» были признаны обращения к сенаторам и конгрессу США (подписанные наряду с ним многими еврейскими активистами) по поводу поправки Джексона—Вэника, связавшей торговые льготы со свободой эмиграции; коллективные письма отказников; обзоры положения с еврейской эмиграцией. «Клеветническими» следствие расценило даже... поздравительные телеграммы в связи с 200-летием США и Джеймсу Картеру — в связи с избранием на пост президента.

Квалификация обвинения по статье 64 УК давала возможность следствию шантажировать Щаранского угрозой смертной казни. А ведь в Лефортовской следственной тюрьме его продержали до суда почти 16 месяцев. Но сломить его КГБ так и не удалось. На суде он не признал себя виновным и назвал обвинение абсурдным.

Суд приговорил Щаранского к 13 годам лишения свободы: к 3 годам тюрьмы и 10 — лагерей строгого режима.

(...Лично со Щаранским я знаком не был, лишь однажды видел его у кого-то из общих друзей. Но много слышал о нем. Участник движения за репатриацию евреев, «отказник» с 1973 года, член МГХ с момента ее основания. Несмотря на широкую международную компанию в его защиту, Анатолию пришлось пробыть в тюрьмах и лагерях долгих 9 лет. И только в феврале 1986 года он был лишен советского гражданства и выслан из СССР. В Израиле Щаранский избирался депутатом кнессета, позднее вошел в кабинет министров. В 1991 году в Москве вышла книга его воспоминаний «Не убоюсь зла». Щаранский неоднократно приезжал в СССР, в мае 2001 года я встречал его на юбилейной конференции Московской группы «Хельсинки».)

Но я рассказал еще не о всех громких политических процессах 1978 года. В мае в Тбилиси судили грузинских правозащитников Звиада Гамсахурдиа и Мераба Костава. Об этом суде я расскажу позднее, — в главке о национальных движениях.

В июле в Вильнюсе судили члена Литовской группы «Хельсинки» Виктораса Пяткуса. Дважды он уже отбывал наказание за «антисоветскую агитацию и пропаганду». На этот раз чекисты решили в качестве «десерта» добавить к этой уже привычной статье обвинение в мужеложестве и спаивании несовершеннолетних. Суд, разумеется, признал Пяткуса виновным по всем этим статьям. Приговор — 10 лет особого режима (первые 3 года — в тюрьме) и 5 — ссылки.

Члена Украинской группы «Хельсинки» Левко Лукьяненко судил в июле в городе Городня Черниговский областной суд. Украинские чекисты не только не пустили друзей подсудимого в помещение суда; они даже не пропускали подобных «нежелательных» лиц в саму Городню, а тех, кто все-таки

сумели туда прорваться, задерживали и отвозили в Чернигов и в Киев. Лукьяненко, юрист по образованию, уже отбыл прежде 15 лет заключения по политическому обвинению. В этот раз ему были инкриминированы документы Украинской ХГ и его собственные заявления и статьи (в частности — «Остановить кривосудие!» — в защиту художника П. Рубана и звучавшая по зарубежным радиоголосам статья «Год свободы»). Лукьяненко был признан судом особо опасным рецидивистом и приговорен к 10 годам особого режима и к 5 — ссылки.

Александра Подрабинека, арестованного 14 мая, судили в подмосковном г. Электросталь 15 августа. Фельдшер по образованию, он в январе 1977 года стал одним из учредителей Рабочей Комиссии (РК), созданной при Московской группе «Хельсинки» и занимавшейся расследованием злоупотреблений психиатрией. По статье 190-1 УК ему вменялась как «клеветническая и порочащая советскую власть» книга «Карательная медицина», написанная им и изданная за границей. Суд вначале шел привычным для политических процессов порядком. То есть на «открытый» суд допустили только отца подсудимого, а приехавшие в Электросталь его друзья стояли снаружи под дождем. Подрабинек заявил несколько ходатайств: о приобщении к делу актов экспертиз бывших политзаключенных психиатрических больниц; о вызове дополнительных свидетелей; об обеспечении гласности суда; и другие. Когда все они были отклонены судьей Р. Назаровым, Подрабинек дал отвод всему составу суда, заявил, что не будет участвовать в судебном спектакле и потребовал удалить себя из зала. Вначале судья попробовал игнорировать это требование. Тогда Подрабинек стал демонстративно курить, затем стал громко насвистывать арию тореадора из оперы «Кармен»... Подрабинека вернули в зал суда только на чтение приговора, назначившего ему 5 лет ссылки.

(В июне 1980 года находящийся в ссылке в якутском поселке Усть-Нера А. Подрабинек был снова арестован. По статье 190-1 УК он на этот раз был приговорен по совокупности к заключению в лагерь на 3 года 6 месяцев и 13 дней. А в январе 1981 года был повторно осужден по той же статье к заключению в лагерь строгого режима старший брат Александра —

Кирилл. Когда-то в середине 70-х я читал в самиздате очерк Кирилла «Несчастные», описывающий условия службы в армии; из очерка я тогда впервые узнал о существовании такого страшного явления, как дедовщина. У Кирилла закончился срок, назначенный ему первым судом, но он так и не вышел на свободу. Вменялись ему в вину устные высказывания в лагере...)

Можно и дальше перечислять политические процессы того года. Но надо где-нибудь остановиться. Пусть читатель поверит мне на слово: их было гораздо больше. Особенно в провинции, откуда информация порой приходила с опозданием и сообщала о неизвестных до той поры людях. Но «Хроника» стремилась рассказать и о них.

Да, хорошо поработали в 1978 году наши славные чекисты! Впрочем, они никогда не знали устали. Какая досада, что плоды их многолетних трудов были сначала смазаны освобождением политэзков в 1987 году, а потом и вообще охаяны реабилитацией политических в 1991-м! Пропали труды семидесяти с лишним лет! И даже монумент создателю ВЧК и идолу всех поколений чекистов был позорно низвергнут и исчез с Лубянской площад. Но надолго ли?

Последние события и настроения в стране могут внушать оптимизм радетелям «твердой руки» и «ежовых рукавиц». Во власть валом идут выкормыши славного ведомства. И не из этого ли учреждения вышел наш нынешний президент?

Опять начались «шпионские» процессы над учеными и экологами. Который год продолжается чеченская война. Есть внешне-внутренний враг — чеченцы. И с ними — террористами — не может быть никаких переговоров. Вот только куда их депортировать на этот раз?

Россияне еще могут свободно говорить. Газеты пока еще выходят без цензуры. Но не пора ли загодя подумать о воссоздании «Хроники»?

Крымские татары

Пора познакомить читателя с рядом типичных персонажей «Хроники». Расскажу для начала о движении крымских татар.

Вскоре после освобождения Крыма от немецкой оккупации, в ночь на 18 мая 1944 года, все проживавшие там крымские

татары (в основном — старики, женщины и дети, поскольку взрослые мужчины в большинстве сражались на фронте с фашистами) были под дулами автоматов выгнаны из своих домов, а затем в набитых до отказа вагонах для скота вывезены в резервации в республики Средней Азии, главным образом в Узбекистан. От жажды, зноя и смрада в дороге гибли старые и слабые (мертвецов сбрасывали из теплушек на коротких стоянках, не давая их похоронить). Смерть настигала людей и на спецпоселении. За первые полтора года после депортации погибло около 46 процентов — почти половина! — всех крымских татар.

Спустя одиннадцать лет был отменен режим спецпоселения. А в сентябре 1967 года Указом Президиума Верховного Совета с крымских татар было снято огульное обвинение в «измене». Но запоздалая реабилитация не повлекла возврата многострадального народа на свою родину. Напротив, власти и в Узбекистане, и в Крыму (с благословения Москвы!) всячески препятствовали его возвращению. Иногда представителей крымско-татарского народа (привозивших с собой петиции с десятками тысяч подписей) принимали в Москве высокие партийные и советские чины и давали ни к чему не обязывающие заверения. Иногда таких «ходовков» просто отлавливали и высылали «по месту проживания». А в Узбекистане крымских татар, собравшихся на площади, чтобы послушать отчет вернувшихся из Москвы своих представителей, разгоняли дубинками или водой из брандспойтов, швыряли в «воронки», арестовывали. Информация и документы о произволе властей рассматривались судами как клеветнические и антисоветские. И суд следовал за судом, расправа за расправой.

Крымские татары, самостоятельно вернувшиеся на родину, попадали в заколдованный круг. В степной, малонаселенной части полуострова существовала хроническая нехватка рабочих рук, и здесь охотно принимали переселенцев из России и Украины. Но только не крымских татар. В 51-м выпуске «Хроники» приведена страшная история 46-летнего Мусы Мамута. В 1975 году он купил дом в селе Донское в Крыму и поселился там с женой и тремя детьми. Но их там не прописали, а без прописки нигде не брали на работу. Затем «за на-

рушение паспортных правил» Мусу приговорили к двум годам лагеря. После выхода на свободу Мамут вернулся в Крым к семье, но его вновь не прописали, угрожали выселением и новым сроком. Муса предупредил, что живым он больше не дастся. 23 июня 1978 года приехал участковый, чтобы отвезти Мусу к следователю. И тогда М. Мамут облился бензином и поджег себя. Спустя пять дней он умер в больнице...

Несмотря на чинимые властями препятствия на похороны Мамута собралось около тысячи человек. Собравшиеся поклялись сделать всё, чтобы жертва Мусы не осталась напрасной. Среди принесенных транспарантов был и такой: «Мусе от возмущенных русских собратьев. Спи, справедливость восторжествует».

Правозащитники поддерживали справедливую борьбу крымских татар. Большое участие в их судьбе принимал П. Григоренко, разжалованный генерал-майор. Он был арестован в Ташкенте, куда вылетел с намерением выступить общественным защитником на суде по делу десяти крымских татар. Гражданственное мужество обошлось Григоренко пятилетним заключением, большую часть которого ему пришлось провести в Черняховской спецпсихбольнице. Илья Габай, педагог и поэт, тоже выступал в защиту репрессированного народа. И тоже поплатился за это. Сначала тремя годами лагеря. А затем — полутора годами пыточной «заботы» чекистов, старавшихся увещеваниями и угрозами склонить его к покаянию. Не видя выхода из этого ада, Илья покончил с собой...

Крымско-татарская тема была заявлена уже в первом выпуске «Хроники» — в письме двенадцати советских граждан Консультативному совещанию коммунистических партий в Будапеште. В дальнейшем редкий номер бюллетеня обходился без сообщений на эту тему, а его 31-й выпуск, приуроченный к 30-летию депортации, целиком посвящен движению крымских татар. Вот неполная выборка на эту тему всего из одного, 47-го выпуска (за 1977 год):

из села Садовое выселена семья Нури Мустафаева с детьми трех и полутора лет;

в селе Молочном выселили Зеру Мустафаеву с десятилетней дочкой;

в селе Рунном пожилых сестер Нурию и Кериме Куртсеитовых с братом, инвалидом Отечественной войны Рустановом Халиловым, взломав двери, выгнали из купленного дома;

врача-педиатра Феру Муслиядинову, прописанную в с. Нижний Орешник, не берут на работу по специальности (хотя район нуждается в педиатрах);

в совхозе «Солнечный» у А. Тихоновского, женатого на крымской татарке, отключили телефон. Его жене Урмус так объяснили причину отключения: «Вы разговариваете по телефону по-татарски, а мы не понимаем».

...Вышло так, что крымско-татарской темой в «Хронике» обычно занимался Александр Лавут, к нему приезжали «ходоки» из Крыма и Узбекистана, к нему стекалась соответствующая информация. После ареста Саши в апреле 1980 года этот раздел «Хроники» сначала сократился, а в последних пяти выпусках вообще нет сообщений на крымско-татарскую тему..

...В 59-ю годовщину депортации крымских татар, 18 мая 2003 года, в Крыму отмечался День памяти репрессированных народов. Как сказал в интервью «Известиям» Мустафа Джемилев, в Крым вернулось около четверти миллиона крымских татар. Но на очереди в Узбекистане их еще около 150 тысяч. «За полвека нашей борьбы, – с гордостью сказал Мустафа, – мы не пролили ни своей, ни чужой крови».

Национальные движения

Записные плакальщики по рухнувшему в 1991 году «нерушимому» Советскому Союзу с особым умилением вспоминают о «подлинном братстве народов», будто бы царившем в советское время в СССР. На самом деле центробежные тенденции и недоброжелательство к россиянам всегда существовали в союзных республиках: они проявлялись в презрительном отношении к русским как к оккупантам в Прибалтике, где люди на улицах и в магазинах не желали понимать русскую речь, отвечать на вопросы, заданные по-русски. Нечто подобное можно было встретить в закавказской Украине. И повсеместным было противодействие насильственной руссификации. Власти боролись с этим по-советски – репрессиями. Превращая тем самым недоброжелательство в не-

ненависть, стремление к культурной автономии — в неизбежность отделения.

В этой главке я коротко расскажу о национальных движениях на Украине, в Прибалтике, Армении и Грузии. В период, о котором рассказывала «Хроника», это были мирные движения, отстаивающие национальный язык и культуру. Правда, так было не всегда. В первое послевоенное десятилетие существовало и партизанское движение — УПА (Украинская повстанческая армия) на Западной Украине и «лесные братья» в аннексированных Советским Союзом республиках Прибалтики. Множество партизан были убиты в сражениях с карательными чекистскими частями (также понесшими немалые потери) или расстреляны по приговору судов. А люди, помогавшие повстанцам (и просто сочувствовавшие им), в 70-е годы всё еще досиживали свои 25- и 15-летние сроки.

Можно по-разному относиться к повстанцам. Многие коренные жители «освобожденных» в 39–40 годах областей и республик видят в партизанах национальных героев. Советская пропаганда именovala их не иначе как бандитами. Но я хотел бы напомнить читателю, что и немцы во время войны называли бандитами наших партизан. А свободу и государственность все эти республики снова обрели не с помощью вооруженной борьбы, а в результате демократических преобразований в СССР.

(Отношение к партизанам в западных республиках как к «бандитам» было накрепко вбито в сознание советских людей. Помню, один из моих друзей, возвращая после прочтения 15-й выпуск бюллетеня, неодобрительно спросил, уж не собирается ли «Хроника» заняться защитой уголовников и бандитов? В ответ на мое недоумение товарищ указал на приведенный в номере — без всякого комментария — список: «Состав женского политлагеря ЖХ 385/3». В списке 19 женщин, четверо из которых были связными ОУН (Организации украинских националистов) и были осуждены в конце 40-х — 50-х годах на 25 и 15 лет, причем лишь про одну из них известно, что она отстреливалась при аресте и кого-то то ли убила, то ли ранила. Участница литовского сопротивления была осуждена на 10 лет в 1968 году за события двадцатилетней давности. Еще две — участницы попыток угона самолета с целью уйти за границу. А большинство

из заключенных женщин — «религиозницы», некоторые сидели за свою веру не первый срок.)

Но вернемся к преследованиям «националов», проходившим во времена «Хроники». В ее первых выпусках сообщений из республик сравнительно немного. Но уже в 17-м номере помещен рассказ о суде в Ивано-Франковске в сентябре 1970 года над историком и бывшим политзэком Валентином Морозом. За свою самиздатскую публицистику он был на этот раз осужден к 9 годам заключения и 5 — ссылки. Этот суд стал прелюдией политических репрессий 1972 года, когда на Украине были арестованы более ста человек. Среди осужденных к заключению в лагерь — художница Стефания Шабатура, священник Василий Романюк, учитель А. Сергиенко, Зиновий Антонюк, поэт Василь Стус и многие.

Следующий всплеск политического террора на Украине пришелся на конец 70-х — начало 80-х годов. В первую очередь, он был направлен против созданной в ноябре 1976 года **Украинской Хельсинкской группы**. Первыми из «хельсинкцев» в начале 1977 года были арестованы литератор и инвалид отечественной войны М. Руденко и учитель и бывший политзэк О. Тихий. Затем — историк М. Матусевич, инженер М. Маринович, юрист и бывший политзэк Л. Лукьяненко. Все они были осуждены на предельные сроки. И хотя группа не раз пополнялась новыми членами, к 1981 году на свободе не осталось ни одного члена УкрХГ. Украина славилась как полюс лютости по части политических репрессий. Приговоры диссидентам за самиздатскую публицистику, за открытые письма, за стихи были по тяжести вполне сопоставимы с приговорами за изнасилование или убийство. Так, в июне 1971 года был осужден к 5 годам заключения А. Чекалин. Украинский суд расценил как «антисоветскую агитацию» надписи, сделанные им... на избирательных бюллетенях! (сравним: совершившие умышленное убийство без отягчающих обстоятельств преступники наказывались лишением свободы на срок от 3 до 10 лет). Но даже такими суровыми приговорами КГБ не удалось окончательно подавить национальное движение. Жестокость лишь спровоцировала возврат к анонимности. И, вероятно, аукнулась на украинском референдуме 1991 года, когда большинство жителей республики

высказалось за государственный суверенитет и независимость Украины.

Литва. В период, о котором повествует «Хроника», послевоенное партизанское сопротивление осталось в далеком прошлом (хотя многие его участники всё еще досиживали свои 25-летние срока). Движение было мирным и проявлялось в защите национальной культуры и языка, в отстаивании традиционного для Литвы католичества. С марта 1972 года выходила «Хроника Литовской Католической Церкви». «Хроника ЛКЦ», так же как и московская «Хроника», выпускалась анонимно. Власти изымали ее на обысках, сажали перепечатчиков. Так, в 1974 году за размножение и распространение «Хроники ЛКЦ» была осуждена к 3 годам заключения и 3 – ссылки Н. Садунайте. В последнем слове она назвала день суда счастливым днем в своей жизни: «...меня судят за “Хронику ЛКЦ” ...значит, за правду и любовь к людям!.. С радостью пойду на рабство за свободу других...»

В 70-е годы национальное движение в Литве проявлялось также в издании машинописных журналов, таких, как «Аушра» («Заря»), «Варпас» («Колокол») и других. В ноябре 1976 года была создана Литовская Хельсинкская группа, в ноябре 1978 года – Католический комитет защиты прав верующих. В Литовскую ХГ вошли 9 представителей либеральной интеллигенции. В их числе поэт-переводчик и публицист Т. Венцлова (эмигрировавший в 1977 году); священник К. Гаруцкас (весной 1979 года он умер, и его заменил другой священник, Б. Лауринавичюс); проводший 16 лет в лагерях бывший политзек В. Пяткус; еврей-отказник физик Э. Финкельштейн. Группа выступала по широкому кругу правозащитных проблем, защищала права не только католиков и этнических литовцев, но, например, и немцев, желающих эмигрировать в ФРГ. Литовская ХГ поддержала также «Обращение» 48 граждан Литвы, Латвии и Эстонии к Правительствам СССР, ФРГ и ГДР, приуроченное к 40-летию Пакта Молотова–Риббентропа. Как известно, именно этот Пакт привел к аннексии Советским Союзом стран Прибалтики. «Обращение» призывало Правительства опубликовать полный текст советско-германского договора от 23 августа 1939 года (включая секретные протоколы к нему), осудить его

и признать недействительным с самого начала. Двенадцать московских правозащитников также поддержали это «Обращение».

(...В 1993 году секретные протоколы, сохранившиеся в Особой папке Архива Президента РФ, были и впрямь опубликованы в России в журнале «Новая и новейшая история». Правда, к тому моменту Литва, Латвия и Эстония обрели вновь свою независимость.)

...Уже в 1977 году против Литовской ХГ начались репрессии. В августе был арестован В. Пяткус, затем последовали новые аресты. Вечером 24 ноября 1981 года погиб член ХГ 68-летний священник Б. Лауринавичюс. После резкой статьи о нем в республиканской газете он был вызван в Вильнюс и там насмерть сбит грузовиком. По сообщению «Хроники ЛКЦ», ряд свидетелей видели, как четверо мужчин в штатском просто толкнули старика под колеса...

К исходу 1981 года Литовская ХГ была окончательно задавлена. Были арестованы и члены «Католического комитета защиты прав верующих» В. Скуодис и священники А. Сваринкас и С. Тамкявичус. Но «Католический комитет» пополнился новыми членами и продолжил свою деятельность.

В Эстонии и Латвии не было открыто заявленных организаций, подобных Литовской ХГ. Но известны произведения эстонского и латвийского самиздата, листовки, индивидуальные и групповые протестные письма. И, разумеется, множество имен политзаключенных. Лишь в качестве примера приведу имена В. Нийтсоо, М. Никлуса, Ю. Кукка (Эстония), М. Равиньша и Г. Родэ (Латвия).

В Армении и Грузии лишь короткое время существовали республиканские Хельсинкские группы. Они были задавлены арестами в самый год своего возникновения (1977). Были осуждены и отправлены в лагерь члены Армянской ХГ Р. Назарян и Ш. Аругюнян, позднее — руководитель группы Э. Аругюнян; в Грузии были арестованы члены ХГ З. Гамсахурдиа, М. Костава, В. Рцхеладзе и Г. Гольдштейн. На состоявшихся летом 1978 года судах Костава был осужден к 3 годам «строгача» и 2 — ссылки; Гамсахурдиа и Рцхеладзе раскаялись и получили в результате по 2 года ссылки неподалеку от Грузии. Гамсахурдиа вернулся в Тбилиси летом 1979 года и получил там место старшего научного сотрудника.

Весной 1978 года принимались новые республиканские конституции. В них, в частности, предполагалось придать статус государственного – русскому языку. Это вызвало многочисленные протесты, выступления, письма в газеты. 14 апреля 1978 года, в день, когда Верховный Совет Грузинской ССР собрался для утверждения новой Конституции, в Тбилиси перед зданием, где заседала сессия, собралась многоступенчатая молодежь. Тысячи демонстранты несли плакаты с надписью «Родной язык!», скандируя этот лозунг. Широкая народная поддержка в итоге не позволила лишить армянский и грузинский языки статуса государственных.

...Многие сотни политэков-«националов» (наряду с «религиозниками» они составляли весьма значительную часть узников совести) – неоспоримое свидетельство того, что единство советской империи скреплялась совсем не «волей народной», а штыками, лагерями и колючей проволокой.

Но «патриотам-великодержавникам» нипочем опыт и уроки истории. Они до сих пор мечтают о восстановлении СССР. Какой ценой – их, похоже, не волнует. А ведь даже А. Солженицын в своей программе «обустройства России» признает: *«Нет у нас сил на империю!»*

Ну а если бы всё же достало сил? Не стыдно ли опять завоевывать и карать? И разве это принесет благо самому русскому народу? Напомню помещенное в 9-м выпуске «Хроники» заявление семнадцати правозащитников к годовщине вторжения в Чехословакию. Оно кончалось словами: *«...не может быть свободен и счастлив народ, угнетающий другие народы»*.

«В отказе»

Когда ныне из окон электрички я вижу намалеванные вдоль путей лозунги «Жиды, вон из России!», невольно вспоминаю времена, когда советские власти всеми мерами препятствовали евреям уезжать из СССР. Потому что и теми, кто сегодня самовыражается в погромных надписях, и теми, кто еще вчера не позволял «сионистам» уезжать, движет, по-моему, один и тот же мотив – ненависть. Только тогда особую злобу вызывали те евреи, кто хотел вырваться из Советского Союза, а сейчас – те, кто решил остаться в России.

Сегодня только люди постарше могут представить, через какие унижения и дискриминацию предстояло пройти тем, кто подавал документы «на выезд». Преподавателей сразу же выгоняли с работы, членов КПСС исключали из партии, студентов — из институтов. Да еще подвергали унижительной «проработке» на собраниях, где вчерашние сотрудники и приятели клеймили их «изменниками» и «предателями». А потом нередко им отказывали в разрешении на выезд — ввиду «дальности родства» приславших приглашение из Израиля лиц, «по соображениям секретности» или просто так, без объяснения причин. И квалифицированные специалисты были вынуждены годами работать лифтерами, грузчиками, истопниками в котельных. Исключенных студентов тут же призывали в армию. А служба в армии — даже простым солдатом — означала, что после «дембеля» еще несколько лет выезд в Израиль будет закрыт шлагбаумом «секретности». Так что некоторые исключенные из вузов и получившие повестку из военкомата молодые люди предпочитали даже отсидеть срок за отказ от призыва, поскольку судимость, в отличие от «секретности», не являлась препятствием к эмиграции.

Следует отметить, что эмигрировать из СССР стремились вовсе не одни евреи. До 40 тысяч этнических немцев, высланных во время войны из Поволжья, хотели уехать в ФРГ. Эмиграции на Запад требовали многие тысячи преследуемых в СССР пятидесятников и баптистов. Было и немало людей, стремившихся уехать из СССР по экономическим или политическим мотивам (например, Л. Серый, В. Иванов, В. Павлов). Встречались среди «отказников» и русские, и украинцы.

Сделав эти предварительные замечания, я обращусь теперь к фактам, почерпнутым из «Хроники».

Одно из первых прикосновений «Хроники» к этой теме — рассказ о деле киевского радиоинженера Бориса Кочубиевского, помещенный в 6-м и 8-м выпусках. В августе 1968 года он подал заявление на выезд, в декабре был арестован. Ему инкриминировали устные высказывания о положении евреев в СССР, в том числе во время митинга у Бабьего Яра. Приговор — 3 года лагеря. После освобождения Кочубиевский уехал в Израиль.

В 1970 году грянуло знаменитое «самолетное дело». В июне 11 человек (М. Дымшиц, Э. Кузнецов, И. Менделевич и другие) собирались захватить 12-местный самолет Ан-2, летавший по маршруту Ленинград – Приозерск, чтобы улететь на нем в Швецию. Все они (кроме А. Мурженко и Ю. Федорова) были сионистами, стремившимися попасть в Израиль, шестеро уже неоднократно обращались в ОВИР, но получить разрешение на эмиграцию им не удалось.

План угона был разработан М. Дымшицем, профессиональным летчиком. Предполагалось, обезоружив и связав пилотов, оставить их на аэродроме в Приозерске. Далее в Швецию самолет должен был вести Дымшиц. Замысел не удался: все угонщики были задержаны и арестованы перед посадкой.

Суд в Ленинградском городском суде проходил 15–24 декабря 1970 года. В итоге Дымшиц и Кузнецов были приговорены к смертной казни, прочие подсудимые (в том числе С. Залмансон, единственная среди них женщина) – к длительным срокам заключения. Лишь при кассации 31 декабря «вышка» Дымшицу и Кузнецову была заменена 15 годами и немного снижены срока некоторым другим осужденным. Ход «самолетного» процесса подробно освещен в 17-м выпуске «Хроники».

Попытка угона самолета по законам всех стран является преступлением. Но приговор все равно поражает своей жестокостью. Ибо угон был пресечен на стадии покушения и никто при этом не пострадал. А единственным мотивом попытки угона было желание вырваться из СССР, то есть осуществить неправовым способом свое право, записанное во «Всеобщей декларации прав человека» и постоянно нарушаемое советскими властями.

«Самолетчики» на долгие годы были отправлены в лагеря, но еврейское движение за выезд в Израиль продолжалось. С начала 70-х в самиздате выходил «Вестник исхода». В июне 1971 года состоялась голодовка отказников на Центральном телеграфе в Москве. В 1972 году на квартире А. Воронеля собирался научный семинар по физике. В нем участвовали ученые-отказники, лишившиеся работы по специальности. В Киеве у Бабьего Яра и в Минске на месте расстрела пяти

тысяч евреев в дни поминовения собирались митинги. В 70-е годы неоднократно на ступенях Библиотеки им. Ленина, напротив Приемной ПВС (Президиума Верховного Совета), проводились демонстрации под лозунгом «Свободу узникам Сиона!». Но не дремали и власти. Пришедших в Президиум Верховного Совета отказников дружинники за-талкивали в автобусы, вывозили за город, избивали и оставляли на дороге. Некоторые демонстранты были осуждены к ссылке. Как всегда, особенно суровыми были преследования на Украине, где КГБ не гнушался провокаций и фальсифицированных уголовных обвинений. Так, 18 октября 1973 года в Киеве был арестован «отказник» А. Фельдман. Он возвращался домой из синагоги и – по версии обвинения – выбил из рук девушки торт и разорвал одежду у двух мужчин, попытавшихся за нее вступить. На следующий день в отсутствие арестованного Фельдмана в его квартире был произведен обыск – в связи с «подозрением в ограблении банка» (!). Изъяли, разумеется, только самиздат. Судили Фельдмана по статье о хулиганстве – за «выбитый торт». В двух свидетелях Фельдман опознал агентов-«топтунов», неотступно следивших за ним несколько месяцев. Приговор – три с половиной года лишения свободы («Хроника»-30).

Или еще одно бесстыже подстроенное дело – бывшего политэка Н. Горбалья. До своего ареста в 1970 году он работал учителем музыки в школе. За написанную им поэму «Дума» он был осужден к 5 лет лагеря и 2 – ссылки. После освобождения жил в Киеве, работал лифтером. Горбаль добивался разрешения на выезд в США, где проживала его сестра. Вечером 23 октября 1979 года он ехал к друзьям. Когда он вышел из метро – в каких-нибудь 20 метрах от станции – его стали избивать двое мужчин. Тут же была едва знакомая с Горбалем женщина. На закрытом суде Горбаль был обвинен в попытке изнасилования этой женщины и осужден – теперь на 5 лет строгого лагеря («Хроника»-56).

Подобных сфабрикованных дел было на Украине немало. Обратной стороной той же медали стали избиения «неизвестными» отказников и правозащитников (В. Малинковича, М. Белорусца, Михайлины Коцюбинской) и даже угрозы изнасилованием жене политссыльного И. Светличного.

...В омском лагере УХ-16/8, где я досиживал свои 3 года, одновременно со мной находились три молодых «отказника» — два немца и один русский, Серафим Евсюков. Их семьи подали «на выезд». Студентов тут же исключили из института и прислали им призывные повестки. Идти служить в армию они отказались чтобы не стать невыездными по «секретности». Зато загремели в лагерь. Не знаю судьбу молодых немцев, но Серафим после освобождения вместе со всей семьей уехал на Запад.

Интермедия. За разгадкой — на машине времени

И еще один рассказ, без которого не обойтись. Хотя я до сих пор в точности не знаю, что и как было на самом деле и кто истинные виновники случившейся трагедии. И даже в какой раздел своей статьи лучше поместить эту главку.

...8 января 1977 года произошел взрыв в московском метро. В результате взрыва погибло семь и было ранено 37 человек. Всего два дня спустя Виктор Луи, агент КГБ и корреспондент английской газеты, сообщил на Запад, что, по мнению официальных лиц, этот взрыв — дело рук «диссидентской группы». Похоже, что первоначально КГБ замыслил, — взвалив ответственность за террористический акт на диссидентов, затем на волне всеобщего негодования окончательно разгромить всех этих правозащитников, «хельсинкцев» и прочих оппозиционеров. Слова «поджог рейхстага» были в те дни на устах у многих.

В «Обращении к мировой общественности» от 12 января А. Сахаров в частности написал: *«Я не могу избавиться от ощущения, что взрыв в московском метро... это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов... эта провокация может привести к изменению всего внутреннего климата страны... Я был бы очень рад, если бы мои мысли оказались неверными»*. 14 января было опубликовано Заявление Московской группы «Хельсинки», поддержанное рядом других правозащитных организаций (в том числе из национальных республик). В нем говорилось: *«Диссиденты... полностью отвергают насилие или призывы к насилию как средство осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением»*. С подобным заявлением выступил и бывший политзаключенный Л. Бородин.

Быть может, эта дружная отповедь заставила КГБ придумать и отказаться от своих первоначальных планов. Развязка наступила через два года. 31 января 1979 года в «Известиях» было опубликовано короткое – в какой-нибудь десяток строк – сообщение. В нем было сказано, что Верховным Судом СССР было рассмотрено в открытом заседании дело *«особо опасного рецидивиста Затикяна С. С. и двух его сообщников»* по обвинению в совершении взрыва в вагоне московского метро в январе 1977 года *«...вина подсудимых полностью доказана... Затикян и его сообщники приговорены... к смертной казни. Приговор приведен в исполнение»*.

О проходившем суде ничего не знали даже родные подсудимых. Лишь после его окончания ближайших родственников привезли из Еревана в Москву, и только в Лефортово, где проходило последнее свидание, родные узнали, что суд уже состоялся и вынес всем троим смертный приговор. Тогда же просочились первые неофициальные сведения о суде, который закончился 24 января 1979 года. Постепенно стали известны некоторые подробности суда и имена еще двух казненных (А. Степанян и З. Багдасарян).

Но зачем понадобилась таинственная сверхзакрытость суда? Не было ли в этом деле судебной ошибки или хуже – намеренной фальсификации? Настоящие ли преступники были посажены на скамью подсудимых и казнены? Учитывая советский исторический опыт, эти вопросы нельзя считать риторическими. В Заявлении МГХ от 1 февраля сказано: *«Приведен в исполнение смертный приговор... вынесенный в неизвестном месте в неизвестный день в обстановке полной тайны и секретности... указана фамилия лишь одного из приговоренных, фамилии двух других даже не названы... Невозможно понять, почему процесс по такому обвинению понадобилось проводить в полной тайне, не известив даже самых близких родственников. Ведь взрыв в метро вызвал всеобщее возмущение, и убедительное доказательство вины подсудимых, если только обвинение располагало такими доказательствами, содействовало бы всеобщему осуждению преступников»*.

Отсутствие гласности и вся обстановка секретности дают основание сомневаться в обоснованности обвинения... Является ли такой суд судом в общепризнанном значении этого слова?»

30 января в открытом письме к Л. Брежневу А. Сахаров написал: *«Есть веские основания опасаться, что в этом деле имеет место судебная ошибка или умышленная фальсификация. ... Суд без всякой к тому необходимости был полностью закрытым и секретным... Такой суд... не может установить истину»*. В связи с этим А. Сахаров просил приостановить исполнение приговора и назначить новое расследование.

Ни в Заявлении МГХ, ни в письме Сахарова не было ни тени оправдания или защиты преступников, заложивших бомбу в вагон метро. В них всего лишь выражены обоснованные сомнения в том, что найдены и казнены действительные убийцы. Но, ссылаясь на выступление Сахарова (в Советском Союзе, разумеется, не публиковавшееся), рептильная пресса в очередной раз начала травлю Андрея Дмитриевича под девизом «Позор защитникам убийц».

В 44, 51, 52 и 56-м выпусках были помещены все доступные «Хронике» материалы дела о взрыве, в том числе официальная версия и то, что после суда говорилось на лекциях, читавшихся в сети политпросвещения.

Вот краткая выборка из приведенных там сведений. Степан Затибян (1947 года рождения) учился на 3-м курсе Ереванского политехнического института, был арестован в 1968 году как участник группы, издававшей подпольную газету «Парос» («Маяк»). Участник подпольной «Национальной объединенной партии» (НОП), ставившей целью достижение независимости Армении путем референдума. Был осужден к 4 годам строгого лагеря. Вышел по концу срока в 1972 году, работал на Ереванском электромеханическом заводе. Хотел эмигрировать, в 1975 году отказался от советского гражданства. Женился, имеет двоих детей.

Летом 1976 года, согласно официальной версии, Затибян склонил рабочих А. Степаняна и З. Багдасаряна к совершению террористических актов в Москве *«с целью... создания видимости существования в СССР организованных сил, борющихся против Советской власти»*. Затибян, по данным следствия, разработал конструкцию и изготовил взрывное устройство; исполнителями же террористического акта 8 января 1977 года были Степанян и Багдасарян. В октябре 1977 года Степанян и Багдасарян еще раз выезжали в Москву с заданием Затибяна

взорвать бомбы в общественных местах, но на этот раз осуществить акцию им не удалось. Помимо признаний Степаняна и Багдасаряна на суде, вина подсудимых (согласно приведенной в «Хронике»-56 «Выписке из приговора») подтверждалась найденной у Затикяна при обыске 3 ноября 1977 года и исполненной его рукой схемой самодельного взрывного устройства, отпечатком его пальца на внутренней поверхности часов, входивших в конструкцию взрывного устройства, показаниями некоторых свидетелей и рядом других доказательств. Сам Затикян (согласно той же «Выписке») виновным себя на суде не признал, но во время следствия подтверждал свое участие в изготовлении бомб, которые должны были быть взорваны в Москве в октябре 1977 года. Ни о какой причастности к взрывам «диссидентских групп» в приговоре не говорилось.

...Ныне перед нами открываются многие тайны далекой и не очень далекой истории. Порой — в газетных и журнальных архивных публикациях, порой в популярных телепередачах вроде «Особой папки» или «Совершенно секретно». Этот процесс можно притормозить, но в конечном итоге он неостановим. И наши потомки смогут достоверней нас судить даже о тех событиях, которые происходили в наше время и почти что на наших глазах. В том числе — о взрыве в московском метро.

Разумеется, приговор — не истина в последней инстанции, но следует, по-моему, со вниманием рассмотреть официальную версию. Быть может, Затикян со своими сообщниками действительно совершил это ужасное преступление. Но к чему тогда такая секретность и полная закрытость «открытого» процесса? Почему осужденные были меньше чем через неделю расстреляны? — ведь это так похоже на желание поскорей «спрятать концы в воду». Почему первое газетное сообщение о состоявшемся суде появилось уже после того, как приговор был приведен в исполнение?

Но нельзя априорно отвергать и другие предположения. О своем ощущении, что к этому преступлению могут быть причастны репрессивные органы, сразу же сказал академик Сахаров. «Чудовищное кощунство! Да за подобную клевету адо сажать!» — дружно возмутятся апологеты славного

ведомства. «Было, уже было такое. И ссылали, и сажали», — напомню им я.

Вправе ли мы забыть? — во все советские годы ЧК—ГПУ—НКВД—КГБ, не гнушаясь провокаций, вели гражданскую войну против собственного народа. — Старая песня! Надоело! Опять про 37-й год, сколько можно! Да, были ошибки, они осуждены еще XX съездом, и довольно об этом. — Что ж, придется напомнить моим беспамятным оппонентам о том, что было после 37-го года и о чем не говорилось (или почти не говорилось) на XX съезде.

Весной 1940 года в Катыни под Смоленском органами НКВД были расстреляны тысячи пленных польских офицеров. После того, как во время войны это захоронение обнаружили немцы и оповестили о своей находке мир, мы попытались приписать это преступление им самим. И целых полвека «на голубом глазу» твердили заведомую ложь, которой никто в мире давно не верил. Лишь в начале 90-х в архиве Президента России «нашлись», наконец, документы по Катыни. Официальное подтверждение ответственности советской стороны за это сталинское злодеяние послужило началу примирения новой России и Польши. — Но расстрел польских военнопленных был письменно санкционирован Сталиным и Берией! Это совсем не то, что взрыв в метро или убийство на улице.

Перенесемся в послевоенные годы. В 1948 году в Минске погиб народный артист СССР С. Михозлс. По официальной версии — случайно сбитый грузовиком. Но сегодня мы хорошо знаем — это было очередное чекистское «мокрое» дело.

«Дело врачей», сфабрикованное ГБ, лишь благодаря смерти Сталина не закончилось средневековыми публичными казнями и высылкой всех евреев в гибельные северные края. Сегодня об этих и подобных историях нам часто рассказывают и на страницах газет, и в телепередачах.

— Но это же было при Сталине! А с тех пор на Лубянку пришли новые люди, и всё там переменялось и очистилось.

Что ж, припомним «мокрые дела» ГБ в не столь далекие брежневско-андроповские времена.

Летом 1974 года был вынужден уехать из Советского Союза поэт-диссидент Александр Галич. Он вызывал ненависть КГБ своими исполнявшимися под гитару песнями, сатирически

отображавшими советскую действительность. За это еще до отъезда он был исключен из Союза писателей. Но Галич не уныл и в эмиграции. Более 150 раз он выступал на радио «Свобода», встречался с Е. Боннэр, когда она выезжала в Европу для лечения. В декабре 1976 года мать А. Галича, оставшаяся в Москве, нашла в своем почтовом ящике страшную, отпечатанную на машинке записку: «принято решение убить вашего сына Александра». А еще через год, 15 декабря 1977 года А. Галич трагически погиб в Париже. Обстоятельства его смерти загадочны, многие считают, что и во Франции до него дотянулись длинные руки ГБ. И я вполне допускаю, что лет этак через тридцать отыщутся документы, подтверждающие, что да, действительно, это «мокрое дело» — еще одна операция наших доблестных чекистов.

В апреле 1976 года, вечером, неизвестные ударили в подъезде по голове чем-то тяжелым бывшего политзэка и переводчика-германиста Константина Богатырева. Да так крепко ударили, что через полтора месяца он умер в больнице. Многие знавшие Богатырева не сомневались, что его убийство — дело рук КГБ. Он вызывал недовольство этого ведомства своим независимым общением с немецкими корреспондентами и посещениями квартиры А. Сахарова. Прямых доказательств, разумеется, нет, но ведь КГБ не оставляет на месте преступления своих визитных карточек.

О трагической гибели в Вильнюсе священника Б. Лауринавичуса я уже рассказал выше. Может быть, открывшиеся архивы Литовского КГБ ответят на вопрос, кто толкнул священника под колеса грузовика?

...Надеюсь и верю, что спустя каких-нибудь полвека разыщутся документы, которые разрешат наши сомнения относительно того, кто устроил в 1977 году взрыв в вагоне московского метро. Любопытно было бы слетать на машине времени в это не столь отдаленное будущее и заглянуть в соответствующую «Особую папку». Еще интереснее было бы узнать правду о взрывах домов в Москве и в Волгодонске. И об «антитеррористических учениях» в Рязани. И о том, кто «заказал» убийство Сергея Юшенкова, депутата Думы, занимавшегося независимым расследованием этих преступлений. А пока стоит просто перестать верить на слово сообщениям и утверждениям право-

охранительных и иных органов. До тех, разумеется, пор, пока они не представят нам несомненных и убедительных доказательств своих «версий».

«Психи»

Известно, что душевнобольные иногда становятся опасны для себя или окружающих, и их приходится тогда насильно помещать в психиатрические больницы. Но что делать, когда буйные приступы безумия сотрясают сами органы власти, отделы КГБ или даже психиатров, согласившихся принять на себя роль подручных этих славных ведомств? Вот одна такая история, случившаяся неподалеку от Москвы, в городе Обнинске. Она выглядит выдуманной, неправдоподобной, взятой из социальных фантазмагорий Д. Оруэлла или Е. Замыatina. Но увы! Всё это произошло на самом деле.

29 мая 1970 года в квартиру известного ученого-биолога Жореса Медведева вломились трое милиционеров и еще двое, — заведующий обнинским психдиспансером Ю. В. Кирюшин и специально приехавший из Калуги главный врач областной психиатрической больницы А. Е. Лифшиц. Не предъявив никаких документов, они предложили ученому проехать с ними в калужскую ПБ для обследования. Ж. Медведев никогда не обращался к психиатру, на психиатрическом учете не состоял и ехать обследоваться отказался. Жена и пришедшие вскоре в квартиру коллеги ученого были возмущены вопиющим произволом. Медведев попытался напомнить милиционерам, что они призваны охранять законность и порядок. В ответ возглавивший наряд майор Н. Ф. Немов закричал: «Мы орган насилия!» После чего Медведева, заломив за спину руки, насильно втолкнули в стоящий у подъезда автобус и отвезли из Обнинска в Калугу, в областную психбольницу.

Как выяснилось в дальнейшем, «заказ» на психиатрическое обследование Ж. Медведева поступил из обнинского горкома партии. Его руководству пришлось не по душе самиздатские работы ученого, одна из которых (написанная 8 лет назад) была посвящена знаменитой сессии ВАСХНИЛ, объявившей генетику лженаукой и приведшей к возвышению Т. Лысенко. Акция была, вероятно, согласована с калужскими

(а может быть, и с московскими) властями и с соответствующими отделами КГБ. Благодаря усилиям жены Жореса и его брата-близнеца историка Роя Медведева о насильственной госпитализации Ж. Медведева тут же узнали видные ученые как в нашей стране, так и за рубежом. И началась трехнедельная борьба за его освобождение.

В защиту Жореса выступили академики Б. Астауров, В. Энгельгардт, А. Сахаров (давно знакомые с ним и с его работами); академики П. Капица и Н. Семенов; писатели А. Твардовский, В. Каверин, В. Тендряков, А. Солженицын, кинорежиссер М. Ромм. И многие другие люди – и у нас, и за границей, – возмущенные вопиющим произволом. Но, отстаивая «честь мундира», власти не спешили исправлять явное беззаконие. Состоявшаяся 31 мая комиссия с участием психиатра Б. Шостаковича из института им. Сербского не обнаружила у Ж. Медведева явных признаков психического заболевания, но отметила у него – только что с применением грубого насилия запертого в «психушку»! – *«повышенную нервозность»* и рекомендовала *«дополнительное наблюдение в условиях стационара»*.

Узнав в Министерстве здравоохранения, что в Калугу обследовать Жореса 5 июня поедет еще одна комиссия, его брат потребовал включения в ее состав психиатра, которому доверяет семья. В Министерстве не возражали. Но когда в назначенное время Р. Медведев пришел в Минздрав, ему сообщили, что приглашенный родственниками психиатр не сможет участвовать в работе комиссии, так как комиссию решили провести на день раньше, и что сегодня она уже выехала в Калугу в составе Г. Морозова, В. Морозова и Р. Наджарова. После завершения работы этой комиссии главврач калужской ПБ А. Лифшиц пообещал жене Жореса (а потом по телефону и Р. Медведеву) выписать ее мужа 5 июня. Но 5-го выписка не состоялась. И сражаться за нее пришлось еще почти две недели. На обращения жены и брата Жореса к генеральному прокурору СССР Р. Руденко, к председателю Совмина А. Косыгину, в КГБ, так же, как и на обращение А. Сахарова к Л. Брежневу, не последовало никакого ответа. Между тем повидать запертого в калужской ПБ подэкспертного приезжали многие его друзья. Навестившему Жореса А. Твардов-

скому Лифшиц пообещал (солгав в очередной раз!) выписать Ж. Медведева 12 июня. Твардовского поразил контраст между спокойным поведением «больного» и жалкими оправданиями главного врача Лифшица, который во все время беседы с ним ни разу не поднял глаза.

...Выписка состоялась только 17 июня. Ей предшествовало совещание в Минздраве, на котором министр Б. Петровский, А. Снежневский и Г. Морозов безрезультатно убеждали академиков А. Сахарова, Б. Астаурова и П. Капицу прекратить выступления в защиту Жореса. История насильственной госпитализации Ж. Медведева в калужскую ПБ рассказана в 14-м выпуске «Хроники»; желающих узнать обо всем этом подробней я отсылаю к книжке Ж. и Р. Медведевых «Кто сумасшедший?», вышедшей в 1971 году в издательстве «Macmillan».

Психиатрические расправы случались еще при Сталине, не вывелись и при Хрущеве. Никита Сергеевич однажды обронил, — мол, в наше время лишь безумцы могут быть противниками социализма и существующего в СССР порядка. Удобная мысль! Сталин недавно попросту уничтожил противников (а с каждым своим врагом — еще по сотне невиновных). Сейчас расстрелы не в моде. Но с враждебной идеологией все равно нужно беспощадно бороться. Спорить, отыскивать аргументы? Только этого не хватает! Может быть, идеологическим оппонентам и следует что-то доказывать, идеологических безумцев надо просто лечить. Хрущева «скинули» за волюнтаризм, но практика психиатрических расправ пришлось ко двору и новому руководству.

Напомню читателю историю П. Григоренко. Участник Отечественной войны, затем преподаватель и заведующий кафедрой кибернетики Военной Академии им. М. Фрунзе, генерал-майор. После критического выступления на партконференции в сентябре 1961 года был изгнан из Академии, переведен на Дальний Восток. В период после XX съезда в СССР началось брожение умов, и в разных городах возникали «марксистские» и «истинно-ленинские» кружки и союзы. Потребность бороться с бюрократическим перерождением партии ощутил и П. Григоренко. Он создал «Союз борьбы за возрождение ленинизма», в котором, кроме него самого и

сыновей, участвовало еще несколько человек. «Союз» распространял просветительские листовки – о кровавых событиях в Новочеркасске, в Темир-Тау и т. п. Многие участники «неомарксистских» кружков попали в лагеря, и Григоренко сознавал эту опасность. Но ему была уготована более страшная участь. Признав сумасшедшим (но не позабыв разжаловать «больного» в рядовые и лишить генеральской пенсии!), его поместили в Ленинградскую спецпсихбольницу, откуда он вышел только в апреле 1965 года, после свержения Хрущева.

Пребывание в психбольнице (где, по счастью, его никак не «лечили») не сломило Григоренко. Он сохранил критическое отношение к советской действительности. Вскоре разжалованный генерал становится одним из виднейших участников диссидентского движения. Но в одном отношении он решительно пересмотрел свои прежние взгляды. Теперь Григоренко признает только открытые действия и протесты и становится решительным противником всякой «подпольщины». Петр Григорьевич – активный участник подписной кампании в защиту Ю. Галанскова и А. Гинзбурга, он протестует против оккупации Чехословакии, выступает против осуждения демонстрантов на Красной площади, в защиту коммуниста-диссидента И. Яхимовича.

П. Григоренко был вновь арестован 7 мая 1969 года в Ташкенте, куда приехал в связи с предстоящим судом над десятью крымскими татарами, активистами движения за возвращение в Крым. Следствие решило пойти по проторенной психиатрической тропке, лишая обвиняемого возможности защищаться. Но вначале случилась осечка. Проведенная в августе видными ташкентскими психиатрами амбулаторная экспертиза признала Григоренко психически здоровым и вменяемым. Это не устраивало следствие. Поэтому Петра Григорьевича повезли в Москву, в институт имени Сербского. В институте у Григоренко диагностировали «паранойальное развитие личности с наличием идей реформаторства» и объявили невменяемым. Теперь можно было проводить суд, ведь Григоренко на нем уже не будет. Разумеется, ташкентский суд посчитался только с «подходящей» экспертизой института им. Сербского и в отсутствие обвиняемого своим оп-

ределением от 27 февраля 1970 года назначил П. Григоренко «лечение» в спецпсихбольнице.

Благодаря «Хронике», заявлениям Инициативной группы, протестам родных и друзей всё, что происходило с Григоренко, тут же становилось известно отечественной и мировой общественности. Выступления в его защиту не прекращались ни в Советском Союзе, ни за рубежом. Но несмотря на это Петр Григорьевич был выпущен на свободу лишь в конце июня 1974 года и вскоре снова включился в правозащитную работу. Он стал членом Московской группы «Хельсинки» с момента ее создания.

В конце 1977 года Григоренко с женой была разрешена поездка в США для хирургического лечения. Операция прошла успешно. Но вскоре Петр Григорьевич был лишен советского гражданства...

Остается добавить немного. По просьбе П. Григоренко в Америке ему была проведена независимая психиатрическая экспертиза. Причем он заранее дал согласие на публикацию результатов обследования, — независимо от того, к каким выводам придут врачи. Американские психиатры подошли к проведению экспертизы очень серьезно и обстоятельно. Беседы с обследуемым продолжались суммарно около 8 часов и сопровождались видеозаписью. Поскольку Петр Григорьевич не говорил по-английски, было обеспечено участие квалифицированных переводчиков. Участвовали в обследовании психиатры из Гарварда и Нью-Йорка.

В итоге никаких психических заболеваний у П. Григоренко найдено не было. Не было обнаружено также признаков каких-либо психических заболеваний в прошлом.

...Григоренко умер в Нью-Йорке 21 февраля 1987 года, так и не дождавшись реабилитации на своей родине. Но она состоялась — посмертно — в 1991 году. По поручению Главной военной прокуратуры авторитетная комиссия отечественных психиатров во главе с директором Санкт-Петербургского Психоневрологического института профессором М. Кабановым заново исследовала 29 томов «дела» Григоренко, книги генерала, видео и фонограммы, предоставленные американскими психиатрами. 18 октября 1991 года комиссия единогласно решила: ни в 1964, ни в 1969 году «П. Григоренко психическим заболеванием не стра-

дал и в принудительном лечении в психиатрической больнице не нуждался». («Известия», 22 октября 1991 г.)

Сообщения о психиатрических репрессиях в отношении инакомыслящих были постоянной темой «Хроники». Уже в ее первом выпуске помещено сообщение о принудительной госпитализации в психиатрические больницы двух активных диссидентов – поэта Н. Горбаневской и ученого-математика А. Вольпина. В. Файнберг, В. Гершуни, В. Новодворская, Л. Плющ, П. Старчик, И. Тереля, Н. Плахотнюк – вот лишь первые пришедшие на память имена идеологических узников специальных психиатрических больниц (СПБ) уже брежневско-андроповского периода. Разумеется, правозащитники стремились всемерно разоблачить и прекратить эту преступную и позорную практику. Одним из первых против нее выступил В. Буковский, поплатившийся за свои разоблачения многими годами неволи. Врач-психиатр С. Глузман составил «заочную психиатрическую экспертизу П. Григоренко» и получил за нее полновесный «гонорар» – 7 лет «строгача» и ссылку. Против кривых психиатрических расправ с диссидентами выступали ИГ, МГХ. В январе 1977 года при Московской группе «Хельсинки» была создана «Рабочая комиссия (РК) по расследованию использования психиатрии в политических целях». Первоначально в ее состав вошли В. Бахмин, И. Каплун, А. Подрабинек, Ф. Серебров и ленинградка Д. Бабич (позднее ее членами стали также Л. Терновский и И. Гривнина). РК ставила целью содействовать скорейшему освобождению неправоммерно заключенных в ПБ «идеологических» узников. С этой целью она выпускала Информационные бюллетени, в которых помещала сведения о ставших ей известных случаях психиатрических расправ, делая их достоянием гласности. Экземпляры бюллетеней (с указанием на титульном листе имен и адресов их составителей) обязательно посылались в Минздрав и в Прокуратуру СССР. Врачи-психиатры А. Волошанович, а позднее – А. Корягин, помогали РК, проводя независимое психиатрическое освидетельствование обратившихся в комиссию лиц. РК в необходимых случаях ссылалась в своих документах на заключения этих психиатров.

Выступления Буковского, ИГ, МГХ и РК были услышаны не только мировой общественностью, но также — что особенно важно! — и зарубежными психиатрами. Более того — эти психиатры смогли лично познакомиться с некоторыми бывшими пациентами советских СПБ (например, с выехавшим на Запад Л. Плющем). На конгрессе Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА) в Гонолулу в 1977 году (несмотря на протесты и возмущение советской делегации этой «провокацией») был поставлен вопрос о злоупотреблениях психиатрией в СССР. Не желая быть исключенными из ВПА, советская делегация заявила, что сама выходит из нее...

Власти и КГБ отыгрались на правозащитниках. Почти все члены ИГ, МГХ и РК были в разное время арестованы и отправлены в лагерь. А психиатрические репрессии — может быть с чуть большей осмотрительностью — продолжались до самого конца советской власти. Вот история, взятая из одного из последних, 63-го, выпуска «Хроники». В. Цурков, рабочий из Красноярска. Добивался выезда на Запад с 1973 года. 15 апреля 1980 года он был задержан возле дома, отвезен в КПЗ, а оттуда — в красноярскую ПБ. Психиатр В. Д. Смирнов сказал Цуркову: «У вас бред выезда за границу. Будем лечить». Матери было сказано: «Ваш сын политически опасен». От «брета выезда» Цуркову были назначены трифтазин и аминазин, позднее добавлен сульфазин. Только спустя три с лишним месяца Цурков был выписан из больницы...

Чего же добились правозащитники своей борьбой с психиатрическим террором, сопряженной со многими жертвами? Совсем немногого — и многого. Прежде всего — привлечения внимания к проблеме злоупотребления психиатрией общественности и Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА). Боязнь новых разоблачений и огласки несколько умеряла пыл любителей этой кривой и жульнической расправы. Кроме того, очень вероятно (хотя вряд ли возможно это доказать), что выступления правозащитников и зарубежные протесты все же в ряде случаев способствовали более быстрому освобождению узников советских «психарен». Что же касается отдаленных последствий...

Вскоре после вхождения в РК мною в июле 1978 года был написан короткий текст «Принципы работы РК», помещенный

в № 9 выпускавшегося Комиссией «Информационного бюллетеня». В числе целей, осуществлению которых хотела бы способствовать Рабочая комиссия, была указана «общая гуманизация условий содержания лиц, находящихся в ПБ». В частности, РК считала необходимым передачу специальных (тюремных) психиатрических больниц из ведения МВД в ведение Минздрава и запрещение болезненных методов лечения «в наказание». Нельзя сказать, чтобы власти никак не прореагировали на эти предложения. Они даже стали объектом внимания ... следствия и суда. «Принципы работы РК» были одним из пунктов моего обвинения, оцененного судом в 1980 году в три года лагерей.

Но прошло еще 10 лет. О злоупотреблениях психиатрией в политических целях, происходивших в 70–80-е годы, как о несомненных фактах пишут «Известия», «Комсомольская правда», «Медицинская газета», «Огонек». Более того, — эти злоупотребления официально признаны Минздравом СССР; признание этих злоупотреблений вернуло в октябре 1989 году советскую психиатрию во Всемирную психиатрическую ассоциацию. Спецпсихбольницы были переданы из ведения МВД — Минздраву, запрещены болезненные методы лечения. А ведь именно эти предложения содержались в «Принципах работы РК», документе, признанном судом в 1980 году преступным. Наконец, в июле 1992 года был принят закон Российской Федерации «О психиатрической помощи», который тоже был выдержан в духе давних требований правозащитников. Да, в России надо жить долго и уметь ждать.

Свобода совести

У меня сохранилась пожелтевшая вырезка из «Известий» от 12 мая 1979 года. В ней помещена большая статья В. Кассиса и М. Михайлова о суде, незадолго прошедшем в Ташкенте. В начале статьи говорится о повышенном интересе западной пропаганды к некоему В. Шелкову. И что «так называемую информацию» о нем радиоголоса получили от А. Сахарова, «который вертелся в Ташкенте (да, да, именно так!), когда там проходил суд». Далее Кассис и Михайлов пишут, что присутствовали на суде и что «процесс был открытым» (интересно, почему же тогда А. Д. Сахарову, специально приехавшему из Москвы, пришлось, как выразились эти авторы,

«вертеться» снаружи?). Шелкова и его поделщиков (А. Спаллина, И. Лепшина, С. Фурлет и С. Маслова) авторы называют *«полностью разоблаченными преступниками-уголовниками»*, лишь использовавшими религию для прикрытия своей враждебной деятельности. В статье красочно описывается *«бункер»* без окон, *«площадью не более полутора квадратных метров»*, в котором *«многие годы отсиживался Шелков»*. Этот тайник был оборудован в доме, принадлежавшем его дочери.

«За кого вы, господа, вступаетесь?! С каким отребьем вы якшаетесь?!» – с пафосом заканчивают авторы свою статью.

Что же за страшный преступник вынужден был годами прятаться в тесном подполе? Насильник? Убийца? Бандит?

Если бы 82-летнего Льва Толстого, ставшего в конце жизни религиозным диссидентом, посадили в тюрьму, а потом приговорили бы к 5 годам заключения, – бесчеловечной расправой над ним возмутился бы весь мир. Шелков, разумеется, не Лев Толстой. Он – проповедник, председатель церкви Адвентистов Седьмого Дня (АСД), того ее крыла, которое в 20-х годах не подчинилось требованию о регистрации.

Владимир Андреевич Шелков родился еще в XIX веке, в 1895 году. Ко времени ташкентского суда ему было 83 года. Об этом авторы постеснялись написать, зато не забыли сообщить что Шелков – *«сын кулака»*. В 30-е годы он провел три года в ссылке на Урале, а после войны отсидел двадцать лет (дважды по 10) в строгих лагерях. После того как в 1969 году его в очередной раз задержала милиция, Шелков скрылся и перешел на нелегальное положение. В марте 1978 года его все-таки выследили и снова арестовали. И вот после года следственной тюрьмы он предстал перед судом.

Шелков обвинялся в том, что он вместе со своими сподвижниками занимался изготовлением и распространением произведений, содержащих беспочвенные, заведомо ложные измышления *«об отсутствии в СССР свободы совести и вероисповедания»*, о преследовании и репрессиях *«за чисто религиозные убеждения»*. Под видом религиозной проповеди побуждал единоверцев не работать в субботу, призывал их служить только в строительных войсках, не принимать присягу и не брать в руки оружие. Вместе со своими сподвижниками *«систематически собирал факты привлечения граждан*

к ответственности якобы за религиозные убеждения». Возглавлявшиеся им адвентисты имели в Пятигорске подпольное издательство «Верный свидетель», печатавшее «антисоветские» произведения самого Шелкова и его помощников. В своей враждебной деятельности они сомкнулись «с так называемыми инакомыслящими» вроде Сахарова, Солженицына, Гинзбурга, Орлова, в клеветнических целях используя их произведения. Шелков даже обращался с письмами к президенту США Дж. Картеру, призывая его вступить за права верующих и за арестованных Гинзбурга, Орлова и других «борцов за права и свободы». Как о незначительном, известинская статья умалчивает о том, что виновным себя Шелков не признал. И даже не сообщает назначенный ему по приговору срок заключения.

(Суд приговорил Шелкова к 5 годам «строгача», и его отправили в лагерь в 40 км от Якутска. Сначала назначили диетическое питание, потом отменили. Затем лишили «ларька». Вегетарианец Шелков стал питаться хлебом и чаем.

Шелков умер в лагерьной больнице 27 января 1980 года на 85-м году жизни. Он завещал похоронить себя в Самарканде, но тело его родственникам не отдали...)

Если спросить современную молодежь про положении верующих в СССР, то скорей всего выяснится, что многие вообще ничего не знают о преследованиях за религию. Другие скажут, что, кажется, в первые годы после революции на православную церковь обрушились жестокие гонения, сопровождавшиеся расстрелами священнослужителей.

— Но это было давно, — добавляют они, — а потом все обстояло нормально. Или почти нормально.

О, наша короткая память! До последних советских лет, до конца 80-х, коммунисты вели с религией беспрестанную войну, менялась только степень ее свирепости. Оговорюсь заранее, что не собираюсь касаться всей ее истории. Моя тема — «Хроника». Но и из того, что об этом рассказано в бюллетене, я ограничусь лишь небольшой выборкой.

В Конституции СССР и 1936-го, и 1977 годов всем гражданам гарантировалась «свобода совести» и декларировалось «отделение Церкви от государства». Посмотрим теперь, как все это претворялось в действительности. Напомню лишь, что

рассказ «Хроники» касается всех религиозных конфессий и всех союзных республик.

Баптисты, адвентисты и пятидесятники известны в России с конца XIX — начала XX веков. Те их общины, которые в советское время не согласились пройти регистрацию, подвергались постоянным преследованиям. «Регистрация» же означала запрет на религиозное воспитание детей, а для юношей — призыв в армию и ношение оружия (что означало для исповедников этих конфессий измену заповедям Христа). Пытаясь уйти от гонений, религиозные диссиденты в течение десятилетий забирались в глушь, перебирались в Сибирь, в Среднюю Азию, в Приморье. Так, на берегу Тихого океана, в Находке, появилась община пятидесятников численностью до трехсот человек. Но им нигде не было спасения от репрессий. Иногда у «сектантов» отбирали детей, помещая их в интернат. За отказ от службы в армии молодых людей сажали в лагерь. Подвергали дискриминации на работе. Отчаявшись, проживавшие в Находке семьи пятидесятников стали требовать эмиграции в США. Эмиграции добивались и пятидесятники, проживавшие в других областях и республиках СССР, и представители других конфессий, — тысячи верующих. Вот только несколько взятых мной из «Хроники» примеров преследований за веру.

Кто мог бы сегодня рассказать историю А. Чертковой? Этой пятидесятнице из Алма-Аты сначала «за религиозность» не предоставляли жилплощадь, затем снесли бульдозером домик, который она сама пыталась построить на окраине, и наконец, упрятали ее в спецпсихбольницу. Кто слышал про баптистов А. Классена и Я. Вольфа, осужденных к лишению свободы на 2 с половиной и 2 года — за проведение религиозных занятий с детьми? Или про пятидесятника из Малоярославца В. Коренева? За отказ от службы в армии он отсидел три года в лагере. После освобождения он опять получил призывную повестку, снова отказался от армии. И был снова осужден, на этот раз на 5 лет строгих лагерей. Это лишь отдельные, взятые наугад примеры из одного, 48-го, выпуска «Хроники».

(Года 3-4 спустя, весной 1981-го, я недолго сидел в одной камере-«осужденке» с молодым адвентистом из подмосковного г. Жуковский Иваном Сергеевичем Фокановым, получившим, как

и я, 3 года лагеря общего режима по статье 190-1 УК. Он рассказывал, что на подоконнике раскрытого окна он ставил радиоприемник и включал его, когда по зарубежным «голосам» шли религиозные передачи. Кто-то про это «стукнул». Разумеется, советский суд расценил это как «клеветнические измышления, порочащие...» и т. д. Помню, Фоканов спрашивал меня, возможно ли договориться с администрацией лагеря работать в воскресенье вместо субботы, потому что согласно его вере работать в субботу никак нельзя. «Попросить об этом, конечно, можно, но вряд ли тамошнее начальство пойдет на это», — ответил я. И подумал: «Ох, насидишься ты в ШИЗО за эту самую свою субботу!» Мы расстались, и я не знаю дальнейшей судьбы Фоканова. Но лет через двадцать, листая 62-й выпуск «Хроники», я отыскал три строки о суде над ним.

Где Вы сегодня, Иван Сергеевич, мой мимолетный сокамерник? Дай Бог, чтобы мои тогдашние предчувствия предстоящих Вам суровых испытаний обманули меня. И искренне надеюсь, что ныне Вы можете беспрепятственно исповедовать все свои выстраданные убеждения.)

— Но это же всё «сектанты»! — воскликнут записные ревнители народности и державности. — Нельзя равнять каких-то раскольников с традиционным для русского народа православием.

— А «сектантов», выходит, преследовать можно? — спросил бы я.

Но, впрочем, вот примеры гонений и на «коренную» религию.

Католицизм — традиционная религия литовцев. Но в советской Литве католики также постоянно подвергались преследованиям со стороны властей. Уполномоченные по делам религии штрафовали священников за обучение детей катехизису и за их подготовку к первому причастию. Не разрешали открывать церкви. Преследовали верующих. Так, в 1975 году были уволены супруги-учителя Скипарис — за то, что их сын поступил в семинарию. В августе того же года учительница музыки Букаускайте венчалась в церкви — и была сразу уволена. В октябре 1976 года умер сын учительницы А. Микульской, ученик 5-го класса. Мать похоронила сына по религиозному обряду. Последовал грозный

приказ министра просвещения Литовской ССР А. Римкуса за № 239 о том, что А. Микульская «нарушила этику советского учителя». Директору школы был объявлен выговор, а всем школам приказано усилить атеистическое воспитание учеников...

Были преследования католиков за веру, но не прекращалось и сопротивление произволу. В течение ряда лет выпускалась «Хроника Литовской Католической Церкви», собиравшая и делавшая достоянием гласности информацию о репрессиях по религиозным мотивам. «Хроника ЛКЦ» стала постоянным корпоративным корреспондентом московской «Хроники». В ноябре 1978 года в Литве был создан «Католический комитет защиты прав верующих». Его членами стали священники Й. Кауняцкас, А. Сваринкас, С. Тамкявичус, В. Велавичус и Ю. Здебскис. Свои документы в защиту верующих Комитет адресовал частью в советские органы власти, частью за рубеж, в том числе Римскому Папе. Литовские чекисты не обошли его членов своей зловещей заботой. «Хроника ЛКЦ» постоянно изымалась на обысках и расценивалась как подпольное антисоветское издание. Власть всячески преследовала и членов Комитета. Священники А. Сваринкас и С. Тамкявичюс были приговорены к заключению в лагерь. О трагической гибели священника Б. Лауринавичюса я уже рассказывал в главке о национальных движениях.

— А православных-то, что — не преследовали!? — слышу я снова тот же возмущенный голос. — Почему речь все время идет только о чуждых, несвойственных России конфессиях?

Разумеется, коммунистическая власть числила своим врагом любую религию, не делая никакого исключения для православия. Так же закрывались и разрушались православные храмы, так же для поставления священников и епископов требовалось соизволение «Совета по делам религии». У родителей, принесших крестить детей, требовали предъявить паспорта и доносительно записывали паспортные данные, — чтобы потом «активисты» на собраниях шельмовали и высмеивали этих «нарушителей советской этики». Милиция и дружинники порой задерживали и не пускали на пасхальную службу пришедшую молодежь.

И было сопротивление творимому произволу. О нем тоже сообщала «Хроника». Еще в 1965 году священники Глеб Якунин и Николай Эшлиман написали открытое письмо Патриарху Алексию I о поработанном положении Православной Церкви. И что же? Тут же (по указанию КГБ) они были церковными властями отстранены от служения. «Хроника» постоянно писала о подобных преследованиях. Например, о Б. В. Талантове, 68-летнем учителе математики из г. Киров. Он был в сентябре 1969 года осужден к трем годам лагерей за то, что протестовал против вмешательства советских органов в жизнь православной церкви и потворства этим вмешательствам со стороны церковных иерархов. Талантов умер в тюремной больнице, не дожив до конца срока.

В марте 1972 года А. И. Солженицын написал письмо Патриарху Пимену, призывая его отказаться от коллаборационистского подчинения земной власти. «Хроника» рассказала не только об этом письме писателя, но и об ответе ему священника-правозащитника Сергея Желудкова. Отец Сергей, соглашаясь с рядом положений солженицынского письма, возражал, что нельзя никого призывать и приневоливать к жертве и мученичеству.

В июне 1978 года была арестована монахиня В. Макеева. После закрытия монастыря она жила в Подмоскowie, занимаясь изготовлением церковной утвари. Ее обвинили в «занятии запрещенным промыслом», признали невменяемой и направили в спецпсихбольницу.

В середине 70-х православный священник (и бывший узник сталинских лагерей) Дмитрий Дудко стал проводить в Никольском храме в Москве беседы с верующими. Вскоре, несмотря на протесты прихожан, он был за это отрешен от служения митрополитом Крутицким и Коломенским Серафимом. В январе 1980 года Д. Дудко был арестован и помещен в Лефортово. 20 июня по московскому телевидению было показано его выступление, в котором он признал «антисоветский» характер своей деятельности, раскаялся и отрекся от нее. На следующий день он был освобожден. Впоследствии Д. Дудко стал духовником «патриотической» газеты «Завтра».

С 1974 года в Москве собирался православный религиозный семинар А. Огородникова. В ноябре 1978 года Огород-

никова арестовали и приговорили к году лагерей за «тунеядство». По истечении этого срока его не освободили, а возбудили новое дело и — теперь по 70-й ст. УК — дали новый срок — 6 лет лагерей и 5 ссылки. Под разными предложениями были репрессированы и некоторые другие участники семинара — В. Пореш, С. Ермолаев и преподавательница из Смоленска Т. Щипкова.

А протесты? Да, были и протесты, — со стороны верующих мирян и рядовых священников. В декабре 1976 года был образован «Христианский комитет защиты прав верующих». В него вместе со священником Глебом Якуниным и иеродиаконом Варсонофием Хайбулиным вошли и миряне В. Капитанчук и В. Щеглов. Комитет публиковал документы и материалы о преследованиях верующих и о подавлении религиозной свободы в СССР и, разумеется, сам подвергся репрессиям. О. Глеб был арестован 1 ноября 1979 года. Священник Н. Гайнов, вступивший в Комитет сразу после ареста Якунина, обратился к тогдашнему Патриарху Пимену с призывом выступить в защиту священника о. Глеба, защищавшего верующих и Православную Церковь от преследований властей...

Увы, никто из церковных иерархов не выступил в защиту о. Глеба даже «келейно». Они молчали и когда власти расправлялись с выступавшим в защиту Православной Церкви Б. Талантовым. Не ответили на письмо А. Солженицына. Собственными распоряжениями отстраняли от служения тех священников, которые пытались оградить от гонений Православную Церковь. И покидали их в беде, когда заступников православной веры арестовывали и сажали в тюрьмы и лагерь. Более того. Выступая за рубежом на заседаниях Христианской Мирной Конференции и Всемирного Совета Церквей, делегации Московской Патриархии неизменно заявляли об отсутствии в Советском Союзе религиозных гонений.

Даже сегодня, в условиях свободы, эти иерархи озабочены не столько тем, чтобы духовно окормить свою паству. А более всего — как запретами оградить Россию от распространения других христианских конфессий. Они ведут непрестанную войну за влияние с католиками, униатами, против перехода Эстонской Православной Церкви под эгиду другого (тоже православного!) Константинопольского патриарха...

— Откуда такая предвзятость и недоброжелательство к православию? А может быть — и к России? — слышу я опять голос все того же оппонента. — Нет, подобного никогда не напишет коренной русак.

Своему оппоненту-державнику я ничего возразить не стану. Но объяснить с читателем я считаю должным. Быть может, он поймет, что я вовсе не враг православию, а напротив, озабочен его положением и судьбой и хотел бы ему помочь.

Ибо Православная Церковь в России сегодня по-прежнему в беде. Только сейчас эта беда иная, чем была полтора-два десятилетия назад. Остались позади варварские гонения за веру. Более того, власть всячески покровительствует православию и даже ищет его поддержки. Но в этом, увы, я вижу для него новый соблазн и новую опасность. И поэтому считаю своим долгом открыто говорить об этом.

Привилегированное положение православия (согласно новому «закону о свободе совести») явно нравится представителям его высшей иерархии. Но такое покровительство властей требует отдачи и лишает Церковь подлинной независимости. Радея постоянно о *кесаревом*, легко позабыть о *Божьем*. Ибо «никто не может служить двум господам» (Матф. 6, 24). И упаси Бог православное священство от того, чтобы стать гонителями! Даже тех, кого они именуют «сектантами». Ибо только милосердие и любовь пристали пастырям, а гонения — совсем не христианское дело. Пусть же, оставив вражду, они займутся прежде всего проповедью православия и христианства, как это делал убитый в сентябре 1990 года православный исповедник о. Александр Мень.

Интермедия. Судьба вечного отщепенца

*«Горю, горю в чуждом огне —
И он моим огнем становится».*

Ю. Даниэль

И имелась еще одна категория диссидентов — вне всяких категорий. Так сказать — всеобщее-универсальная. Самая непонятная и странная. И потому, пожалуй, самая опасная.

В самом деле. Не удивительно, когда люди бьются за собственные интересы и защищают «своих». В конце концов

можно отчасти понять крымских татар, стремящихся вернуться на свою родину. Или прибалтов, никак не желающих забыть 20 лет своей государственной независимости. Или хохлов, упрямо желающих говорить и писать на своей «мове». И даже евреев, стремящихся то ли уехать на эту самую «историческую родину», то ли просто вырваться отсюда. А уж верующие — какой спрос может быть с темных, отравленных религиозным дурманом людей? А эти...

Ну, чего им надо? Взять к примеру А. Лавута. Ведь не татарин, — отчего он так озабочен тем, что крымских татар не пускают вернуться в Крым? Зачем С. Ковалеву принимать к сердцу преследования Литовской Католической Церкви? Зачем русскому адвокату С. Каллистратовой защищать евреев-отказников (причем не только профессионально, в суде, но и в документах какой-то самозванной «хельсинкской группы»)? А уж академик А. Сахаров — он и за «политических», и за религиозников, и за крымских татар, и за отказников, он защищает и диссидента В. Буковского, и поэта-коммуниста П. Неруду, и даже преследуемых индонезийских коммунистов... а впрочем, в чью защиту он не выступал? И ведь он не один такой. Взять ту же «Хронику». Этот настырный бюллетень лезет буквально во все дырки: тут и информация о крымских татарах, и о прибалтах, и об украинцах, и об отказниках, и о всяческих сектантах, и, разумеется, о так называемых «политических», и даже о «психах». Какое может быть до всех них дело подпольной московской редакции?! Или еще: в 1975 году на пресс-конференции, посвященной Дню политзаключенного, Т. Великанова, Т. Ходорович, Ю. Орлов, Л. Алексеева и ряд других диссидентов выступили с заявлением. Поддержав выработанный в лагерях «Проект статута политзаключенного», они подчеркнули, что его основные положения (право на полноценное медицинское обслуживание, право на исполнение религиозных обрядов, запрет на наказания холодом и голодом и др.) применимы к любым заключенным. Выходит, — и к уголовникам? Непонятные люди. Одно слово — правозащитники.

И кабы подобное заступничество сходило этим блаженным с рук! Но кроме тех немногих, кто эмигрировал, почти все они и сами — будущие лагерники или ссыльные. И сознавали ведь

прекрасно, куда приведут их эти «художества». Что ж, как говорится, поделом вору мука.

Да уж не рассчитывали ли они на благодарность потомков? Если так, то жизнь жестоко посмеялась над их надеждами. Кто в современной России не проклинает «дерьмократов»-реформаторов, разваливших Союз и разоривших великую страну?!

Ну, да что гадать понапрасну о мотивах выступлений этих горе-политиков, испортивших жизнь и самим себе, а в итоге — и всей стране? Перестрелять таких мало! Вывернутый, непонятный народ! И что уж совсем поразительно, — не все правозащитники — евреи.

Что можно ответить на эти обвинения? Прежде всего, как бы внутренне ни относились правозащитники к советской империи, за распад СССР они не выступали. Да, они возражали против гонений на «националов» и сепаратистов, — но ведь в Конституции и 1936-го, и 1977 годов за каждой союзной республикой признавалось «право свободного выхода из СССР». Следовательно, мирные выступления за независимость (тем более — за культурную автономию) нельзя было считать преступлением и карать уголовно. Кстати, защита диссидентами законных прав мирных «националов» объективно могла бы смягчить центробежные тенденции в республиках. И напротив, жестокие и многолетние преследования сторонников культурной автономии (например, на Украине) реально усиливали сепаратистские настроения. Но почему-то никто не догадался обвинить КГБ (или Андропова) в том, что своими акциями они способствовали развалу Советского Союза.

Совершенно нелепы расхожие обвинения правозащитников, что согласно их рецептам и рекомендациям в нашей стране загублен достраивавшийся, вот-вот осчастлививший бы всех нас социалистический рай, подмененный вмиг безжалостным волчьим капитализмом. Прежде всего, — таких рецептов вообще не существовало. Планов экономического переустройства страны правозащитники по существу и не предлагали. Советская экономика рухнула сама, прежде всего под непосильной тяжестью расходов на «оборонку». А также из-за маниакального стремления КПСС к внешней экспансии, распространению на все новые страны и континенты своей власти и влияния (а ведь

за это тоже приходилось платить и платить!). Не надо забывать и о том, что не только в новейшие, но еще в брежневские времена экономика СССР держалась главным образом на нефтяной трубе, на экспорте наших природных богатств. В крахе советской экономики присутствовал, разумеется, и «человеческий фактор», но в основе его были не чьи-то ошибки и просчеты, а объективные закономерности. При этом никто из возникших словно из небытия и вставших у руля отечественных нуворишей (Чубайс, Березовский, Гусинский и др.) никогда не принадлежал к кругу диссидентов.

Что же касается того немногочисленного, к чему и вправду стремились правозащитники и что действительно осуществилось в годы «перестройки» и реформ... я хочу сейчас предложить читателю тест и спросить его, — какие из новаций, отвечавших требованиям диссидентов, были ненужными или вредными и их поэтому следует поскорее отменить?

Итак, хотели бы вы, читатель, восстановить 6-ю статью «брежневской» Конституции, отдав опять коммунистам абсолютную и бесконтрольную власть и запретив все прочие партии? Хотели бы вы вернуть «выборы без выборов» с единственным именем в избирательном бюллетене, заранее подобранном и утвержденном все теми же коммунистами? Хотели бы вы восстановить жесткую идеологическую цензуру всех газет, журналов и книг, радио и телевидение? Снова начать преследования за инакомыслие, за слово и даже за анекдоты? Возродить гонения «за веру»? Следует ли загнать обратно в резервации крымских татар и прочих «чурок»? Или, может быть, вы бы хотели, чтобы возможность поехать за границу зависела от благоволения КГБ и соизволения «треугольника» (т.е. опять в первую очередь — парткома)? И выслушивать перед поездкой инструктаж о политической бдительности и о всяческих провокациях, на которые горазды все эти «империалисты»? И ехать не как частное лицо, ни-ни, а в составе группы, и кто-то из этих одноклассников будет следить за каждым вашим шагом и докладывать потом «куда надо»? Согласны ли вы опять запереть в «психушки» слишком упрямых инакомыслящих? Хотите ли вы опять всего этого?!

...Мне казались очевидными ответы на эти вопросы. Боже, до чего же в очередной раз я оказался наивным! 8 апреля

2003 года во время телепередачи, посвященной годовщине избрания Л. Брежнева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, был проведен телефонный опрос зрителей. И что же? 86 процентов из нескольких тысяч принявших участие в опросе наших сограждан желали бы возврата в брежневские времена! Я понимаю, что большинство совсем не обязательно оказывается правым. Что результат опроса выражает прежде всего протест против горьких реалий сегодняшнего дня. Что многие из чающих возврата в советские времена скоро горько бы пожалели, осуществись в самом деле это их желание. По счастью, история, даже поворачивая вспять, не повторяется полностью. Но ясно мне и другое: в России правозащитнику, откликающемуся на чужую боль и готовому плыть на зов не только «своих», но и чужих огней, на выручку попавших в беду наших соотечественников, еще долго будет уготована судьба вечного отщепенца.

День политзаключенного

Крымские татары. Националы. Отказники. «Психи». Религиозники. Правозащитники. Всех этих оппозиционеров разных взглядов и устремлений советская фемида интегрировала как «антисоветчиков» и щедро переселяла на разбросанные повсюду острова «архипелага ГУЛАГ». Пересекаясь и встречаясь друг с другом в тюрьмах и лагерях, повязанные общей судьбой узники стали осознавать себя как некую общность. Раз никто из них не прибегал к насилию, не совершал никаких уголовных преступлений, раз власти преследуют их всех исключительно по идеологическим, политическим мотивам, значит, они политзаключенные. И то, что происходило с ними в тюрьмах и лагерях, стало по справедливости стержневой темой «Хроники».

Советская пропаганда не признавала существования в СССР «политических» заключенных. Поэтому их содержали вместе с уголовниками, — тех, кого признавали особо опасными, — в тюрьмах, строгих и особых лагерях, остальных — в общих и усиленных. Стоит только отметить, что политзаключенные более легкой категории, отбывая намного меньшие срока и находясь в менее суровых режимных и бытовых условиях, пребывали все время в окружении уголовников

(не в каждом из лагерей общего режима содержался хотя бы один политзаключенный). А в строгих лагерях и тюрьмах политзаключенные составляли значительный процент, и поэтому рядом с политузником постоянно было немало людей, близких ему по духу. Вероятно, поэтому движение за статус политзаключенного зародилось именно среди политузников строгого режима.

Все началось в Мордовии в 1974 году. Встретившись «на больничке», правозащитник Кронид Любарский и «самолетчик» Алексей Мурженко, переговорив друг с другом, условились: проводить ежегодно 30 октября День политзаключенного в СССР. Идея была подхвачена в лагерях, сообщена на волю. 30 октября 1974 года на пресс-конференции на квартире А. Д. Сахарова западным корреспондентам было рассказано об этой инициативе узников Мордовских и Пермских лагерей, которые в этот день проводили голодовку. Среди их требований: признать статус политзаключенного; отделить их от военных преступников и уголовников; отменить принудительный труд и наказания за невыполнение нормы; отменить ограничения в переписке, посылках и передачах; и ряд других. Корреспондентам были переданы письма и заявления политзаключенных, тайно пересланные из лагерей.

Власти были взбешены такой инициативой «политических». К. Любарский был до конца срока переведен во Владимирскую тюрьму. С. Ковалев, один из организаторов пресс-конференции 30 октября, был вскоре арестован и осужден. Были наказаны и многие другие участники акции. Но День политзаключенного с тех пор ежегодно отмечался голодовками и протестами в лагерях, а на воле пресс-конференция 30 октября стала традиционной.

...Листаю страницы «Хроники». Не стоит снова перечислять бесчисленные свидетельства о голоде и холоде, царивших в советских тюрьмах и лагерях, — сегодня это общеизвестно. Приведу лучше несколько «мелких», частных примеров из разных выпусков бюллетеня. Быть может, они помогут читателю почувствовать атмосферу постоянных придирок и притеснений «политических» администрацией ИТУ и борьбу политзаключенных за свои права и человеческое достоинство.

...В Мордовском лагере у художницы Стефании Шабатура отобрали и сожгли 150 ее рисунков. В знак протеста она отказалась от работы. Тогда ее на полгода поместили в ПКТ. С. Шабатура объявила голодовку и держала ее 12 дней.

...У Г. Суперфина во Владимирской тюрьме отобрали Библию. Он объявил голодовку и держал ее 33 дня. Прокурор Владимирской области действия администрации признал правомерными. ...С мая 1976 года заключенным во Владимире разрешили носить кресты, а до этого у многих нательные кресты отбирались... У Ю. Вудки изъяли еврейский религиозный календарь.

...Украинцу В. Федоренко во Владимирской тюрьме, надев наручники, сбрили усы. ...Валентину Морозу на свидании с сыном запретили говорить по-украински. ...Письма родным, написанные по-украински, задерживаются в цензуре до месяца «из-за необходимости их перевода» («Пишите на русском, как все нормальные люди», – отвечает на жалобы администрация). А 25-летник П. Паулайтис, которому 73 года, в Мордовских лагерях фактически лишен переписки, т. к. среди лагерных цензоров нет переводчика с литовского. *(Быть может, эти примеры сделают понятней читателю одно из требований политзаключенных: отбывать наказание в пределах «своей» республики).*

...Когда советские суды выносят «политическим» суровые приговоры, когда в тюрьмах и лагерях администрация создает для них невыносимые условия, это можно хотя бы объяснить тем, что такова функция этих заведений. Но когда к этим гонениям послушно присоединяются сотрудники научных учреждений... Высшая аттестационная комиссия (ВАК) лишает степени кандидата физико-математических наук К. Любарского «из-за его антипатриотической деятельности». И такое решение не было исключением. В разное время эта почтенная комиссия лишила научных степеней А. Болонкина, В. Лисового, Г. Дубова, Л. Богораз. Впрочем, все равно бывшие политзаключенные – и лишенные, и не лишенные степеней и званий – почти не допускались к квалифицированной работе по специальности. *(Словом, это замечательное начинание пропало почти что втуне. А ведь стоило совсем чуть-чуть его доработать, и тогда... представим: государ-*

ственного преступника лишают не только ученой степени, но и высшего, и среднего, и начального образования. Кто он тогда такой? — неграмотный! И если за границей вдруг начнется шум, например, по поводу какого-нибудь выступления академика А. Сахарова, компетентные органы с полным правом могли бы заявить: «Кого вы, господа, слушаете? С кем якшаетесь? Он ведь неграмотный!» А уж в лагерях можно было бы отбирать у «политических» бумагу и письменные принадлежности, — зачем они им, если они сплошь неграмотные?!)

Взыскания, «постановления», придирки... за действительные и за мнимые прегрешения, а то и за совершеннейшие мелочи: за нарушение формы одежды (незастегнутая пуговица), за опоздание на развод или за невыполнение нормы. Они сыплются на политзаключенных постоянно, но особенно густо — перед концом срока. И встречные действия: заявления и жалобы прокурору и во все мыслимые инстанции, откуда почти всегда отвечают, что действия администрации были правильными и обоснованными. «Левая» пересылка тех же заявлений на волю, постоянно чреватая провалом. А тогда — ШИЗО, ПКТ, перевод в «крытку» (тюрьму). Такова лагерная жизнь.

Но в конце 70-х узники совести знали, что они не одиноки. Что их поддерживают, за них борются друзья и единомышленники на воле. Что о том, что происходит с ними, постоянно пишет «Хроника». Что в их защиту открыто выступают не только многие соотечественники, но и зарубежные правозащитные организации. Что даже президенты и члены парламентов ряда стран порой выражают обеспокоенность их судьбой.

...Осенью 1982 года в омском лагере УХ-16\8 я получил короткую телеграмму из Куйбышева: «Тридцатым октября. — Люба». И хотя никого в этом городе я не знал, смысл приветствия мне, политзаключенному, был совершенно ясен. Три слова той депеши стали для меня дорогой наградой. Как здорово, что Люба из Куйбышева знает и помнит обо мне, что она хочет меня поддержать!

Наверно, я никогда не узнаю и не увижу женщины, приславшей мне ту телеграмму. Но и сегодня, спустя двадцать лет, я с признательностью вспоминаю ее трогательное поздравление.

Спасибо от всего сердца, неизвестная мне Люба! Надеюсь, что Ваша жизнь сложилась счастливо, что Вы и сейчас такая же отзывчивая и добрая!

...В конце 70-х мне не раз случалось бывать на разных правозащитных пресс-конференциях, а порой и самому принимать в них некоторое участие. Они слились между собой в моей памяти, и я не могу припомнить подробности той проходившей на квартире А. Сахарова 30 октября 1979 года пресс-конференции. Она была посвящена дню политзаключенного, и проводила ее Таня Великанова. Мог ли я в тот момент представить, что мы увидимся снова только через семь с лишним лет?!

Хорошо помню другое. Два дня спустя морозным вечером я вышел из своего дома, чтобы позвонить Тане по уличному автомату (квартирный телефон у нас был отключен). Трубку «на Красикова» сняла Юля, Танина дочка. Она сказала несколько слов – и вдруг я боднул головой стекло телефонной будки, словно кто-то ударил меня под ложечку; стекло выскочило из стенки и со звоном разлетелось на части.

– Мерзавцы! Как они посмели!– закричал я в трубку. – Когда, как это случилось?

Что теперь делать? Бессильная ярость душила меня. Я услышал ужасную новость: Таню, нашу Таню арестовали сегодняшним утром.

Арестована Татьяна Великанова!

Из «Хроники № 54: 1 ноября [1979 г.] ...явившись с группой из четырех человек на квартиру Великановой в восьмом часу утра... Капаев [следователь УКГБ] объявил Великановой, что она должна поехать «на беседу» и предложил ей «одеться потеплее»... На требование предъявить соответствующее постановление Капаев ответил: «Можете считать это нашим произволом».

[Когда Великанову увели]... Капаев предъявил Владимиру и Юлии Кейдан [зятю и дочери Татьяны Михайловны] постановление об обыске... Среди изъятого:

– документы Московской группы «Хельсинки», «Информационный бюллетень» Рабочей комиссии по психиатрии, издания адвентистов, брошюры на литовском языке...

— документы и информационные тексты о судебных процессах и положении заключенных...

— зарубежные русские газеты и журналы...

— сборник повестей М. Булгакова («Дьяволиада» и др.).

Владимир и Юлия Кейдан... подписать протокол отказались... позвонив [после окончания обыска по оставленному Капаевым телефону], они добились только подтверждения факта ареста [Т. Великановой].

Не один я был потрясен Таниным арестом. В ее защиту (а также в защиту арестованных почти одновременно А. Терляцкаса из Вильнюса и священника Г. Якунина) сразу же выступила Московская группа «Хельсинки», спустя неделю — Литовская Хельсинская группа. Следом — Католический комитет защиты прав верующих, затем — 35 священников Литвы, 8 граждан Эстонии. С обращением к международным женским организациям выступили десять московских правозащитниц. В декабре в Москве был образован **Комитет защиты Татьяны Великановой**; в него вошли Л. Богораз, Е. Боннэр, С. Каллистратова, Л. Копелев, А. Лавут и Л. Терновский. **Комитет** собирал и распространял всю доступную информацию о деле Т. Великановой, публикуя ее в специальных бюллетенях. В двух его номерах помещено 27 писем в защиту Великановой, которые подписало почти 500 человек. Почему же арест Тани, математика-программиста по профессии и подвижницы по сути и по призванию, так взволновал столь многих? Вот отрывки из одного из писем в ее защиту:

«Мы потрясены арестом Татьяны Михайловны Великановой. Все десять с лишним лет ее участия в борьбе за права человека этого можно было ждать в любую минуту... но к такому нельзя привыкнуть... То, чем жила Татьяна Великанова эти десять лет... это — работа, тяжкий труд, с ежедневным, ежечасным «надо», приказанным совестью.

Надо принять и выслушать десятки людей, прочитать письма и записки... собрать, сохранить эти сообщения... надо встретиться или списаться с теми, кто поможет эту гору фактов проверить, сопоставить, уточнить, чтобы не было и слова неправды, кто напишет, перепечатает, и надо уйти от слежки... чтобы уберечь друзей и их семьи. И тогда совершившееся станет достоянием гласности, получат помощь «хельсинкцы»

или комиссия по борьбе с злоупотреблениями психиатрией... и кому-то легче станет от того уже, что его боль или его борьба известны людям...

...в кабинетах Лубянки сыщики и эксперты... не смогут отыскать ни слова клеветы... и все равно запишут ее в приговор... и добавляют — «с целью подрыва и ослабления».

...Свидетельствуем... «подрыв власти» — вне круга понятий, близких Т. Великановой, а если власть ослабляется от того, что о ней узнают неприглядную правду, то кого в этом винить?

Корысть? — собирая утром 1 ноября мать в долгий арестантский путь, Юлия Кейдан с трудом наскребла в доме, во что ей одеться; годами видели мы ее в одном и том же поношенном, холодном пальто.

Слава? — Татьяна Михайловна — человек, исполненный простоты, сочетающийся с глубоким внутренним достоинством, не нуждающимся в атрибутах признания.

...ни Великанова, ни движение за права человека в целом не знают никаких «заданий», никаких «зарубежных центров». Есть друзья и единомышленники, — среди них П. Григоренко, Л. Алексеева, А. Гинзбург, В. Чалидзе, К. Любарский, Е. Янкелевич, — эффективно помогающие [из-за рубежа] тем, кто здесь, всё тем же оружием — гласностью...

[Татьяна Великанова]... из тех, кто умеет услышать чужую боль и унижение... у кого циничное беззаконие вызывает не паралич страха, а волю к противодействию. ...В этот труд она внесла и свой талант исследователя («математикой займусь в камере», — не раз шутила она), и житейскую мудрость, и безукоризненную честность.

...Она в полной мере заслужила, чтобы тысячи людей в этой стране и за ее пределами потребовали:

Свободу Татьяне Великановой!

Только под одним этим письмом подписалось 392, то есть почти четыреста человек. Авторы некоторых писем напомнили о том, что Т. Великанова стояла у самых истоков правозащитного движения, была одним из основателей **Инициативной группы**, что в 1974 году она (вместе с С. Ковалевым и Т. Ходорович) открыто взяла на себя ответственность за распространение возобновленной «Хроники». Многие подчеркивали Танину естественность и нравственную высоту, ее

отвращение ко всяческой «политике», этическую мотивацию всех ее поступков. Отдельно в ее защиту выступили А. Сахаров и Е. Боннэр, философ Г. Померанц, писатели Г. Владимов и В. Войнович. Конечно, и я не мог промолчать, когда Таню, моего друга, бросают в Лефортово. Для меня было несомненно, что *ее схватили потому, что власти, держащейся на повальном страхе и оголтелой лжи, нестерпим человек, не дающий себя запугать и говорящий правду*. Ее арест, совершенно закономерный и неизбежный при царившем в СССР беззаконии, был от того не менее несправедливым и ранящим. Узнав, что образуется Комитет для ее защиты, я тотчас вошел в его состав. Да, думалось мне, — *есть времена и обстоятельства, переворачивающие привычные понятия и оценки. Когда позорно сидеть в судейских креслах и почетно — на скамье подсудимых*. Все это я попытался выразить в собственном письме в ее защиту. Оно было включено в бюллетень Комитета защиты и вскоре опубликовано в парижской газете «Русская мысль». Оно еще раз напечатано в моей книжке «Отпущенное слово», вышедшей в 2002 году. Поэтому я не стану подробно пересказывать свое письмо.

Стихи — нечастый гость в правозащитных документах. Но второй выпуск бюллетеня нашего Комитета украсили стихи Владимира Корнилова «Арестовали Великанову...»:

.....
...Она была такую женственной,
Такой красивой и седой,
Так не по-здешнему естественной,
Как будто заживо — святой!

.....
Не ретроградная, не левая,
Ничей не осуждая грех,
Свое простое дело делая,
Ни за кого была — за всех!

.....
России славу — Великанову! —
Поведавшую вновь, что есть,
Помимо страха окаянного,
Самоотверженность и честь.

Бесстрашный вызов творящим беззакония властям бросила С. Каллистратова, адвокат-правозащитница. В своем «Заявлении для печати» от 5 ноября 1979 года она написала:

...Мне хорошо известна правозащитная деятельность Татьяны Великановой, заключающаяся в сборе и распространении информации о нарушении прав человека в нашей стране, в подписание протестов против несправедливых репрессий и осуждений за мысль, за слово, против произвола и насилия во всех формах, а также в оказании помощи узникам совести и их семьям. Я не только знаю об этой деятельности, но в меру своих сил и способностей делаю то же самое. Убеждена, что вся правозащитная деятельность Великановой, как и моя, является легальной, открытой, не содержит в себе никакого криминала и целиком укладывается в рамки норм, установленных советской Конституцией, международным пактом о политических и гражданских правах и заключительным Актом Хельсинкского совещания.

Я заявляю, что готова вместе с Татьяной Великановой и наряду с ней отвечать перед любым гласным открытым судом.

Подобное же письмо с заявлением о своей причастности и полном одобрении деятельности Великановой, о солидарности и готовности разделить с ней ответственность направили в Президиум Верховного совета СССР еще девять правозащитников.

Приведу отрывки еще только из одного письма — из письма детей Великановой:

Нашу семью постигло большое горе. Арестована наша мать, бабушка наших детей... Утром 1 ноября 1979 года, когда мы все еще спали, раздался звонок в дверь. Сотрудники КГБ ...подняли нас с постелей, велели немедленно одеться. «Вы пойдете с нами!» — сказал главный из них нашей матери... Мы собрали ей смену белья и теплую одежду.

...После того как мать увели, начался обыск, длившийся девять часов. Агенты КГБ искали по всей квартире «антисоветские» документы... С нескрываемым азартом бросались обыскивающие на каждую бумажку, подозревая крамолу. Но это были открытые письма протеста против нарушения гражданских прав в СССР, сборники «Хроники текущих событий»... частные письма политзаключенных и их родственников с просьбами о помощи. Как известно, именно это и называется в нашей стране — «антисоветчиной», «заведомой клеветой», «подрывной литературой».

...В 1968 году КГБ разлучил нас с отцом, Константином Бабицким, бросив его в тюрьму, а потом в северную ссылку за участие в демонстрации на Красной площади против вторжения советских войск в Чехословакию. Наша мать вырастила нас, троих детей, на скудную зарплату инженера, которой едва хватает на обеспечение одного человека.

Нашей матери 47 лет... Под давлением КГБ она была вынуждена оставить работу по специальности и поступила ночной няней в детскую больницу. Но и этой работы она лишилась через год, и в последнее время нянчила дома младенцев-внуков. Мы, ее дети, днем работаем или учимся, кроме нее, сидеть с ними днем фактически некому.

...Мать не раз уговаривали эмигрировать, чтобы не подвергать себя и детей опасности, но она всегда отвечала: «А кто же останется здесь? Мы ответственны за всё, что происходит в нашей стране, и я не хочу уходить от этой ответственности».

...Помогать людям было для нее внутренней потребностью. Многие из тех, кому она помогала, даже не знали ее в лицо, а некоторые и по имени.

...Мать спала не более 4-5 часов в сутки, поднимаясь раньше всех, чтобы прочитать письма, пришедшие от узников концлагерей, тюрем и психбольниц, от преследуемых за веру, убеждения или желание эмигрировать... С самого утра идут к ней люди. Вот татарин, который посмел вернуться на свою родину — в Крым, купил на последние деньги лачугу, а через несколько дней милиционеры и солдаты выкинули его, шестерых детей и стариков родителей на улицу, а дом снесли бульдозером. Следом приходит женщина, отправляющаяся на свидание к мужу-литовцу, который многие годы томится в лагере за мечту о культурной автономии Литвы. За женщиной — делегация верующих, членов незарегистрированной христианской общины. У них только что арестовали пресвитера, а их оштрафовали... их детей преследуют учителя и избивают науськанные учителями соученики; у некоторых из верующих дети навсегда отняты по суду и помещены в приюты...

...А ведь на руках у матери еще и маленькие внуки, а их надо покормить, обуть, одеть, вывести погулять, уложить спать... У нее ни минуты свободного времени... Телефон звонит непрерывно. С Украины сообщают о новой волне арестов членов Хельсинкской

группы. О том, что зверски избит... сын пастора Винса, и после этого он же обвинен в хулиганстве. Мать звонит и сама. Телефон, конечно, прослушивается, но не обращая на это внимания, мать набирает номера корреспондентов иностранных агентств, чтобы через них привлечь внимание международной общественности к судьбе очередного мученика.

...Лишь вечером мать освобождается от присмотра за детьми, но и тут заботы не оставляют ее, и она едет подчас на другой конец города — в любую погоду — навестить кого-то из страждущих, снова принять в свое сердце потоки чужого горя... вселить надежду. А за ней неотступно следуют агенты КГБ, и невозможно отделаться от этой унижительной слежки.

...Наша мать — настоящая подвижница, праведница. Мы убеждены в этом, как убеждены в этом все, кто встречался с нею... Мы твердо знаем, что она виновна лишь в том, что исполняла заповедь Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Ее маленький внук спрашивает у отца:

— Где бабушка Таня?

— В тюрьме.

— Как Он? — говорит мальчик, глядя на изображение Христа в темнице.

— Да.

— Ее тоже бьют палкой?..

...

Люди, друзья, братья и сестры! Во имя Любви, во имя Справедливости, во имя жизни — спасите нашу мать!

Может быть, она из тех самых праведников, без которых не устоит, рухнет в огненную бездну ненависти, злобы и самоуничтожения наша страна.

...Помогите освободить нашу мать. Она нужна не только нам, ее детям и внукам, но и всем вам. Без нее оскудеют на земле любовь и милосердие. Завтра к любому из вас может постучаться в дверь беда, и некому будет прийти на ваш крик о помощи.

Декабрь 1979 г.

Наталья Бабицкая, 26 л., дочь

Федор Бабицкий, 24 л., сын

Юлия Кейдан, 21 г., дочь

Владимир Кейдан, 33 г., зять

...Передают ли хоть отчасти эти письма и заявления то, чем была для всех нас наша Таня? То, как любили и восхищались ею друзья и знакомые, ближние и дальние, признавая ее в душе лучшей из всех? Как невольно уважали ее даже противники? Тане предстояло пробыть 10 месяцев в следственной тюрьме в Лефортово. Зная, как никто, что суды по «политическим делам» в СССР представляют из себя лишь бессовестный фарс с заранее предрешенным итогом, Татьяна не захотела принимать никакого участия в этом недостойном действе. За все время следствия она не дала никаких показаний и не подписала ни одного документа. Отказалась она и от всякого участия в суде, приговорившего ее к 4 годам лагерей и 5 — ссылки. Вернувшись в Москву в 1988 году, уже в годы «перестройки», Таня целиком посвятила себя педагогике и пошла преподавать математику в школе. И скоро стала одной из любимейших учителей. В феврале 2002 года в «Мемориале» было тепло отмечено ее 70-летие. И кто тогда мог догадаться, что в сентябре того же года нам снова придется придти в тот же самый зал, — но уже на ее поминки?..

...А тогда, в ноябре 1979 года, в кругу правозащитников невольно вставал еще один безмолвный вопрос: оправится, выживет ли «Хроника», потерявшая в одночасье своего «директора»? Да, делают ее многие, но в Таниных руках были собраны все нити, и без нее выпускать бюллетень станет намного трудней. Ответ на этот вопрос содержался уже в первом номере бюллетеня **Комитета защиты:**

Заявление

«Хроника» считает, что арест Татьяны Великановой, одна из самых тревожных акций в кампании по ликвидации правозащитного движения, несомненно имеет и свою особую цель — ликвидировать гласность, для становления которой Т. М. Великановой сделано очень много.

Одной из реализаций принципа гласности в нашей стране является выходящая уже одиннадцать с лишним лет «Хроника текущих событий».

«Хроника» полагает, что этот принцип гласности искоренить не так легко. Поток информации о борьбе за права человека в СССР не прекращается.

«Хроника текущих событий» продолжает выходить.

15 ноября 1979 года. Хроника

Рвущиеся нити

До этих пор события, о которых рассказывала «Хроника», протекали хоть и не всегда непосредственно на моих глазах, но на моей живой памяти. Но вот-вот (и я сознавал это) мне предстояло вслед за многими друзьями перейти из разряда правозащитников в разряд правотерпцев. Уже с момента вступления в **Рабочую комиссию** по психиатрии в мае 1978 года арест и заключение представлялись мне неизбежными. Но после ареста Тани я почувствовал, что эти сроки подступили вплотную. «Совсем скоро. Если не в этом месяце, так в следующем», — думал я. В действительности вышло — через пять с небольшим месяцев.

В декабре 1979 года геронтократы из Политбюро в преступном ослеплении начали бессмысленную афганскую войну (так же, как спустя 15 лет чеченскую — Ельцин), — и почти десятилетие не могли вылезти из кровавой афганской ямы. Это делало неизбежным «закручивание гаек» и внутри страны. В том же декабре были арестованы В. Абрамкин, один из редакторов самиздатского журнала «Поиски», и В. Некипелов, член МГХ. И с каждым из этих арестов обрывались какие-то личностные человеческие связи.

...Верхом брежневско-андроповского беззакония стала ссылка в Горький академика А. Сахарова. Ссылка — **мера уголовного наказания**. Согласно Конституции и всем советским законам ссылка может назначаться только по приговору суда. Но Сахаров был сослан без суда, по произволу КГБ и высшего партийного и советского руководства. Закон не предусматривает ссылки на срок свыше 5 лет, — Сахаров был сослан бессрочно (и оставался заперт в Горьком 7 лет без месяца). К нему практически не допускали (и насильно отправляли обратно) приезжавших его навестить друзей, — хотя приговоренные к ссылке по суду имеют право принимать у себя гостей. Стоит ли говорить об отсутствии телефона в горьковской квартире, «пропаже» множества писем, краже рукописей, постоянном подслушивании и слежке?!

...О том, что Андрея Дмитриевича схватили и куда-то увезли я услышал в самый день высылки, вечером 22 января 1980 года. Сразу же я помчался на улицу Чкалова, где Сахаров

жил в квартире жены вместе с ее матерью, Р. Г. Боннэр. Руфь Григорьевна и Лиза Алексеева, невестка Елены Георгиевны, провожали Андрея Дмитриевича с женой до трапа самолета, унесшего их в Горький. Вернувшись, они рассказали съехавшимся к тому времени друзьям и иностранным корреспондентам подробности случившегося.

Не стану пытаться выразить свое отношение к Андрею Дмитриевичу. Мое восхищение им беспредельно, я считал его (и считаю до сих пор) совестью и славой России, человеком, который в веках пребудет гордостью не только нашей страны, но – всего человечества. Расправа над Сахаровым, лауреатом Нобелевской премии мира, вызвала много протестов в самом Советском Союзе. «Хроника» № 56 сообщает о 13 таких письмах, под которыми стоят подписи нескольких десятков наших сограждан. Мне приятно, что и я успел до своего ареста подписаться под одним из них. Ссылка и изоляция Сахарова стала тяжелейшим ударом по всему правозащитному движению. Его горьковское заточение стало не только трудным испытанием для самого Андрея Дмитриевича и его жены, но лишило опоры многих людей в нашей стране, для которых он был (Сахаров узнает! Сахаров заступится!) последней инстанцией и единственной надеждой. Его высылка обрывала не одну, а десятки и сотни нитей межчеловеческих связей...

Ученые и общественные деятели многих стран мира выступили в защиту Сахарова. И только его отечественные коллеги повели себя позорно и трусливо. Ни один советский академик не выступил публично против вопиющего беззакония. Нашлись среди них даже такие, кто присоединились к травле Сахарова, запертого и лишеного возможности им ответить. (Например, академики А. А. Дородницын, А. М. Прохоров, Г. К. Скрябин и А. Н. Тихонов, чьи подписи стоят под статьей «Когда теряют честь и совесть» в «Известиях» от 3.07.83. Или президент Академии наук А. П. Александров, сказавший в июне того же года в интервью американскому журналу, что Сахаров «страдает серьезным психическим расстройством»). Лишь два академика, П. Л. Капица и Ю. Б. Харитон, частным образом обращались к советским властям с просьбами облегчить положение Сахарова, но их письма, увы, не были публичными.

...В первые же дни после возвращения Андрея Дмитриевича в Москву в декабре 1986 года мне довелось снова побывать на прославленной сахаровской кухне. Да, за семь лет горькой горьковской ссылки Сахаров постарел и осунулся, но держался бодро и был полон деятельной энергии. Увы, даже в «перестроечные» времена, даже став народным депутатом, Сахаров не раз подвергался нападкам и травле консервативного крыла депутатского корпуса. Не ускорила ли эта травля его внезапную смерть 14 декабря 1989 года?..

*...Восьмидесятый год неся стремительно, не давая перевести дух и принося все новые сюрпризы, — в том числе и для меня лично. В январе были арестованы еще два редактора «Поисков» — Ю. Grimm и В. Сокирко. 29 января меня пригласили открыткой в райотдел милиции. Там замначальника по угрозыску и неназванный мужчина в штатском настоятельно рекомендовали мне прекратить свою деятельность в **Рабочей комиссии** по психиатрии и предупреждали, что я вот-вот переступлю «грань закона». Я ответил, что не считаю свою общественную деятельность противозаконной и не уклоняюсь от ответственности. 12 февраля был арестован мой товарищ, Вячеслав Бахмин, один из основателей комиссии по психиатрии, а у меня прошел обыск. 7 марта во Владимире была арестована Мальва Ланда, член МГХ, и вскоре она была приговорена к 5 годам ссылки. 26 марта я (одновременно с Феликсом Серебровым) вошел в Московскую группу «Хельсинки».*

...Пасха в 1980 году была ранняя — 6 апреля. В самый ее канун я заехал к одной своей знакомой, пообещавшей переслать через надежного человека «левое» письмо моему давнему другу А. Примаку, уже несколько лет проживавшему в США. Сразу же, в самом начале письма я написал, что «резвиться» на воле мне, по-видимому, остается недолго. И предложил в случае моего ареста издать за рубежом сборник под названием «Отпущенное слово» из нескольких написанных мной к той поре статей. Я просил включить в него посвященную чехословацким событиям статью «Сентябрь грядущего года», когда-то отданную мной в самиздат под псевдонимом «Валентин Комаров». Как я узнал впоследствии, мое письмо благополучно дошло до адресата, но... спустя два с лишним года. Зато в на-

ступившие новые времена я смог значительно пополнить состав сборника и издать в 2002 году свое «Отпущенное слово» дома — в постсоветской России.

...Булгаковский Мастер верно говорил, что Воланд (если угодно, его можно именовать и судьбой) умеет «запорошить глаза». Того, что случилось 10 апреля, я ждал всякий день. Но в тот четверг домашние хлопоты отвлекли меня от недобрых ожиданий: надо было встречать Людмилу, мою жену, прилетающую из Железноводска, где она лечилась по «курсовке». А завтра был ее день рождения.

...На работе с утра я договорился, что уйду пораньше, чтобы во время попасть в аэропорт. Потом ко мне в кабинет позвонила Софья Васильевна — вечером собрание нашей хельсинкской группы. Как же я везде успею? А успевать мне уже никуда не пришлось. Сначала по внутреннему телефону мне позвонил проректор А. П. Савченко и сказал, чтобы я никуда не отходил, — от него, мол, придет на исследование какой-то амбулаторный больной. А часов в десять, как только из моего рентгенкабинета вышел очередной пациент, в дверь вошла замглаврача, молодая и партийная Ангелина Ивановна, и вместе с нею двое в штатском. «Это к вам», — сказала она и сразу исчезла. — «Мы из прокуратуры, — показал свое удостоверение один из мужчин. — Вам надо поехать с нами».

Выхожу из кабинета. Во всем длинном коридоре — ни души, куда-то подевались все больные. И только вдаль, у лифтного холла, одиноко маячит наша замглаврача. Но возле самого выхода из клиники мне навстречу все же попался наш другой рентгенолог, Виталий Самойлович. — «Куда вы уходите так рано, Леонард Борисович?» — удивился он. — «Да вот за мной пришли из прокуратуры», — только и ответил я. — «Зачем вы сказали ему насчет нас?» — выразил недовольство кто-то из моих провожатых.

Черная «Волга». Я на заднем сиденье, мои провожатые — по бокам. Едем, судя по маршруту, ко мне домой. Приезжаем. Начинается обыск. Дома только теща, она готовит на кухне закуски к столу, ведь завтра Людмилин день рождения. Да, замечательный у нее получится праздник! В кармане у меня — записная книжка с адресами и телефонами множества друзей и знакомых. Готовый список кандидатов для вызова на допрос —

настоящий подарок для следователя! Как бы избавиться от нее? Я сижу на диване, и справа от меня растет гора просмотренных и отложенных за ненадобностью книг с наших полок. Я достаю из кармана злополучную книжку, прикрыв ее носовым платком, и незаметно кладу в стопку оставляемых бумаг. Обыск окончен. Отмечаю в протоколе, что среди забранных бумаг нет никакой клеветы или «антисоветчины» и что поэтому их изъятие незаконно. «Вы ненадолго проедете с нами в милицию», — говорит мне следователь Титов, проводивший обыск. Моей Людмилы всё еще нет. Прощаюсь с тещей, говорю, что скоро вернусь (догадываясь, что, увы, вернусь не скоро), и выхожу со своими провожатыми.

В милиции Титов проводит короткий допрос — я отказываюсь отвечать на все вопросы. «Познакомьтесь тогда еще с одной бумагой», — говорит мне Титов. Конечно. Этого я и ожидал. В моих руках — ордер на мой арест.

Поздним вечером «воронок» отвез меня в Бутырку, а под утро, после всех положенных процедур я был отведен в мою первую камеру. «302» — прочитал я на ее двери.

Теперь почти все нити, связывавшие меня с родными и друзьями, порваны. Что же дальше? Полное, глухое молчание? Не совсем так. Какая-то информация просачивается и в тюремные камеры. Иногда «для пользы дела» что-то сообщает следователь. Так, ведущий мое дело Г. В. Пономарев на одном из допросов упомянул как бы между прочим про «раскаяние» священника Д. Дудко, — но я никак не прореагировал на его слова. И даже достоверные сведения о «Хронике» в последний раз — вплоть до своего пребудущего освобождения в 1983 году — я тоже услышал в тюрьме. 29 апреля 1980 года был арестован и также помещен в Бутырскую тюрьму Александр Лавут. Каким-то образом Саша узнал номер моей камеры, и вскоре мы сумели обменяться записками. А потом нас словили на «межкамерной связи» и отправили в карцер. Но по дороге заперли вдруг вдвоем в крохотный неосвещенный боксик. Хотели послушать, о чем мы будем говорить, и мы, разумеется, все время имели это в виду. Только вот секретов у нас почти не было. Саша сказал мне, что на обыске в день ареста у него изъяли несколько номеров «Хроники», и среди

них почти готовый 55-й — с рукописными пометками. «Неужели же номер пропадет? Или где-то сохранились другие его экземпляры?» — подумал я. Но тогда, перед микрофонами «подслушки», разумеется, не стал спрашивать об этом Сашу. Сегодня я держу этот номер в своих руках. Значит, слава Богу! — он все-таки сохранился.

На всех личных свиданиях в лагере жена и дочь подробно рассказывали мне о том, что происходит на воле, о судьбах многих и многих сотоварищей. Но о «Хронике» речи не было, может быть, бюллетень просто не доходил до них. А когда в 1983 году я вышел из лагеря, выпуск «Хроники» был уже окончательно прекращен.

Интермедия. Кто и когда освободит арестанта?

...Листаю брошюры в зеленых обложках — выпуски «Хроники» за конец 1979—80 гг. Когда-то такая коллекция, обнаруженная на обыске, вполне могла бы «потянуть» на годы заключения. А сегодня это не более чем библиографическая редкость. Вот неполный перечень событий, о которых рассказывалось в них.

Выпуск № 55. Суды на Украине: над В. Стрельцовым, П. и В. Сичко, Ю. Литвином и А. Бердником (все они — участники Украинской ХГ; совсем скоро и все ее члены окажутся за решеткой). Освобождена (по окончании заключения и ссылки) художница С. Шабатура.

№ 56. Высылка А. Д. Сахарова в г. Горький. Арест В. Бахмина. Суд над М. Ландой. Арест Л. Терновского. Арест А. Лавута. Суд над И. Губерманом.

Суды на Украине, в Армении, Эстонии, Литве.

Поэты С. Липкин и И. Лиснянская выходят из Союза писателей в знак протеста против исключения из него В. Ерофеева и Е. Попова, участников альманаха «Метрополь».

№ 57. Арест члена МГХ Т. Осиповой. «Предупреждение» КГБ члену МГХ Ю. Ярым-Агаеву (в тексте этого предназначенного для запугивания документа *Московская группа «Хельсинки»* именуется *«враждебной группировкой»*). Приговор члену МГХ В. Некипелову — 7 лет строгого лагеря и 5 — ссылки. Арест (в Якутской ссылке) А. Подрабинека. Покаяние (и немедленное освобождение) священника Д. Дудко.

№ 58. Политические процессы лета – осени 1980 года. Суды: над Т. Великановой; В. Бахминым; Г. Якуниным; А. Огородниковым; В. Абрамкиным; Ю. Гриммом. Все они приговорены к разным срокам заключения.

Покаялись и осуждены условно: Л. Регельсон; В. Капитанчук; В. Сокирко.

В Литве осуждены к заключению в лагерь А. Терляцкас и Ю. Саснаускас; на Украине – В. Барладяну и Ольга Матусевич. Бесчеловечный приговор был вынесен Василию Стусу – бывшему политзеку, поэту и члену Украинской ХГ. Теперь он приговорен к 10 годам **особого лагеря** и 5 годам ссылки – за стихи, за перехваченные частные письма (А. Сахарову, П. Григоренко, киевским друзьям), за заявление в **прокуратуру** в защиту Н. Горбала, за устные высказывания. В. Стусу уже не выйти на волю, он погибнет в лагерном ШИЗО в возрасте пятидесяти лет в сентябре 1985 года...

Вместо № 59 – пробел. Такого номера нет. А в номере № 60 – уведомление:

«Выпуск 59 конфискован

20 февраля 81 года сотрудники УКГБ... изъяли на обыске в квартире Леонида Вуля рукопись 59-го выпуска «Хроники текущих событий» и все подготовительные материалы к нему.

...Большая часть текстов написана Л. Вулем и Ю. Шихановичем.

...Поскольку дальнейшее участие лиц, ставших известными КГБ в таком качестве, ставит под удар существование издания, они считают необходимым прекратить свою работу в «Хронике».

Самоотстранение лиц, готовивших 59-й выпуск, и отсутствие исходных материалов к нему делают его выход невозможным...»

59-й выпуск до сих пор под арестом. Почему? Ведь сегодня даже сотрудники славного ведомства вряд ли рискнут квалифицировать его как клеветнический или преступный документ. К тому же 59-й номер, как и всякая рукопись, является **интеллектуальной собственностью**. И принадлежит она нашей истории, отечественному Сопротивлению, своим составителям наконец, – но уж во всяком случае не тем, кто двадцать с лишним лет назад грабительски ее похитил. А без

нее летопись «Хроники» неполна. В предпосланном 60-му номеру уведомлении прямо сказано, что *«период с августа по ноябрь 1980 года освещен в данном <т. е. 60-м> выпуске не полно»*. Только вот кто и когда вырвет арестанта из когтей КГБ?

...Но может быть, этого выпуска «Хроники» давным-давно нет в природе? Существуют сроки для хранения различных документов, после которых они подлежат уничтожению и сжигаются. Да, какие-то сроки существуют. Да, что-то сжигается. Но — не верю!

Лубянка всегда отличалась невероятной цепкостью. Ее заправили — рачительные хозяева, и стремятся навечно сохранить и удержать все, что когда-то попало в их руки. Может быть, рукописи действительно сжигаются, но что мешает предварительно сделать микрокопию?

...В мае 1926 года сотрудники ОГПУ произвели обыск у замечательного русского писателя. Изъяли повесть и три тетради его дневников. Автор упорно требовал возвращения отнятых бумаг, и в конце концов спустя три года ОГПУ вернуло рукописи. И тогда писатель своими руками сжег свои дневники. Он умер в 1940 году, так и не увидав напечатанными свои лучшие книги. Но даже сожженные дневники в новейшие времена чудесным образом восстали из пепла. Оказывается, прежде чем вернуть бумаги, чекисты сняли с них копии. Так сила, вечно хотящая зла, иногда вопреки собственной воле совершает благо. А сам писатель, М. А. Булгаков, в своем знаменитом романе вложил в уста Воланда пророческие слова: **Рукописи не горят!**

...Еще пять выпусков

Конфискованный 59-й выпуск датирован 15 ноября 1980 года. Последний из вышедших номеров, 64-й, — 30 июня 1982 года. Итак, впереди у «Хроники» оставалось еще почти два года.

Вглядимся в эти выпуски. Все они — большие, свыше ста страниц каждый. А самый «толстый» из всех — 63-й — целая книга в 250 страниц убористого текста. (*Напомню: до половины 70-х, выходя в среднем раз в два месяца, бюллетень имел объем сначала в 30–50, позднее в 70–90 страниц*). Далее. Дата на выпуске означает, конечно же, не день выхода бюллетеня,

а тот рубеж, после которого рассказ о последующих событиях пойдет в следующий номер. Теперь подсчитаем. Арестованный № 59 от 15.11.80 был забран на обыске 20 февраля 1981 года, т.е. спустя три с лишним месяца после проставленной даты. «Почти готовый» № 55 от 31.12.79 был взят у А. Лавута 29 апреля 1980 года. Видимо, три-четыре месяца и есть реальный срок для подготовки и выпуска номера. Из-за преследований КГБ машинописных перепечаток внутри страны становилось все меньше. И чтобы по-настоящему дойти до читателя, бюллетень должен был сначала проделать далекий путь до чалидзевского издательства «Хроника» в Нью-Йорке. Быть там набранным. Напечатанным. И вернуться домой потаенной, чреватой многими опасностями дорогой.

№ 62 от 14.07.81, переиздан в Нью-Йорке в 1982 году. № 63 от 31.12.81, переиздан – в 1983 году. № 64 от 30.06.82, переиздан – в 1983 году. Таким образом, рассказ бюллетеня о происшедших событиях возвращался на родину спустя полтора-два года. Это не имеет значения для историка, но слишком поздно – для современника. И когда-то популярный, энергично саморазмножавшийся в самиздате бюллетень все больше терял отечественного читателя.

Огромный, тяжкий и опаснейший труд становился ненужным! В пяти последних выпусках суммарно 787 страниц – гигантская информация! Под такой тяжестью даже у богатыря могли бы подогнуться ноги. А все издание «тянули» несколько молодых ребят. При этом уже появились новые, более оперативные, чем «Хроника», информационные бюллетени, – безымянные сборники «В» в Советском Союзе и издающиеся К. Любарским с конца 1978 года «Вести из СССР» – в ФРГ. Нет, не КГБ задавил «Хронику»! Этот бюллетень не раз демонстрировал свою способность переживать и чекистский шантаж, и обыски, и аресты своих корреспондентов, перепечатчиков, редакторов. Нашлись бы и на этот раз люди. Но с «Хроникой» случилась худшая беда: пережив свое время, она становилась невостребованной.

О чем же сообщала «Хроника» в этих пяти номерах? Когда-то, в конце шестидесятых годов, бюллетень свидетельствовал о зарождении и становлении отечественного Сопротивления. Теперь – рассказывал о том, как КГБ довер-

шает разгром правозащитного движения. О суде над А. Лавутом (приговор — 3 года лагеря); о суде над В. Мейлановым (за одиночную 15-минутную демонстрацию в Махачкале в защиту А. Сахарова ему дали 7 лет «строгача» и 2 — ссылки); о суде над Л. Терновским (3 года лагеря); о судах на Украине, славящихся жестокостью приговоров: по 7 лет «строгача» с последующей ссылкой С. Хмаре и В. Шевченко, 5 лет «строгача» со ссылкой А. Шевченко. Последней из оставшихся на свободе членов Украинской ХГ 75-летней Оксане Мешко дали полгода «строгача» и 5 лет ссылки.

Были осуждены все еще оставшиеся на воле члены **Рабочей комиссии** по психиатрии: в Харькове суд «наградил» врача-психиатра А. Корягина семью годами «строгача» и пятью — ссылкой; суды в Москве приговорили Ф. Сереброва к 4 годам «строгача» и 5 — ссылки и И. Гривнину — к 5 ссылки.

В мае 1980 года была арестована член МГХ Т. Осипова; в августе 81-го — ее муж, также член МГХ, И. Ковалев. С этого времени из всего состава **Московской группы «Хельсинки»** на свободе осталось только три человека: 58-летняя Е. Боннэр, большую часть времени вынужденная жить в Горьком (куда был сослан ее муж, А. Сахаров), 74-летняя С. Каллистратова и 70-летний профессор-математик Н. Мейман. В то же время девять членов МГХ пребывали в лагерях или в ссылке, несколько человек — эмигрировало. В сентябре и декабре 1981 года были проведены обыски у С. Каллистратовой, и на нее было заведено уголовное дело. В сентябре 1982 года МГХ была вынуждена прекратить свою деятельность...

Желая сломить волю узников совести, власти все чаще стали фабриковать против политзаключенных «дутые» повторные дела, — либо в самом лагере накануне окончания срока, либо вскоре после освобождения. Такое не раз случалось уже в период брежневского «застоя» (М. Джемилев, А. Болонкин, В. Барладяну, В. Стус и другие). Но особенно пышным цветом эта гнусная практика расцвела во времена андроповщины (только в декабре 1982 — начале 1983 года не вышли по концу срока В. Абрамкин, В. Бахмин, А. Лавут).

17 января 1982 года умер писатель Варлам Шаламов, многолетний узник сталинских лагерей. Последние годы он находился в одном из московских домов-интернатов

для инвалидов. 14 января — не без «протекции» КГБ! — он был переведен в интернат для психохроников, где через три дня скончался. Рассказ о последнем годе его жизни помещен в 64-м выпуске «Хроники».

В марте 1981 года в очередной — шестой! — раз был арестован А. Марченко. За изданную за рубежом книгу «От Тарусы до Чуны», за самиздатскую публицистику и черновые записи суд приговорил его к 10 годам строгого лагеря и 5 — ссылки. *(В декабре 1986 года после почти четырехмесячной голодовки с требованием освобождения политзаключенных Марченко погибнет в Чистопольской тюрьме. Всего неделю спустя А. Сахарову будет разрешено вернуться в Москву. А вскоре начнется и освобождение «политических». Но это будет уже за пределами «Хроники»).*

Потерянный и обретенный

До конца 1980-х я считал 64-й последним из номеров «Хроники». Но потом узнал в «Мемориале», что где-то существует еще один, неизданный и почти никому неизвестный 65-й выпуск. Долго я не мог найти к нему подходы. Ныне благодаря любезности А. Даниэля я держу этот номер в своих руках. Пользуюсь случаем еще раз выразить ему за это свою благодарность.

О чем же повествуют эти последние 128 страниц летописи отечественного Сопротивления?

Они рассказывают о второй половине 1982 года. О суде над художником В. Гриневым — за «Открытое письмо» с отказом от советского гражданства ему дали 3 года. Он попадет в «мой» лагерь под Омском через несколько дней после моего освобождения.

Об аресте 10 сентября видного правозащитника Алексея Смирнова. Он помогал «Хронике» и МГХ, составлял бюллетени «В». *(Во время следствия в Лефортово Смирнова на несколько месяцев помещали в «пресс-хату», где уголовники угрожали ему избиением, не давая спать. Суд приговорит Алешу к 6 годам строгого лагеря и 4 — ссылки. Он выйдет на свободу только во время горбачевской «перестройки» в 1987 году).*

О «деле» С. В. Каллистратовой. Обращение в ее защиту еще в феврале написал А. Сахаров. После серии обысков

и допросов 6 сентября 1982 году ей было объявлено, что она обвиняется по статье 190-1 УК. Несколько десятков правозащитников выступили с открытым письмом в ее защиту. На допросах они говорили, что обвинение в «клевете» по отношению к Софье Васильевне, безусловно честному и порядочному человеку, — абсурдно. Ю. Шиханович на допросе заявил, что лица, предъявившие Каллистратовой обвинение в клевете, знают заведомо, что их обвинение — ложно, что поэтому именно они подлежат уголовной ответственности по статье 176 УК («Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности»). На вопрос следователя, почему он считает выдвинутое против Каллистратовой обвинение «заведомо ложным», Шиханович ответил: «Потому что не считаю людей, выдвинувших это обвинение, дураками». Допрашиваемые говорили о том, что 75-летняя Софья Васильевна — тяжело больной человек, что уголовное преследование ее не только незаконно, но — бесчеловечно.

В документе № 196 МГХ заявила, что в сложившейся обстановке группа вынуждена прекратить свою работу. 10 сентября Софья Васильевна начала (совместно с адвокатом) знакомиться со своим делом. А в начале октября следователь объявил, что дело Каллистратовой — «приостановлено»...

На Украине в сентябре арестована поэт, правозащитница и «отказница» И. Ратушинская. За несколько самиздатских стихов ее обвинят в «антисоветской агитации и пропаганде» и вскоре приговорят — «по потолку!» — к 7 годам строгого лагеря и 5 — ссылки. Сажать поэта за его стихи не только преступно, но и позорно, женщину-поэта — позорно вдвойне. Но чекистам во все времена были чужды подобные сантименты, и они ничуть не боятся презрения и суда потомства.

1 декабря в мордовском лагере строгого режима объявила голодовку с требованием предоставить свидание с мужем Т. Осипова. Свидания между заключенными-родственниками в принципе не запрещены, но И. Ковалева намеренно направили в пермский лагерь, подальше от жены. 8 декабря Татьяне начали принудительное кормление, надевая наручники и применяя роторасширитель. 27 декабря из ГУИТУ пришел отказ в требовании Татьяны...

1 декабря 1982 года, за три дня до окончания срока, против В. Абрамкина было возбуждено новое, лагерное дело все по той же статье 190-1...

Да, информация о незаконных репрессиях ничуть не иссякала. До сих пор неизвестно, почему не дошла до нью-йоркского издательства отправленная туда 65-я «Хроника». Преследования и аресты не позволили завершить работу над уже начатым 66-м выпуском (его план-оглавление сохранился и сегодня имеется в «Мемориале»). Но этот выпуск не был закончен и не вышел. И сейчас мне остается только коротко досказать читателю последующие судьбы нескольких персонажей моей «Саги».

Валерий Абрамкин получит и отсидит еще 3 года. Сегодня он – руководитель общественного Центра содействия реформе уголовного правосудия, создатель радиопередачи «Облака» – о заключенных и для заключенных.

Не выйдет по концу срока и Вячеслав Бахмин. Лагерный суд добавит к его сроку год и месяц.

54-летнего Александра Лавута повторный суд приговорит к 5 годам ссылки. Перед отправкой к месту ссылки (Чумикан Хабаровского края) его будут долго допрашивать в СИЗО по делу Ю. Шихановича.

В апреле 1983 года будет арестован Сергей Ходорович, распорядитель Фонда помощи политзаключенным, сменивший на этом опасном посту А. Гинзбурга, К. Любарского, М. Ланду, Т. Ходорович и др. В следственном изоляторе его подвергали избиениям. В декабре суд приговорит его к 3 годам строгого лагеря.

В ноябре 1983 года будет арестован Ю. Шиханович, выпускающий редактор многих номеров «Хроники». По статье 70 УК РСФСР суд в сентябре 1984 года назначит ему 5 лет заключения в лагере строгого режима и 5 лет ссылки.

... Так начиналось в сфере прав человека правление нового генсека Ю. Андропова. Сегодня масс-медиа творят о нем красивую легенду: будто он замыслил в стране важные реформы, для осуществления которых ему, увы, нехватало времени. Не думаю, что Андропов был способен к серьезным преобразованиям. Он весь принадлежал прошлому. Многолетний

шеф Лубянки, он обладал, на мой взгляд, кругозором и мышлением отнюдь не государственного деятеля, а — «хозяина» лагеря. И видел в населении страны не свободных граждан, а подневольных зэков вверенной колонии. Чего стоят проводившиеся при Андропове облавы на посетителей дневных сеансов в кино и клиентов парикмахерских?! Быть может, несколько отлучившихся в рабочее время из учреждений или с производства прогульщиков во время подобных проверок и удалось поймать, но каковы были ощущения остальных зрителей, когда сеанс внезапно прерывается, зажигается свет и начинается проверка документов?! Впрочем, о понятии «моральный ущерб» мы в те времена даже не слыхивали.

Что же касается реформ и законотворчества... Именно при Андропове были введены законодательные новации, фактически отдававшие «политических» (да и всех других заключенных) на произвол администрации лагерей, позволявшие делать заключение бессрочным. Отныне новый срок без выхода на волю можно было получить не за совершенное в лагере преступление, а «за злостное неподчинение законным требованиям администрации ИТУ» (а таковыми при желании можно квалифицировать и невыполнение нормы, и жалобу на лагерное начальство, и отловленное «левое» письмо, и уж, конечно, голодовку протеста). Лагерные «опера», не таясь, говорили нам, зэкам, о подобной возможности.

Андропов умер в феврале 1984 года. Но за месяц с небольшим этот прикованный к искусственной почке полутруп успел подписать холодеющей рукой Указ, целящий добить милосердие и благотворительность в нашей стране, окончательно задавить Фонд помощи политзаключенным. Известно, что значительную часть средств Фонда составляли гонорары от зарубежных изданий «Архипелага ГУЛАГ», специально пожертвованные на эти цели А. Солженицыным и различными путями присылавшиеся в СССР. Теперь же «за действия с использованием денежных средств и материальных ценностей, полученных от иностранных организаций и лиц», полагалось до 10 лет лагеря и 5 — ссылки.

Зато никаких перемен не предвиделось во внешней политике. Все то же продолжение зашедшей в тупик кровавой

афганской авантюры, все то же жесткое ракетное противостояние с Западом, все то же балансирование на грани войны. В этой тревожной обстановке уничтожение нами осенью 1983 года залетевшего в наше воздушное пространство пассажирского корейского «Боинга», приведшее к множеству жертв, могло вызвать непредсказуемые последствия.

...Тьма стучается перед рассветом. Осенью 1982 года задумана и прекратила свою работу Московская группа «Хельсинки». А. Сахаров по-прежнему заперт в Горьком. Почти все правозащитники в тюрьмах и лагерях. И нет больше «Хроники»... Кто мог в канун 1983 года предсказать, что всего через четыре года в нашей стране начнутся быстрые и обнадеживающие перемены? Что их первой ласточкой окажется возвращение из горьковской ссылки А. Сахарова? Что вскоре и все узники совести выйдут на свободу? Что закончится почти десятилетняя афганская война? Что весь сам- и тамиздат (за который еще недавно сажали!) будет напечатан в Советском Союзе? Что мы сможем говорить и писать все, что мы действительно думаем? Что эмиграция станет свободной? Что люди смогут без всяких характеристик парткомов и профкомов ездить за границу и возвращаться обратно? Что не только прекратятся гонения за веру, но сами власти станут искать благосклонности церковных иерархов?

Но кто мог тогда предвидеть, что долгожданная свобода обернется для всех нас также суровыми испытаниями? Нам думалось в простоте, что свобода всегда рифмуется с процветанием. И что когда Советский Союз перестанет быть «большой зоной», все у нас очень скоро само собой наладится. Глядя сквозь щели в лагерном заборе на западную жизнь, мы видели, что выдаваемая нам здесь «пайка» нищенски мала. Но забывали, что на воле все блага надо самому заработать и оплатить. Забывали, что советская власть отучила нас хорошо работать. Что оборудование наших фабрик и заводов (исключая военно-промышленный комплекс) предельно изношено и безнадежно устарело. Что большевики, изведя, как хищных волков, крестьянство, оставили нам в наследство только бесчисленные «продовольственные программы» да колхозы, неспособные прокормить страну. Что есть, наконец, обязательства перед массой старых и больных людей, которым

поздно переучиваться жить по-новому. Что невозможно обеспечить им достойную жизнь и одновременно во имя великодержавных амбиций бросать миллиарды и миллиарды в ненасытную пасть «оборонки»... Мудрено ли, что вместо чаемого благоденствия мы получили обнищание большинства населения, новое разделение на «белых», «красных» и «коричневых», уже ставившее страну на грань гражданской войны?

Мы переживаем сейчас трудные времена. А впрочем, — когда они были легкими?! В годы, о которых я рассказывал читателю, в нашей стране выходило в сущности только одно бесцензурное и свободное издание — подпольная «Хроника». Сейчас безо всякой цензуры издаются газеты и журналы на любой вкус. Мы можем безбоязненно говорить и судить обо всем, открыто обсуждать любые проблемы. И в этом важнейшая предпосылка того, что мы выберемся из засасывающей нас трясины. Мы способны победить безнадежнейшие обстоятельства, если не станем опускать руки. Если будем осмысливать сделанные ошибки. Если научимся слушать друг друга и вместе искать выход из тупика.

Что касается меня, то я всегда верил в могущество **свободного слова**. Недаром все тираны боятся его пуше, чем черт ладана. Советский тоталитаризм рухнул не в последнюю очередь под натиском свободной речи. Теперь от нас самих зависит — останется ли Россия свободной страной? подпадет ли она опять под ярмо тирании?

Так сбережем же в нашей стране слово свободным! Ведь *«гласность — ...первое условие здоровья всякого общества»* (А. Солженицын). Ради будущего страны, ради наших детей и внуков мы обязаны отстоять бесценное благо свободной речи. В этом залог нашего выздоровления. Напомню слова Лидии Чуковской: *«Где не погибло слово, там спасено будущее»*.

Жизнь после смерти

«Хроника» не выходит уже больше двух десятилетий. Она исполнила свою миссию перед современниками — поведала стране и миру о возникновении в Советском Союзе движения за права человека и запечатлела на своих страницах драматические перипетии противостояния личности

государственному монстру. Она помогла диссидентам-оппозиционерам увидеть как бы со стороны самих себя, понять, что они не одиноки в своей борьбе, осознать нравственный смысл своих бессмысленных с обывательской точки зрения действий и протестов. На протяжении полутора десятилетий этот бюллетень свидетельствовал перед всем миром о жестоких политических репрессиях в Советском Союзе, и без его информации правозащитные организации на Западе не могли бы организовывать кампании в защиту политзаключенных в СССР. В этом значение первой жизни «Хроники».

Нужна ли она сегодня? Кому сейчас, в двадцать первом веке, захочется копаться в бесчисленных протестных письмах и демонстрациях, читать о каких-то правозащитных группах и комитетах, о бесконечных допросах, обысках, арестах и лагерных сроках, о борьбе «политических» в тюрьмах и лагерях за свои права? Кому интересны «новости» о событиях двадцати-тридцатилетней давности? Всему свое время, пора нам и отдохнуть от подобной тематики.

Но без «Хроники» не обойтись добросовестному ученому, изучающему общественные движения в Советском Союзе. Ведь в советских – подцензурных! – газетах и журналах он не найдет достоверных сведений (а порой – даже упоминаний) ни о молодежных группах марксистского толка, ни о подпольном «Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа» (ВСХСОН), члены которого были осуждены в Ленинграде в 1967 и 68 годах. Где, как не в «Хронике», прочтет историк об «Инициативной группе» (ИГ), первой открыто объявленной в СССР правозащитной организации? О «Комитете прав человека», созданном в 1970 году в Москве? О «Христианском комитете защиты прав верующих в СССР»? И о ряде других ассоциаций и групп, – и в РСФСР, и в союзных республиках? Наиболее известна из них – «Московская группа “Хельсинки”». Ее документы (и материалы к ее истории) были собраны и переизданы в Москве к 25-летию МГХ в 2001 году. Но ведь в СССР хельсинкские группы существовали также на Украине, в Армении, в Грузии и в Литве. О них тоже не вправе умолчать честный историк. И следовательно, опять должен будет обратиться к «Хронике».

Но где ее найти? Подборка всех ее выпусков благодаря стараниям КГБ изначально была библиографической редкостью. Исправить такое положение сможет, видимо, уже много лет подготавливаемое «Мемориалом» полное переиздание всех номеров «Хроники». Снабженное подробным комментарием, оно введет в научное обращение массу фактов и документов. И это станет второй жизнью «Хроники». (*Адрес архива ХТС в Интернете <http://www.memo.ru/histori/diss/chr/> Примечание журнала «Карта»*)

Но подобное многотомное издание, предназначенное для профессионала-специалиста, не станет читать широкая публика. А очень важно, чтобы информация и примеры из «Хроники» стали достоянием как можно более широкого круга людей, особенно молодежи. Что для этого следует сделать?

Мне кажется, что на базе полного «академического» издания следовало бы составить *Хрестоматию* избранных материалов «Хроники». Туда могли бы войти обзоры наиболее значимых политических процессов, яркие примеры ненасильственного противостояния режиму, вопиющие случаи преследований за слово и убеждения. Сейчас, когда СССР больше нет, надо, чтобы как можно больше людей понимало: именно советские власти и КГБ – сами не сознавая того – сделали неизбежным развал Союза. Беспощадными преследованиями и многолетними сроками для защитников национальной культуры и языка они сеяли ненависть к России в союзных республиках. Нынешние российские коммунисты предпочитают не вспоминать об этом. Больше того, – они бесстыдно твердят о будто бы царившей в Советском Союзе всеобщей дружбе народов. Но пусть люди – особенно молодые! – знают: казенные заверения в нерушимой дружбе ничуть не мешали советским властям судить и сажать интеллигенцию и журналистов в «братских» республиках, осмелившихся возражать против насильственной руссификации. Заработать срок можно было и другими, невиннейшими по сегодняшним меркам способами.

Так, школьница Бируте Гейдане в 1969 году получила полтора года лагеря только за то, что вывесила латышский национальный флаг.

А вот шофер В. Майяускас, вывесивший в 1972 году литовский флаг, был признан невменяемым и помещен в психбольницу. Что бы вы предпочли сами для себя, читатель, — лагерь или «психушку»?

Видя, что за цивилизованные формы выражения несогласия следуют жестокие кары, некоторые решались страшным способом принести себя на алтарь своего отечества. Мы обязаны знать и помнить о таких людях.

5 декабря 1968 года в Киеве совершил самосожжение учитель В. Макуха, бывший узник сталинских лагерей. Живой факел выкрикивал: «Да здравствует свободная Украина!» Макуха скончался в киевской больнице.

Подобные жуткие протесты происходили и в Прибалтике. В мае 1972 года в Каунасе (как в 1969 году в Чехословакии — Ян Палах) совершил самосожжение выпускник школы Ромас Каланта. Он требовал свободу Литве. Вскоре в Каунасе еще два человека последовали его страшному примеру. Литовцы чтят память Р. Каланты, но власти в годовщину его гибели перекрывали дорогу к его могиле...

О страшном самосожжении Мусы Мамута в 1978 году я уже рассказывал в главке о крымских татарах.

Как дать почувствовать молодым читателям гнетущую атмосферу тех лет, о которых так тоскуют старушки под красными знаменами? Вот еще одна печальная и простая история. В марте 1971 года сотрудники КГБ допросили саратовского врача-рентгенолога Нину Кахцадзову, у которой при обыске были найдены самиздатские материалы. Кто может сказать, чем угрожали, чего требовали от нее славные чекисты? Но на следующий день Н. Кахцадзова повесилась.

Кто-то съязвит: «У несчастной дамочки, должно быть, просто сдали нервы». Легко иронизировать над чужой бедой! Вот еще один пример из «Хроники». В том же году, в феврале, в Алма-Ате после обыска и допроса в КГБ покончил жизнь самоубийством литературовед Ефим Ландау. Ему было 54 года.

Академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву довелось в молодости пройти через Соловки и Беломорканал. Но испытания не сломили его, не сделали «слабонервным». Он сохранил чувство собственного достоинства и нашел в себе мужество отказаться подписать позорное письмо академиков против

А. Д. Сахарова. И тогда с ним стали происходить странные истории. Осенью 1975 года семидесятилетнего Д. Лихачева на лестничной площадке возле дверей его квартиры внезапно жестоко избил молодой человек, сломав ему ребро. А в мае 1976 года «неизвестные» пытались поджечь его квартиру, подсунув под дверь шланг от канистры с бензином. Ни «хулиган», ни «неизвестные» так и не были разысканы. Злые языки говорили, что таким образом КГБ хотел то ли запугать Лихачева, то ли отомстить за отказ подписать письмо против А. Сахарова. А что думаете об этом вы, дорогой читатель?

Все аресты да суды, лагеря да «психушки». Мне хочется рассказать напоследок о чем-то высоком и светлом. В 1978 года американский скрипач Дэниел Хейфиц занял четвертое место на конкурсе имени Чайковского в Москве. И что же? Получив премию, он всю ее передал в Фонд помощи политзаключенным. Я думаю, что мы не должны забывать о его благородном поступке.

...Помочь молодым соотечественникам выработать верный взгляд на нашу недавнюю историю, дать знания и аргументы для их собственных исканий и споров, словом, стать для нового поколения россиян **прививкой от идеологии большевизма и тоталитаризма**, — вот, пожалуй, последняя из задач, разрешению которой могла бы способствовать «Хроника».

...Двадцать лет тому назад, вскоре после выхода из лагеря, в глухую андроповскую пору я сказал как-то жене и дочери, что правозащитный этап нашего движения пройден в сущности до конца и исчерпан. Что пора искать какие-то другие пути, но их отыщут уже новые люди. Но на нас лежит долг — запечатлеть и передать свой опыт ненасильственного противостояния следующим поколениям. Отчасти я попытался осуществить это в очерках «Мне без вас одиноко» (1997) и в сборнике «Отпущенное слово» (2002), вышедших в издательстве «Возвращение».

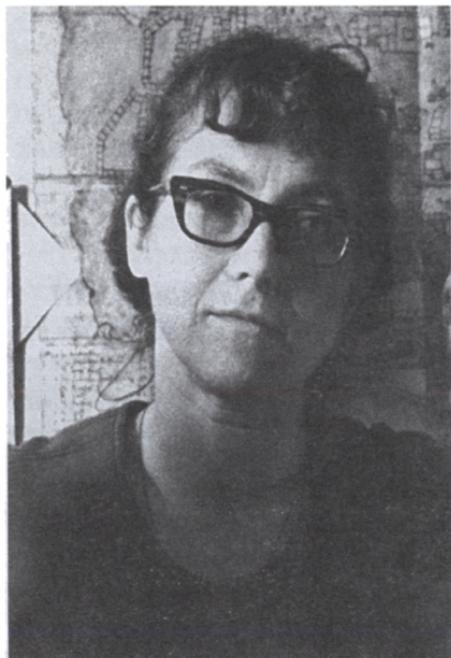
Настала пора заканчивать мою «Сагу». Чтобы написать ее, мне пришлось перевернуть многие тысячи страниц (не одной только «Хроники»), расспросить своих друзей-правозащитников, заглянуть в подвалы собственной памяти. Бывали моменты, когда я клял себя за то, что взялся за этот нескончаемый труд.

«Миг возжеланный настал...» И сегодня я хотел бы с благодарностью вспомнить тех, без кого эта статья не могла быть не то что написана, — даже задумана. Всех — редакторов и составителей, перепечатчиков, безымянных корреспондентов, распространителей и даже просто читателей крамольного бюллетеня. Тех, кто сидел за «Хронику», и тех, кого минула чаша сия. Еще живущих и тех, кого больше нет с нами.

Мне хотелось бы назвать здесь не только «хроникеров». Без диссидентского и правозащитного движения не было бы самой «Хроники». Можно сказать, что этот бюллетень — детище не только его составителей, что «Хронику» делали — своими выступлениями, своей борьбой, своими страданиями — все участники отечественного Сопротивления.

И им всем с глубокой признательностью я посвящаю свою «Сагу».

2001–2003 годы

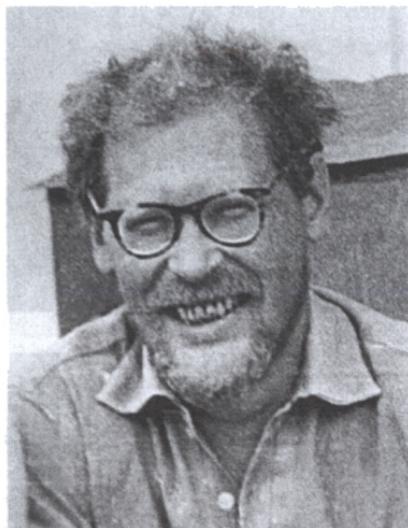
Наталья Горбаневская

Татьяна Великанова

Анатолий Якобсон

Сергей Ковалев

Александр Лавут

ТАЙНА ИГ

Татьяне Великановой

ИГ... Многим ли сегодня, на исходе 90-х, что-то говорит эта аббревиатура?

Четверть с лишним века назад слова «Инициативная группа» внезапно вошли и утвердились в сознании оппозиционной интеллигенции. «Инициативная группа по защите прав человека в СССР» – таково было ее полное название – стала праматерью всех наших правозащитных ассоциаций. Смелостью открытого противостояния произволу Группа сразу же вызвала к себе неподдельные симпатии и уважение, а достоверностью сообщений и точностью нравственных оценок быстро завоевала большой и вполне заслуженный авторитет. И когда мы узнавали о новом заявлении или обращении «ИГ», – нам не надо было объяснять, что означают эти буквы.

Это касалось не только пристольных кругов. Озвученные зарубежными «радиоголосами», документы ИГ быстро становились известными – от Прибалтики до Камчатки – всем небезразличным к судьбам нашей страны людям. Правдивое слово ИГ добиралось к ним не только через завывания «глушилок». Неслышно переходя из рук в руки, тоненькие машинописные копии крамольных документов расходились по стране. За ними неустанно охотился КГБ. И о географии чекистских удач свидетельствовали протоколы обысков и приговоры судов.

Голос ИГ – то громче, то приглушенной – звучал в нашей стране около 10 лет. Я не был членом ИГ. Не обсуждал планы её создания. Не предлагал и не составлял принимаемых документов. Но не спросив моего согласия, – случай ли? – судьба? – пристегнула и связала меня с ИГ с самого дня её основания. Да и в дальнейшем сделала меня сопричастным её драматической истории.

С тех пор прошло почти 30 лет. ИГ давно нет. Но всего на какое-нибудь десятилетие пережив ИГ, рухнул и жестоко

преследовавший её «незыблемый» тоталитарный режим. А вслед за ним распалась и огромная страна, которую этот режим скреплял, повязав колючей проволокой. Щедро вознаградив годами неволи почти всех основателей ИГ, судьба далеко развела и разбросала их: иных давно нет на свете; другим еще в старые, но вовсе не добрые времена пришлось уехать за рубеж; двое бывших членов ИГ, никуда не уезжая из страны, сделались после распада СССР «иностранцами из ближнего зарубежья»; и трое после долгих лет лагерей и ссылок снова стали москвичами...

Изменился мир, изменились все мы... мудрено ли, что выступления ИГ позабыты большинством наших соотечественников?! Ненадежна и несовершенна человеческая память. Хрупки и непрочны тонкие машинописные листки. Когда в мае 1994 года исполнилось 25 лет образования ИГ, российская общественность даже не вспомнила об этом.

Но историческое беспамятство не только постыдно, — оно опасно. И прежде всего для тех, кому предстоит в XXI веке строить новую Россию, — для наших молодых сограждан. Они не испытали ига «единственно верной», обязательной для всех идеологии, не дышали воздухом той эпохи. В этом их сила, но в этом и слабость. Молодежь свободна от догм, но у нее нет и иммунитета от идеологической чумы большевизма. Не дай ей Бог потерять ориентиры, поверить в лживые посулы идейных наследников тех, кто 70 лет душил и калечил нашу страну. Ни в чем не покаявшись, эти последыши опять рвутся к власти...

Тут мог бы пригодиться опыт тех, кто противостоял преступному режиму. Борьба с тоталитарной властью началась, в сущности, со дня ее возникновения. Добровольчество, Кронштадт, Тамбов... то выходя на поверхность, то скрываясь в катакомбы, меняя формы и содержание, то становясь шире, то сужаясь до тонкой ниточки, эта борьба за все прошедшие десятилетия не прекращалась ни на день. И правозащитники были лишь последними в этом длинном ряду.

Освободительное движение России еще ждет своего летописца. Но я могу свидетельствовать лишь о том, что знаю лично, только о его заключительном, правозащитном этапе, участником которого я был.

Инициативная группа – важная глава в истории российского Сопротивления. Рассказывая о ней, я буду опираться на то, чему был очевидцем сам, на воспоминания моих друзей – членов ИГ – и людей, близко к ней стоявших, и на сами документы группы.

МУКИ РОЖДЕНИЯ

Рождение человека всегда происходит через боль, кровь и муки. И для рожающей женщины, и для новорожденного. Недаром существует понятие – «родовая травма». Без досадных промахов, болезненных падений и потерь не обходится, наверное, любое человеческое начинание. Не обошлось без них и рождение ИГ.

Что я помню о ее начале? Май 1969 года. Неполный год, как я вошел в круг диссидентов. Месяц начался для нас тревожно. Сначала 7 мая в Ташкенте был арестован Петр Григорьевич Григоренко, разжалованный генерал-правдоискатель. Я познакомился с ним и стал бывать в его доме в конце зимы. Брал у него читать какой-то самиздат, мы говорили, помнится, о тогда еще не вполне покоренной Чехословакии, об отчаянном самосожжении Яна Палаха. В последний мой приезд, в первые дни мая, Зинаида Михайловна, жена Григоренко, сказала мне, что Петра Григорьевича нет дома, что он улетел в Ташкент, где начинается суд над десятью активистами крымско-татарского движения за возвращение на родину. И добавила шепотом: «Возможен арест».

И вот на днях арестован молодой педагог Илья Габай. Я встречал его в доме другого видного диссидента – Петра Ионовича Якира, но был тогда лишь шапочно знаком с Илей. Хотя давно знал некоторые его стихи, ходившие в самиздате. И помнил, что он был одним из авторов Обращения «К деятелям науки, искусства и культуры», предупреждавшего об опасности реставрации сталинизма и призывавшего не допустить «новый 37-й год».

...Я на «Автозаводе», на квартире Петра Ионовича. В то время я бывал там очень часто, и уже не помню, зачем зашел в тот вечер. Самого хозяина нет дома. Кто-то дает мне прочесть незнакомую бумагу. Это – Обращение в Комитет прав человека ООН, совсем свежий, вчера-позавчера

появившийся документ. Читаю: в письме говорится о нарастании преследований за убеждения в нашей стране, рассказывается о политических процессах последних лет и о недавних арестах П. Григоренко и И. Габая. Письмо призывает ООН осудить политические преследования в Советском Союзе.

— Как серьезно и аргументировано составлено письмо! И адресовано прямо в ООН, такого, помнится, еще не было. Кто-то, может быть, спросит: допустимо, оправдано ли выносить сор из избы, искать за рубежом защиту от произвола отечественных властей? — Но что остается делать, если советские чинуши не хотят нас слушать и на мирные петиции отвечают репрессиями?!

Дата под письмом — 20 мая 1969 года.

И подписи — 15 фамилий по алфавиту.

Но перед этим списком я вижу тогда впервые мной прочитанные и навсегда впечатавшиеся в память слова: «Инициативная группа».

— Неужели?! — кажется, я даже вздрогнул, и мое сердце забилось чаще, в голове вразной прыгали мысли: Конечно, это смело и благородно, но оправдан ли этот дерзкий вызов? Неужели учредители не понимают, что всех их пере хватают за три дня, много — за неделю?! Десятилетиями в СССР действует неписаный, но железный закон: любая самостоятельная, неподконтрольная властям организация должна быть мгновенно и безжалостно раздавлена. А тут — открытая оппозиция. Под своими фамилиями. Приходите — и берите.

Еще подписи — «поддержавшие», так сказать — второй эшелон. Вдруг — что за наваждение? В списке «поддержавших» мне бросается в глаза мое имя. Но я в глаза не видел Обращения! И даже ничего не слышал о нем!

Что делать? Протестовать? Потребовать снять свою подпись? Но разве я не согласен с письмом? И ведь оно — мне сказали — уже отдано иностранным корреспондентам. Мыслимо ли компрометировать столь важное начинание?

Промолчать? И смириться с возмутительным безобразием? С пренебрежительным манипулированием мной и моим именем?

Решаю: подпись свою оставляю. Но сразу же говорю — это первый и последний раз. Недопустимо ничего решать за других без их ведома.

Мне не возражают, даже соглашаются, — действительно, нельзя. Но Обращение нужно было срочно везти «коррам», и просто не осталось времени «согласовать» все подписи.

...Только много лет спустя я узнал, что в еще более трудном, унизительно-беспомощном и оттого мучительном положении оказались накануне многие из членов будущей ИГ. Они собрались, как было договорено, на «Автозаводе», чтобы составить и подписать Обращение в ООН. А также еще раз обсудить целесообразность создания открыто объявленной организации, от имени которой и будет отправлено в ООН предполагаемое Обращение. Якира и его товарища Виктора Красина на «Автозаводе» почему-то не оказалось. Кто-то пояснил, что они поехали на срочную встречу с «коррами». Само по себе это было в порядке вещей, но сегодня? Обсуждение письма в ООН продолжалось без них. Обговаривался вновь и вопрос создания легальной организации, состав которой еще не был окончательно установлен и даже еще не имевшей названия. Наконец, часов в 8–9 вечера, взволнованные и несколько смущенные, появились Якир и Красин:

— Ну, всё. Мы отдали «коррам» Обращение. Оно подписано: «Инициативная группа».

Это явилось новостью почти для всех. Как смели Якир и Красин отдать «коррам» несогласованный документ? Объявить о создании несформированной группы? Самочинно назначить ее состав? — На возмущенные упреки сотоварищей (впрочем, высказанные обиняками, поскольку квартира наверху прослушивалась) приятели отвечали:

— Так сложились обстоятельства. Да, в чем-то мы поступили неправильно, но это — чистая формальность. Те, кто названы в составе ИГ, — они же одобряли идею обращения в ООН, — кто же они, если не инициаторы письма? И, в сущности, это даже не организация. А потом — ничего не отрезано, мы никого не держим, мы договорились с «коррами», что еще позвоним им и все уточним и исправим. «Поддержавшие»? — такая идея тоже проговаривалась, мы внесли в этот список тех, кто не откажется. А главное — ждать дольше было

нельзя. Григоренко и Габая арестовали, если мы сейчас не дадим отпор, не сплотимся — перехватывают всех. Через неделю было бы поздно.

Эти демагогические объяснения далеко не удовлетворили собравшихся. Явственно повеяло духом Петруши Верховенского из «Бесов». И естественная мысль: не следует ли сразу выйти из группы?

Но уход был невозможен по моральным соображениям: он не только стал бы тяжелым ударом по остающимся, но и перечеркнул бы Обращение, писавшееся в защиту арестованных и осужденных. Он мог надолго похоронить саму идею легальной организации для защиты жертв политических репрессий. Да и просто слишком смахивал бы на трусливое бегство. В итоге, несмотря на возмущение самочинством Якира и Красина никто тогда не покинул ИГ.

Иной принципиальный читатель убежденно скажет: «Всё равно недопустимо было ни дня оставаться вместе с нечистоплотными обманщиками, объявившими о рождении еще несозданной группы и своевольно назначившими ее состав. Разве не ясно, что подобные честолюбцы и авантюристы подведут всех при серьезной опасности?»

Легко быть провидцем задним числом! Ведь сегодня мы доподлинно знаем, что спустя четыре года те же два приятеля на следствии в тюрьме «расколются», предадут и оговорят сотоварищей, едва не похоронив своей изменой все «движение». Насколько трудней было отыскать верное решение самим участникам той памятной встречи! Слишком многое приходилось учитывать и взвешивать. Начать с того, что, хотя в диссидентском движении не существовало должностей и рангов, положение Якира и Красина было всё же особым. Оба были политзэками еще сталинских времен, вновь обретшими свободу только в годы хрущевской «оттепели». «Не мне судить Иова», — писал Илья Габай в посвященном Петру Якиру стихотворении. Что-то схожее чувствовали и члены ИГ, не считая себя, не сидевших, вправе сурово судить старых лагерников.

Но дело было даже не столько в этом. Еще весомей было ощущение долга перед друзьями, уже потерявшими свободу

ради своих убеждений и еще вчера призывавшими объединиться для противостояния беззакониям. Это было – как выполнение завещания. И речь тут идет в первую очередь о Петре Григоренко.

Как всё на свете, ИГ имела свою предысторию. Я не был ее непосредственным свидетелем, но знаю о ней по многим рассказам. Группа возникла не вдруг и не на пустом месте. Идея некоего объединения для противостояния произволу советских властей носилась в воздухе. Ее горячим сторонником был П. Григоренко. Еще ранней весной 69-го он предлагал создать Комитет защиты недавно арестованного в Латвийской ССР коммуниста-диссидента Ивана Яхимовича. Желательность такого объединения обсуждалась неоднократно, и у самого Петра Григорьевича, и в квартирах других диссидентов. В этих обсуждениях участвовали многие из будущих членов ИГ. Твердыми сторонниками такого объединения, кроме самого Григоренко, были Анатолий Якобсон и Юлиус Телесин. Но были и противники. Стоит отметить, что Якир и Красин в то время были против создания такой организации. Дело временно застопорилось. Но Петр Григорьевич не оставлял усилий для его осуществления.

Разумеется, КГБ знал об этих планах. И всячески стремился воспрепятствовать им. Быть может, арест П. Григоренко, основного сторонника создания такой организации, был упреждающим ударом КГБ, желавшего предотвратить ее появление. Но как часто даже всё просчитывающие умники не видят дальше собственного носа и не способны предугадать ближайших последствий своих действий! Результатом ареста Петра Григоренко стало рождение Инициативной группы.

Авантюрное провозглашение насильно вытолкнуло ИГ на свет и стало ее первым испытанием на жизнестойкость. Обман мог обойтись очень дорого. Он был способен не только повредить репутации группы, но и дать властям и КГБ удобный повод для шантажа. Многообещающее начинание легко могло закончиться немедленным и позорным крахом. Поэтому решившись разделить ответственность и удочерить новорожденную, члены ИГ договорились не разглашать до поры сомнительных обстоятельств ее появления.

Признаемся сегодня: ИГ явилась на свет незаконнорожденной. Но что из того?! Несмотря на все преследования, начавшиеся буквально на следующий день, группа выжила, выстояла и выросла в нашу новейшую историю. А следовательно – победила. ИГ выпала трудная, но почетная и по-своему завидная участь: торить дорогу для тех, кто будет идти следом.

ИМЕНА И СУДЬБЫ

Итак, углый кораблик ИГ оказался выброшен в штормовое море. И пора назвать тех, кто по собственной воле или по стечению обстоятельств оказались его экипажем. Вот его список под первым документом группы:

- «Г. Алтунян, инженер (Харьков);
- В. Борисов, рабочий (Ленинград);
- Т. Великанова, математик;
- Н. Горбаневская, поэтесса;
- М. Джемилев, рабочий (Ташкент);
- С. Ковалев, биолог;
- В. Красин, экономист;
- А. Лавут, биолог;
- А. Левитин-Краснов, церковный писатель;
- Ю. Мальцев, переводчик;
- Л. Плющ, математик (Киев);
- Г. Подъяпольский, научный сотрудник;
- Т. Ходорович, лингвист;
- П. Якир, историк;
- А. Якобсон, переводчик».

Что ж, список как список. В традициях диссидентских петиций – фамилии расставлены по алфавиту. В традициях советских – некая претензия на представительность. Профессиональную (инженер, рабочий, математик, поэтесса, научный работник – и т. д.). И географическую (Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Ташкент). Есть мелкие неточности – результат торопливости и недостаточного знакомства друг с другом. Так, А. Лавут (математик) ошибочно назван биологом.

Что еще сказать о составе ИГ? Это люди разного возраста, разного жизненного опыта. Старейшему – Анатолию Эмма-

нуиловичу Левитину-Краснову – 53 года. Так же, как Якир и Красин, он политзэк еще тех, сталинских времен. Но и самые молодые – Владимир Борисов и Мустафа Джемилев (им по 26 лет) – уже успели хлебнуть прелестей неволи. Борисов в 1964 году был обвинен в антисоветской агитации, признан невменяемым и находился в Ленинградской психбольнице по 1968 год. Джемилев, активист крымско-татарского движения за возвращение на родину, в 66-м был обвинен в уклонении от призыва в армию и получил полтора года лагеря. Для остальных – почти всех! – членов ИГ (да и для многих, поддержавших Обращение) годы лагерей и психушек пока впереди...

Генрих Алтунян

Но пойдём по порядку. Алтунян Генрих Ованесович. 1933 года рождения, – выходит, мой одноклассник. Харьковчанин, в Москве – лишь наездами. Женат, имеет сына и дочь. По специальности инженер-радиоэлектронщик. Майор Советской армии – бывший, преподаватель в военном училище – бывший. В 1968 году за самиздат, за критику советской политики и за «порочающую» дружбу с генералом Григоренко (тоже, разумеется, бывшим) Алтуняна исключили из КПСС, разжаловали и уволили с работы. А там пошли проработки и обыски.

Я знал его хотя не близко, зато – «насквозь». А именно, – я смотрел его на рентгене и обнаружил язву. Нет худа без добра. Впоследствии, выйдя на волю после первой отсидки, Генрих полшутя благодарил меня за найденную язву: написанное мной рентгеновское заключение помогло ему в тюрьме и в лагере получать время от времени диетпитание.

Алтуняна арестуют в Харькове 11 июля 1969 года, меньше чем через два месяца после образования ИГ. Суд приговорит его «за клевету» к трем годам «общака». И хотя в дальнейшем Алтунян не подписывал документов ИГ, госбезопасность уже не сводила с него мстительных глаз. В 80-м последует новый арест. На сей раз за «антисоветские высказывания» и опять за найденный самиздат ему влепят семь лет «строгача» и пять – ссылки.

Он выйдет на волю в 1987 году лишь благодаря начавшейся «перестройке». А спустя еще два года на первых свободных выборах Алтунян станет депутатом Верховного Совета Украины...

Владимир Борисов

Борисов Владимир Евгеньевич. Он первым из членов ИГ потерял свободу. Не прошло и месяца после Обращения в ООН, как 12 июня 1969 года за ним на работу приехала санитарная машина с врачами. Ведь Борисова уже «лечили» раньше в психбольнице от инакомыслия и критиканства, как же не пойти опять по такой удобной и проторенной дорожке?! Письмо в ООН — разве это не явный признак «обострения»? И доказывать ничего не нужно, — ведь суд пройдет в отсутствие «больного». И срок назначать не надо, — пусть лечат бедолагу до «выздоровления». А пробыть в Ленинградской психбольнице Борисову предстояло без малого пять лет. Добиваясь смягчения режима и отмены фармакологических препаратов, он дважды, в 71-м и 72-м, будет держать голодовки, дольше чем по два месяца каждая. Его освободят лишь в марте 1974 года. И снова подпись В. Борисова несколько раз появится под письмами ИГ, правда, теперь уже в списке «поддержавших».

В 76-м и в 80-м Борисова снова на два с половиной и на полтора месяца будут силой упрятывать в психбольницы. Но излечить его от инакомыслия властям так и не удастся. И тогда они решат использовать другое — радикальное — средство, чтобы избавиться от назойливого критика. 22 июня 1980 года В. Борисова насильно посадили в самолет и депортировали за границу.

Татьяна Великанова

Татьяна Михайловна Великанова. Наше знакомство было вначале односторонним. То есть я знал ее с осени 68-го. Кто-то, должно быть, на «Автозаводе», показал и назвал мне Татьяну, пояснив, что она жена того демонстранта на Красной площади, Константина Бабицкого. Весной 69-го я услышал, что она стала членом ИГ. Сама же Татьяна тогда вряд ли знала меня хотя бы по имени. И я не догадывался, что

впоследствии она станет для меня одним из довереннейших друзей.

Понемногу я узнал, что Татьяна по профессии – программист, окончила МГУ, когда-то преподавала в школе. Она года на полтора постарше меня, у нее две дочери и сын. Каково было ей без сосланного в республику Коми Кости вытягивать одной троих подростков?! Но не отговаривала она Костю, когда он сказал, что пойдет на демонстрацию против оккупации нами Чехословакии. Уважала его решение, понимала, что выступить, не смолчать он считает своим долгом. Татьяна тоже пришла на площадь. И сумела там, «на роковой площади», вынести невыносимое: удержаться, не закричать, не кинуться на выручку, когда погромщики из КГБ избивали ногами сидящих демонстрантов. Потому что понимала, что должна все увидеть, запомнить и потом – рассказать, чтобы мир узнал правду, как всё было в действительности.

...В их квартиру на улице Красикова я впервые попал в декабре 70-го, в достопамятный день возвращения из ссылки Константина Бабицкого. Накануне освобождения Костя, поскользнувшись, сломал лодыжку. И кто-то подсказал, что, мол, мне, как рентгенологу, следует проконсультировать снимок. Я попал прямо в застолье. Снимок я все-таки посмотрел, хоть и не до снимка тогда было...

Аресты, лагерные сроки, бессрочные заключения в «психушки» раз за разом выбивали людей из состава группы. До конца 1969 года вслед за Г. Алтуняном и В. Борисовым потеряли свободу еще четверо: М. Джемилев, А. Э. Левитин-Краснов, В. Красин и Н. Горбаневская. Шестеро – больше трети состава ИГ! – за каких-нибудь полгода. Продолжайся аресты так же густо и дальше, – к концу 70-го на воле не осталось бы ни одного члена ИГ. Что же делать? Пополнять состав ИГ новыми людьми? Но ведь и их скоро всех перехватывают. И однажды, задумавшись над этой не столь далекой перспективой, члены ИГ договорились: не станем никого больше принимать в группу. Пусть нас становится всё меньше – десять, девять, восемь... трое, двое, один... ИГ перестанет существовать, когда арестуют последнего. Этому решению (за единственным исключением, – об этом я скажу позднее) группа следовала до самого конца.

К 1976 году после многих перипетий и потерь в ИГ осталось только три «действительных члена»: Татьяна Великанова, Григорий Подъяпольский и Татьяна Ходорович. 9 марта от инсульта умер Гриша. В пустом вагоне метро, возвращаясь с поминок в первом часу ночи, я сидел рядом с Татьяной Великановой. Наше когда-то небольшое знакомство перешло к тому времени в прочную дружбу.

— Два человека — это в сущности уже не группа, — вдруг сказала Таня.

Что ж, если так... ведь я давно и не раз думал об этом шаге. И сам желал сделать его.

— Я мог бы войти в группу, — сказал я. Таня помолчала.

— Мы решили не расширять больше ее состав, — ответила она.

Спустя несколько дней я попробовал еще раз «посвататься» в группу. При встрече с Татьяной Ходорович я повторил и ей свое предложение. Увы, последние душеприказчики ИГ предпочли так и остаться последними. Сказав мне об этом, Татьяна Сергеевна вдруг прибавила, — и я до сих пор вспоминаю с благодарностью ее слова: «А я бы пошла с Вами в одну группу!»

...И вот под флагом ИГ — только две Татьяны. Они продолжают свою опасную правозащитную работу: собирают информацию о преследованиях за убеждения, за веру, за намерение уехать из страны; о борьбе узников совести за свои права в лагерях и «психушках». Все сведения надо как-то проверить и потом поместить в «Хронику». И суметь сохранить саму «Хронику», не дать ищейкам из КГБ выследить тех, кто редактирует и печатает этот «криминал» на машинке. А потом надо отдать готовые номера иностранным корреспондентам на пресс-конференции.

Надо помочь, дать приют женам и матерям политзэков, едущим к ним на свидание. И тесные квартиры обеих Татьян превращаются тогда в транзитные общежития.

И бывают события и поводы, на которые надо откликнуться и высказаться самим, выразить собственное к ним отношение: голодовки политических во Владимирской тюрьме, новые случаи психиатрических репрессий, взрыв в Московском метро. Правда, теперь Инициативная группа не одино-

ка: в мае 76-го родилась и уже энергично действует младшая сестра ИГ – Московская группа «Хельсинки».

И на совместных документах рядом с подписями членов МГХ стоит:

«От ИГ : Т. Великанова, Т. Ходорович».

Они хорошо понимают, что единственным воздаянием для них могут стать лишь долгие годы неволи, что если не сегодня, так через месяц, через год их обеих, как и их друзей, непременно посадят.

В ноябре 77-го вынужденно эмигрировала во Францию Т. Ходорович. С этих пор Т. Великанова осталась единственным человеком, упрямо продолжавшим подписывать правозащитные письма как «член Инициативной группы защиты прав человека».

Татьяну схватили 1 ноября 1979 года, и ее арест сделал очевидным намерение властей окончательно задавить в стране любую оппозицию. Правда, взяли Татьяну не последней из первоначального списка ИГ. Еще полгода на свободе оставался А. Лавут. Но продолжая быть активным правозащитником, Саша давно, уже лет шесть, не подписывал писем в качестве члена ИГ; его подпись под документами группы с тех пор появлялась не раз, но только в списке «поддержавших».

27–29 августа 1980 года в Мосгорсуде слушалось «дело» Татьяны Великановой. Известно, что суд по политическим делам в Советском Союзе – всего лишь спектакль с заранее написанным сценарием и с предрешенным финалом. Этому суду не нужна – и даже ненавистна! – истина; его задача – прикрыть флером благопристойности вопиющее беззаконие. Татьяна убедилась в этом на десятках примеров. И не захотела соучаствовать в недостойном действе. Она сидела в судебном зале спокойно и свободно, но не отвечала ни на какие вопросы. Она отказалась даже от последнего слова. И только после оглашения приговора (4 года лагеря строгого режима и 5 лет ссылки) произнесла: «Фарс окончен».

Татьяна Великанова стояла у начала, у колыбели ИГ, и ею же закончилась ее история.

...Остались позади трудные годы неволи. Отшумела радужная пора «перестройки». Распался и рухнул «союз

нерушимый» подконвойных советских республик. Все стало зыбким и пришло в движение. Неузнаваемо преобразилась Россия. В ней сейчас намешано всего: доброго и злого, нищеты и богатства, отчаяния и надежды. Россия очнулась от немоты, отвела взор от коммунистического миража, заведшего ее в непролазное, гибельное болото. Но до сих пор никак не выберется на твердую, надежную дорогу. Россия еще больна, тяжело и опасно больна. Обнадеживает одно: наша речь – свободна, – и в этом залог грядущего выздоровления.

...А Татьяна Великанова, наша любимая Танечка... у нее сегодня тринадцать внуков. Она вернулась к любимой педагогической работе. И сегодня опять преподает математику в школе.

Наталья Горбаневская

Наталья Евгеньевна Горбаневская. Год рождения – 1936-й. Окончила филфак ЛГУ. Наташа – основатель и первый редактор легендарной «Хроники», но я узнаю об этом только годы спустя. Пока для меня она – одна из тех демонстрантов на Красной площади 25 августа; единственная из них, она еще на свободе. Дело тут не в гуманности властей. А в том, что Наташа растит одна двоих сыновей: младшему, Осе, не было в том августе и четырех месяцев, а семилетнему Ясику в сентябре предстояло идти в школу. Официально, впрочем, Наташа объявлена невменяемой, сумасшедшей и отдана на попечительство матери.

Своим долгом перед потерявшими свободу товарищами Наташа считает – поведать миру правду об их отважном выступлении. И составляет книгу «Полдень», которую отдаст в «самиздат» в годовщину демонстрации.

И еще Наташа – поэт. Машинописные сборнички ее стихов хорошо известны в наших кругах. Очень скоро я полюбил трагический мир ее поэзии, где нет «ни счастья, ни покоя и ни воли», где любовь – это «обман» или «дичь» и где на плечо случайного любовника – как на плаху – роняет ее героиня свою кудрявую голову...

Вхождение Горбаневской в состав ИГ не было случайным. Оно целиком отвечало ее активной общественной позиции. Вплоть до своего ареста Наташа деятельно участвует в напи-

сании и редактировании документов ИГ. Однажды я оказался невольным свидетелем этого.

Поздняя осень 1969 года. Я опять на «Автозаводе». И опять читаю отпечатанный на машинке текст. Это еще одно предполагаемое письмо в ООН. И на этот раз письмо мне совсем не нравится. Не нравится прежде всего своим взвинченным, резким, почти обличительным по отношению к адресату тоном. Мол, сколько раз мы уже обращались в комиссию по правам человека с призывом осудить политические репрессии в СССР, — до каких же пор своим молчанием ООН будет потворствовать душителям свободы и палачам?! Уже несколько членов нашей группы арестованы или заключены в психбольницу; другим угрожают, допрашивают, проводят у них обыски; преследуют и тех, кто только поддержал наши письма. Мы требуем без промедления рассмотреть наши обращения и осудить творимый в СССР произвол.

Текст не понравился не только мне. Помню, как в ответ на чьи-то возражения в защиту письма решительно выступил Юра Штейн, в то время еще, как и я, из числа «поддерживающих». Помню его черную «кожанку», энергичные интонации, его слова, что пора перестать церемониться с этими лицемерами из ООН, боящимися раскрыть рот, вымолвить слово в защиту «политических» в Советском Союзе.

...И тут раздается звонок и появляется Наташа. Она махонького, как воробушек, росточка (в иных домах ей приходилось дотягиваться до кнопки звонка специально припасенной книжкой). Поздоровавшись, Наташа поправила большие круглые очки и присела к столу. Взяла листок с текстом. Прочла. И после недолгого молчания сказала: «Нет, так не годится. Надо решить, — к чему мы в самом деле стремимся? Ищем ли мы просто шума и скандала? Или хотим действительно найти для наших полит-узников помощь и заступничество со стороны ООН? Тогда не годится этот ультимативный тон. К тому же мы, в сущности, не знаем, почему ООН никак не реагирует на наши обращения».

Наташа взяла листок с текстом и ушла в соседнюю комнату. Через четверть часа мы читали переделанное ею письмо. В нем были приведены все те же примеры политических репрессий, перечислены те же фамилии жертв произвола. Но как

преобразилось письмо! Никакой истерики. Исполненный достоинства и вызывающий доверие тон. Точные, выверенные факты, которые красноречивей любых эмоций. И предложение – предоставить ООН дополнительные сведения о политических преследованиях в СССР.

«Что за умница Наташа!» – подумал я.

Выпавшие на долю Горбаневской испытания оказались пострашней лагеря. Наташу арестовали 24 декабря 1969 года. И пустили по проторенной психиатрической стезе. Казанская тюрьма-психарня. Для попавших сюда – отныне и навсегда – «мир кончается Казанью и грачьем криком в забранном окне». Ведь признанные невменяемыми бесправней осужденных. У тех – раньше ли, позже, – но кончается отмеренный приговором срок, – а «больных» полагается лечить до выздоровления или ремиссии. И жалобы бесполезны, – их скорее всего представят как симптом обострения болезни. Да и кому охота вникать в писания ненормального?!

Наташу («невменяемую») даже не доставляли в судебное заседание и осудили заочно. По счастью, ее защищала редкостный и отважный адвокат – С. В. Каллистратова. Отвести предрешенный вердикт Софья Васильевна, конечно, не могла, хотя отчаянно и до конца сражалась за Наташу. Но благодаря ей все материалы процесса Горбаневской, – в том числе преступное и безграмотное экспертное заключение профессора Д. Р. Лунца, – получили широкую – и даже всемирную! – огласку. И мир почувствовал шулерство «ученых мужей» из института им. Сербского! Не поверил в сумасшествие Горбаневской! Ее дело обернулось очередным позором для советских властей. В итоге в феврале 72-го власти сочли за лучшее освободить Наташу. Но теперь она – подранок. Угроза нового заточения в «психушку», как дамоклов меч, все время висит над ее головой.

Честь выше опасности. И когда в декабре 74-го был арестован Сергей Ковалев, Наташина подпись в очередной – последний – раз появилась под письмом ИГ в его защиту. Правда, теперь – в списке «поддержавших». А спустя еще год Наташе вместе с детьми пришлось покинуть СССР.

...Во Франции на протяжении многих лет Горбаневская сотрудничала в «Русской мысли». Эта газета постоянно сле-

дила за правозащитным движением в Советском Союзе, помещала материалы политических процессов, выступала в защиту узников совести. Помимо газетной работы, Наташа занималась переводами. И продолжала писать стихи. Несколько ее сборников выходит на Западе.

...Перемены на родине открыли для Наташи возможность посещать Россию. А в 96-м и на родине вышел большой сборник ее избранного «Не спи на закате». С Наташиной дарственной надписью он стоит сегодня на моей книжной полке.

Мустафа Джемилев

Мустафа Джемилев. Я встречал его лишь однажды – в жизни, и множество раз – в «Хронике». Не прошло и четырех месяцев после создания ИГ, как Мустафа был арестован. Впрочем, и без вступления в ИГ его всё равно бы скоро схватили. Уж больно допекали «родную советскую власть» настырные активисты крымско-татарского движения за возвращение на родину. Ну, чего им неймется? Вышвырнули их всех – с детьми, женщинами и стариками – из Крыма в 1944 году? Так ведь спустя 23 года признали, что малость погорячились, ошиблись, даже Указ Президиума Верховного Совета специальный приняли. Почти половина высленцев перемерла в дороге в битком набитых, запираемых на замок теплушках или в ссылке? А кто считал? Да и сказано уже, что да, были у нас промашки и перегибы. Чего вам еще нужно? К чему посылать каких-то представителей в Москву, беспокоить власти петициями с тысячами подписей? Ах, вы обратно в Крым хотите? А вас не пускают? Ну, какая же это дискриминация? Просто существуют паспортные ограничения.

А уж этот нахальный Джемилев! Да что он мог помнить о депортации, если его – вместе со всем народом – отлучили от Крыма в годовалом возрасте? Его родственники и сородичи погибли в дороге и на спецпоселении? Но ведь сам-то он – выжил? И наша страна вскормила-вспоила его, дала бесплатное образование, специальность. А он чем государству теперь отвечает? – черной неблагодарностью и клеветой.

Судили Мустафу (вместе с Ильей Габаем) в Ташкенте за «заведомо ложные измышления, порочащие советский

строй». Дали три года лагеря строгого режима. Мало, конечно. Ну, еще успеется.

И действительно, — успелось. Через полтора года после освобождения — новый арест, «за уклонение от военных сборов». Дали еще год. В лагере за три дня до конца срока завели новое дело, снова за «клевету на строй». Находясь под следствием в тюрьме, Мустафа объявил голодовку, — и почти десять месяцев, до самого суда его пытали искусственным кормлением.

На суде главный свидетель (и солагерник) Мустафы подложил обвинению свинью — отказался от данных против Джемилева на следствии показаний, заявил, что дал их под давлением, в результате шантажа и угроз. Но какое дело до этого суду? Мустафу все равно приговорили к двум с половиной годам лагеря.

Потом снова передышка — год с небольшим на воле. И новый арест — в феврале 79-го, — за «нарушение надзора». Приговор, полтора года лагеря, был «смягчен» — заменен четырьмя годами ссылки. Снова неволя, хоть и вне лагеря.

После окончания ссылки — еще одна полуторагодовая передышка. И новый арест. И опять за «клевету на строй» суд приговаривает Джемилева к трем годам неволи.

В ноябре 1986 года кончается и этот срок, — но Джемилева не отпускают на свободу. На него заводят новое дело. Неизвестно, какой срок ожидал Джемилева в этот раз. Но 8 декабря 1986 года в Чистопольской тюрьме погибает Анатолий Марченко, державший бессрочную голодовку с требованием освободить всех политзаключенных. Его трагическая смерть стала как бы выкупом за начавшееся вскоре освобождение узников совести. И проходивший 17—18 декабря — шестой! — суд приговаривает Джемилева к трем годам лишения свободы — условно. С испытательным пятилетним сроком. Мустафу освободили из-под стражи в зале суда...

После образования ИГ прошло семнадцать с половиной лет. Из них только три с половиной Мустафа пробыл на свободе. А в лагере отсидел — девять с половиной, да в ссылке провел четыре года.

...Сегодня Мустафа Джемилев — председатель меджлиса крымско-татарского народа, его признанный и уважаемый

лидер. Несколько раз я видел выступления Мустафы в передачах российского телевидения.

Сергей Ковалев

Сергей Адамович Ковалев. Год рождения — 1930-й. Биолог, кандидат наук, в то время молодой талантливый ученый. Ковалев — одна из центральных фигур не только Инициативной группы, но и всего правозащитного движения. Друг А. Д. Сахарова. Из бывших членов ИГ он сегодня известней всех. Впрочем, совсем не из-за своего давнишнего участия в группе, а прежде всего благодаря большой и разносторонней деятельности в парламенте новой России. К его выступлениям прислушиваются даже противники. При этом он совсем не оратор. Как у людей, не перестающих додумывать свою мысль, подыскивать для нее наиболее точное выражение, речь у Сергея не гладкая, а — запинаящаяся. Так, помнится, говорил и Сахаров.

Сергею глубоко свойственны совесть, чувство справедливости и потребность вступить за преследуемых. В этом он подлинный интеллигент в лучшем смысле этого слова. Быть может, разница между Ковалевым и средним россиянином в том, что он последовательней и настойчивее нас: мы поохаем, повздыхаем — и опустим руки. А Сергей будет дело делать, — помогать, защищать, — и все это без лишнего шума и болтовни.

И еще — он честней и отважней большинства. Там, где многие останутся, да еще оправдание себе подходящее подыщут, Сергей будет продолжать упрямо «упираться» и не спасует перед опасностью. Сергея не выносят люди с нравственной червоточиной, быть может, подсознательно ощущая его поведение как упрек себе...

В те годы я близко не знал Ковалева, хотя мы много раз встречались у общих знакомых и друзей. Находясь как бы в ближнем, относительно безопасном тылу, я понимал, что Сергей — на передовой, на самой линии огня, и с тревогой следил за его судьбой. Рассказать сколько-нибудь полно о деятельности Ковалева в составе ИГ я просто не в силах. В его судебном деле около 30 томов. Целая библиотека. А все обвинения сводятся к одному — к распространению Сергеем

неподцензурной — нежелательной и неприятной для властей — информации. Само собой, что вся эта информация жульнически и вопреки фактам объявляется клеветнической. Ковалеву возводятся в вину многие документы ИГ, заявления, обращения, письма в защиту преследуемых (часто за десятками подписей). Возобновление выпуска «Хроники» и составление семи ее номеров. Переданная на пресс-конференции 30 октября 1974 года на квартире А. Д. Сахарова информация о положении в лагерях и о «дне политзаключенного». И, наконец, — распространение «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына.

...Второй том «Архипелага» был изъят осенью 1974 года у В. М. Маресина, сотрудника и товарища Ковалева, при попытке переснять его на служебном ксероксе. Книгу он получил от Сергея.

А теперь, дорогой читатель, попробуйте встать на место Ковалева и решить, — как поступить вам в этих обстоятельствах.

...Это сегодня, в 90-х годах, «Архипелаг» Солженицына, наконец, напечатан в России и доступен каждому. Его можно купить в магазине, на уличных лотках, взять почитать в библиотеке. И сейчас трудно представить, каким опасным криминалом, каким антисоветским пугалом числилось в 1974 году (да и десятилетие спустя) это великое и скорбное повествование. «70-я статья» — своими ушами слышал я от одного из чинов КГБ чекистскую расценку этой книги.

...Итак, с криминалом, сулящим до семи лет одного только строгого лагеря, пойманы не вы, а ваш добрый знакомый. Конечно, я предполагаю вас, читатель, благородным человеком: вы озабочены судьбой своего друга и искренне хотите ему помочь. Но как? Разумеется, если вас спросят, вы без колебаний подтвердите, что именно вы дали своему другу злополучную книгу, — но поможет ли это ему? Да и будет ли ссылаться на вас ваш друг? — он ведь тоже благородный человек.

Самому, по собственной инициативе, заявить, что это вы дали том «Архипелага» своему знакомому и готовы нести за это всю ответственность? Это был бы мужественный и высокий поступок. Но Ковалев взял наивысшую планку.

Сергей обратился с письмом не к ведущему дознание следователю, не в прокуратуру. А напрямую к тогдашнему председателю КГБ Андропову. В своем письме он заявил, что изъятый том «Архипелага» принадлежит ему, является его собственностью. Но не о покорной готовности нести ответственность за «хранение и распространение» написал в своем заявлении Сергей. А о своем праве читать любые книги, о незаконности препятствования информационному обмену, о противоправности изъятия книги работниками КГБ, осуществляющими таким образом государственный разбой. И в заключение **потребовал** вернуть принадлежащую ему собственность — том «Архипелага».

По-моему, это было в подлинном смысле письмо из будущего. Потому что в нем звучали оценки и взгляды не тогдашнего, а завтрашнего дня. Конечно, многие и в то время понимали, что «Архипелаг» — не антисоветский пасквиль, а наша горькая история. Что когда-нибудь (лет этак через сто) эта книга непременно придет в Россию. Но одновременно мы как бы соглашались с «политической реальностью» своего времени: да, сегодня эту книгу забирают на обысках, да, за нее сажают «на всю катушку». Когда-нибудь это будет казаться абсурдом, варварством, но сейчас спорить против этого — что плевать против ветра.

Сергей не хуже нас понимал существующие политические реалии. Знал, что книгу ему ни за что не вернут. Понимал, что письмо Андропову станет еще одним кирпичиком в возводимом против него обвинении.

Но еще более важным он считал создать своим письмом прецедент, заявить: никакой политической охране не должно быть позволено переступать закон. И гражданин вправе требовать от государства соблюдения всех декларированных прав и свобод, уважения собственных, отличных от официальных, взглядов и мнений.

Наконец, дерзкое письмо шефу советского гестапо в какой-то мере отвлекало внимание, заслоняло другого участника инцидента с «Архипелагом» — В. М. Маресина.

...Последним документом за подписью Сергея Ковалева стал написанный им совместно с А. Д. Сахаровым призыв ко всеобщей — и всемирной — амнистии для узников совести.

На следующий день, 27 декабря 1974 года, Сергей Ковалев был арестован.

Вечером 30 декабря я поехал на проспект Мира к Татьяне Ходорович. Я часто бывал там, но в тот раз мой приезд, несомненно, был связан с арестом Сергея. Поднимаюсь в крохотном, как телефонная будка, лифте. Звоню. В гостиной кто-то из дочерей Ходорович сидит за чайным столом. Но Татьяна Сергеевна сразу проводит меня в дальнюю, меньшую комнату. Там горит только настольная лампа и оттого полутемно. За столом я вижу другую Таню – Великанову. И получается, что, кроме Гриши Подъяпольского, в комнате собрались все оставшиеся на свободе члены ИГ. Я хоть и не состою в группе, давно уже свой в их среде.

Таня протягивает мне листок с заявлением ИГ в связи с арестом Ковалева. Недостает конца – нескольких заключительных фраз.

– Сколько уже было таких писем! – говорит Таня. – Кажется, уже все слова перепробованы. Не хочется повторяться.

Читаю листок. Что еще можно сказать о Сергее? Он совсем не нечаянная жертва. Он – боец, сознававший, что страшная свобода слова, мстительная власть не простит ему разоблачений и жестоко расправится с ним. Он – заступник, под огнем спешащий на выручку гонимым и гибнущим людям. Он воистину из тех, кто «положил душу свою за друзей своих». Но как всё это выразить?!

Положив листок на стол, я дописал: *«Сергей Ковалев открыто выступал в защиту многих и многих несправедливо преследуемых людей, в защиту законности, гласности, человечности.»*

Сегодня в этой защите нуждается он сам.

Мы солидарны с Сергеем Ковалевым в его благородной деятельности. Мы требуем его освобождения.

Мы призываем всех согласных с нами людей выступить в его защиту».

Под письмом в защиту Ковалева, кроме трех оставшихся членов ИГ, поставили свою подпись еще 52 «поддержавших».

Увы, в советской стране добро и подвижничество – наказуемы! Суд «вознаградит» Сергея десятью годами: семью – строгого лагеря и тремя – ссылки. И это лишь видимая,

надводная часть айсберга. А скрытая, подводная, ни в каком приговоре не указанная часть наказания, — голод, холод, унижения? И надо быть готовым каждый день отстаивать от посягательств тюремщиков свое человеческое достоинство. И надо остаться собой, не озлобиться, не дать повредить свою душу. Дай Бог, дорогой читатель, чтобы слова «лагерь», «ШИЗО», «ПКТ», «крытка» навсегда остались для вас лишь вычитанными, пустопорожними, не наполненными собственным опытом понятиями! Но возможно ли тогда хоть в малой мере дать вам ощутить гнетущую тяжесть и горечь того, что стоит за этими словами? Как объяснить, что там приходится порой голодать (да еще и обрекать себя на пытку «искусственным кормлением»), чтобы добиться естественных, совершенно законных вещей: обследования и операции в Ленинградской тюремной больнице; встречи с адвокатом; непрепятствования подцензурной переписке; свидания с родными. Всего этого в достатке выпало на долю Сергея.

А постоянная тревога за близких и родных? В мае 80-го, когда Ковалев был еще в 36-м Пермском лагере, была арестована жена его сына, известная правозащитница Татьяна Осипова. А в августе 81-го (к тому времени 50-летнего Ковалева «за невыполнение нормы» отправили в Чистопольскую тюрьму) был арестован и сын, Иван Ковалев, пошедший по стопам отца. И Татьяна, и Иван состояли перед арестом членами Московской группы «Хельсинки», ставшей продолжательницей и восприемницей ИГ. Каждому из них суд тоже даст по десятке — 5 лет строгого лагеря и 5 — ссылки.

Да, не только дешевая колбаса и водка для жителей столицы, но и тюрьмы и «психушки» для всех несогласных, для самых честных и мужественных, — вот реалии эпохи, о которой так тоскуют сегодня державники и патриоты под красными знаменами.

Поразительно! — но спустя два десятилетия в буквально-сти реализовалась метафора из того, 1974 года, о заступнике, под огнем спешащем на выручку гибнущим людям. Вся Россия, весь мир увидели, услышали, узнали: останавливать чеченскую бойню первым бросился 65-летний правозащитник. Под рвущимися бомбами и снарядами депутат Думы Сергей

Ковалев свидетельствовал о преступной бесчеловечности войны, развязанной российским руководством. И так же отважно разоблачал ложь нынешних, «демократических» властей, как когда-то — коммунистических.

И снова, как и два десятилетия назад, подвижничество и добро — наказуемы! Сколько ненависти, оскорблений и неприкрытых угроз было выплеснуто на Ковалева «силовиками» и их подголосками! Понятно, почему они называют Ковалева предателем. Ведь именно он предал всемирной огласке и высветил их каннибальские подвиги, их вопиющий военный непрофессионализм и бездарность, их тупое равнодушие к жизни и смерти не только чеченских «боевиков», но и мирных жителей, и даже собственных солдат. С этими ясно. Ненависть виновников чеченской бойни к Ковалеву объяснима и естественна.

Труднее понять словоблудие людей, прямо не причастных к развязыванию чеченской войны. Их руки не запачканы в крови, — почему же благородная миссия Ковалева вызывает у них столько ярости и озлобления? Думаю, что дело тут в их идеологической зашоренности. Она заставляет «патриотов» делить мир на «наших» — постоянно правых! — и чужаков, — коварных и безжалостных врагов. А если враг не сдастся — его уничтожают. И никакого снисхождения не должно быть для тех, кто, путаясь под ногами и разглагольствуя о «правах человека», мешает справедливому возмездию. Наши горе-патриоты не замечают ни разбомбленных городов, ни десятков тысяч погибших, искалеченных, потерявших свой кров и обезумевших людей. Или полагают все это приемлемой ценой за сохранение неделимости страны. Слепленные великодержавными шорами, они в упор не видят, что подталкивают Россию прямиком к пропасти. В этом их опасность. Но в этом и их трагедия. Мне жаль таких людей и больно за них.

Но вернемся в 70-е годы. Еще кажется крепким Советский Союз; еще живы Брежнев и Андропов; еще не бомбили ни Сухуми, ни Грозный.

С декабря 74-го минет скоро 6 лет, но Сергей Ковалев все еще в лагере. Как тянется в заключении время! Подходит,

подползает к концу назначенный приговором срок, а на душе порой кошки скребут. Выпустят ли хотя бы в ссылку? Да и из ссылки так просто вернуть обратно в лагерь. Сколько их было — дутых повторных дел! Если бы кто-нибудь тогда вдруг сказал, что через 10 лет Ковалев станет депутатом парламента России, все — да и сам Сергей — сочли бы его слова за глупую и неуместную шутку.

...Свою «десятку», — и лагерь, и тюрьму, и ссылку, — Сергею предстояло отбыть «от звонка до звонка».

Виктор Красин

Виктор Александрович Красин. Он всего на год старше Ковалева. Но за его плечами — свыше 5 лет сталинских лагерей. 20-летним студентом МГУ он вместе с шестью товарищами был арестован в январе 1949 года и получил по решению Особого совещания (ОСО) 8 лет лишения свободы. В 54-м, после смерти Сталина, дело пересмотрели, и Красин был освобожден и реабилитирован.

Эта катастрофа была не первым чекистским прикосновением к биографии Красина. В 37-м, когда он был восьмилетним мальчиком, арестовали его отца, и он сгинул на Колыме...

Лагерь неизбежно оставляет рубцы в душе человека. Его разлагающему влиянию стойче могут противостоять взрослые, сформировавшиеся люди. Молодежь больше других подвержена лагерной порче.

В сущности, я был мало знаком с Красиным. Но одна картина ярким пятном до сих пор стоит перед моими глазами. Через десятилетия доносится до моих ушей яростный рев песни про побег из лагеря. Многие ее строки с той поры запомнились мне. Недавно мне довелось вновь услышать эту песню. В фильме Э. Рязанова «Небеса обетованные» ее поют два бывших лагерника, прошедших через сталинскую костоломку.

«Автозаводское» застолье. Сидящий у торца Виктор начинает:

Мы бежали с тобою
Зеленеющим маем...

Петр Якир, уже крепко подвыпивший, с бешеным азартом подхватывает припев:

По тундре,
По железной дороге,
Где мчится скорый
«Воркута – Ленинград».

Тогда я еще не знал, насколько этот сюжет перекликался с судьбой самого Красина: в 1949 году Виктор и четыре его сокамерника, разоружив конвой, бежали с Тайшетской пересылки. Должно быть, оттого романтика этой песни так брала его за душу.

...Погоня почти настигла беглецов, их окружают, вот-вот их схватят охранники.

Но они просчитались.
Окружение пробито.
Кто на жизнь смотрит смело,
Того пули шадят.

Виктора и беглецов с Тайшетской пересылки поймали на третьей сутки. Но песня славит счастливый конец:

Мы теперь на свободе,
О которой мечтали,
За которую можно
Хоть полжизни отдать.

Не помню ни лиц окружающих, ни выражения самого Виктора. Мне запомнились только его по-блатному босые, вытянутые под столом ноги...

Испытания по-разному сказываются на разных людях. В Красине они взрастили, вероятно, и раньше ему свойственные тщеславие и гордыню. Мог ли он, прошедший через лагерный ад, считать ровней себе ничего подобного не изведавших благополучных фраерочков, хотя бы и своих со товарищей по ИГ?! Высокомерно презирая интеллигентское копанье в словах и формулировках при составлении документов, Красин предпочитал иной, более заметный род деятельности. В тот первоначальный период именно Красин и Якир как бы ведали связью группы с иностранными корреспондентами и передавали им заявления ИГ. Благодаря этому их имена чаще других звучали по «голосам». Это выделяло их из общего ряда, делало более известными, и, должно быть, льстило их самолюбию.

В декабре 1969 года Красин почти на два года оказался оторван от ИГ. Воспользовавшись тем, что он свыше года

нигде не работал, суд приговорил его за «тунеядство» к ссылке в Красноярский край. Суд не принял во внимание возражений его тогдашней жены, Анны Красиной, матери троих его сыновей-подростков, заявившей, что претензий к мужу она не имеет. Что Красин много лет полностью содержал семью, а сейчас работает над диссертацией. Стоящий за этой акцией КГБ имел свои виды: обезглавить ИГ, лишить ее энергичного и деятельного лидера. Но вот сегодняшнее суждение Т. Великановой, которой ситуация тех лет и коллизии среди членов группы известны не понаслышке: «Им не следовало отправлять Красина в ссылку. Если бы он остался в Москве, то вскоре развалил бы ИГ».

В чем же была суть конфликта Красина и Якира с большинством членов группы? Это извечный спор о соотношении цели и средств. В борьбе с произволом советских властей Красин и Якир считали допустимыми контакты и помощь со стороны НТС. Сегодня понятно, что «Народно-трудовой союз» не был тем уродливо-карикатурным монстром, каким представляла его советская пропаганда. Но симпатий эта эмигрантская организация не вызывает у меня и поныне. В начале 70-х мне довелось прочесть программу НТС. Помню, там, в частности, декларировалось намерение создавать конспиративные ячейки, предполагалась, по крайней мере допускалась, возможность вести вооруженную борьбу за свержение существующего строя. Все это шло настолько в разрез с принципами зарождавшегося правозащитного движения, что я полагал недопустимым иметь дело с подобной организацией.

Красин и Якир считали подобные соображения интеллигентским чистоплюйством. И, не считаясь с мнением товарищей, даже не ставя их об этом в известность, гнули за их спинами свою линию. Когда эти художества и заигрывания с НТС нечаянно обнаруживались, происходили острые столкновения. По-видимому, именно в этой связи А. Якобсон в 1970 году временно выходил из Инициативной группы. В отсутствии Красина подобных конфликтов было меньше, и оставшимся стало легче работать.

В ссылке, по свидетельству самого Красина, начались его игры и торговля с госбезопасностью. В конце 1970 года следователь КГБ закинул пробный крючок, пообещав, что

Красину разрешат вернуться в Москву, если он напишет заявление об отказе от правозащитной деятельности. Красин клюнул на эту наживку. Он ответил, что готов дать такие заверения, но — устно. Тем не менее в сентябре 1971 года Верховный суд РСФСР (несомненно — с подачи КГБ) отменил приговор о высылке. Красин вернулся в Москву, пробыв в ссылке менее двух лет (вместо пяти по приговору). С ноября 1971 года подпись Красина вновь несколько раз появляется под документами ИГ.

Красин был арестован 12 сентября 1972 года. В течение двух месяцев он, согласно его рассказу, отказывался давать показания. Потом начались отступление и сдача позиций, перешедшие вскоре в слом и окончательную капитуляцию. Красин не только покаялся и отрекся от прежних воззрений и утверждений. Не только рассказал всё о собственной деятельности. Не только дал подробные показания на своих прежних товарищей. Хуже всего, что своей скверной он стремился заразить других, проповедуя — на очных ставках и в письме на волю — свои «новые воззрения» и призывая всех последовать своему примеру.

Мне повезло, — я не был близко знаком с Красиным. Никогда не бывал у него дома. Ни он у меня. Он ничего не давал мне для сохранения. Иначе мне бы пришлось, как одному из приятелей Красина, слушать в Лефортово настояния Виктора отдать дознавателям из КГБ полученный у него самиздат и успокоительные заверения следователя, что «ни один волос тогда не упадет с моей головы». И мгновенно решать, — подтверждать или нет показания Красина, отдавать или нет злополучную «крамолу».

Мне повезло, — в те времена мне еще не доводилось передавать западным журналистам правозащитные материалы. И потому следователь на допросах не мог, используя красинские показания, изобличать меня в этом, как Ю. Мальцева или А. Амальрика.

Мне очень повезло, — мне не пришлось, как Ирине Белгородской, Илье Габаю и другим, знакомиться на очных ставках с новыми взглядами «железного» Виктора, выслушивать его призывы, — помогать кагэбэшному следствию, признаваться во всем и не стесняться давать показания на товарищей.

Да, я читал переданное Красиным на волю (с разрешения следователя) письмо, в котором всё это подробно изложено. Но отравы, перенесенная на бумагу, прочитанная и перечитанная в спокойной обстановке, много теряет в своей действенности. Иное дело — воочию увидеть новое обличье своего знакомого, своими ушами услышать, как яд сочится из его уст, собственной кожей ощутить гибельную цену неосторожно сказанного на допросе слова. Да, не поддаваться, выдержать это трудное испытание все равно возможно. И многие с честью прошли через него. Но не все. Первой жертвой красинской отравы стала Надя Е., девушка, полюбившая Виктора, приезжавшая к нему в ссылку и ставшая к тому времени его женой. На свиданиях (оформляемых под видом очных ставок) Красин, по существу, склонил ее отказаться от противоборства с ГБ. И вскоре Надя начала давать показания...

В дальнейшем Красин — на очных ставках и в упомянутом письме — напрямую призывал всех сотрудничать со следствием, сея семена предательства и измены. Еще несколько человек поддались на его уговоры. Но ожидаемого богатого урожая КГБ так и не собрал.

На суде Красин (как и Якир) полностью признал себя виновным. Покаявшимся «лидерам» дали по 3 года лагеря и по 3 — ссылки. Но и этот — по советским меркам мягкий — приговор был снижен при кассации. Каждому оставили только ссылку, причем поблизости от Москвы. Через год оба подельника были помилованы. А в феврале 75-го Красин (вместе с Надей Е.) эмигрировал в США.

Стоит упомянуть о двух до той поры беспримерных обстоятельствах. Одно из них достаточно известно. Это — состоявшаяся 5 сентября 1973 года, через несколько дней после суда пресс-конференция Красина и Якира, причем в присутствии иностранных журналистов. В отрывках ее показывали у нас по телевидению, подробно освещали в газетах. На этой пресс-конференции они сказали всё, что требовалось властям: об искренности своего раскаяния, о клеветническом, враждебном по отношению к нашей стране характере деятельности ИГ, об инспирированности оппозиции из-за рубежа. Словом, подельники честно отработали дальнейшее облегчение своей участи.

О другом, совсем не рядовом событии рассказал впоследствии Красин. Оказывается, сразу после окончания суда у него была встреча в Лефортово с самим Андроповым. Председатель КГБ сразу же заверил Красина, что вынесенный приговор будет смягчен. И, развивая беседу, спросил, готов ли Красин выступить перед иностранными корреспондентами. А то, мол, на Западе сомневаются в подлинности вашего раскаяния. Торг продолжился, таким образом, на самом высоком уровне.

Красин согласился. Шеф КГБ получил подтверждение, что встреча вчерашних диссидентов с журналистами пройдет без каких бы то ни было неожиданностей и срывов. Стороны, похоже, остались довольны друг другом.

В чем причины позорного падения Красина на следствии и суде? Не хочу строить догадки. Выслушаем человека, которому случившееся известно во всех подробностях и не понаслышке. Это сам Красин, издавший уже в эмиграции, в 1983 году, книжку «Суд» (большие отрывки из нее напечатаны в № 23 «Огонька» за 1990 год). В книге Красин не щадит себя. Он прямо пишет, что купил свободу «в обмен на предательство». Называет себя «заблатненным лагерником, спасавшим свою шкуру». Признает, что своим примером и уговорами «толкал на низости» и способствовал духовному слову недавних сотоварищей. Красин не скрывает, что, когда находил это выгодным, не задумываясь, ставил под угрозу даже случайных, далеких от правозащитной деятельности лиц. Ибо они для него «были только фигурами в шахматной партии».

Красин объясняет, что к сдаче его вынудили угрозы назначить «высшую меру» (то есть расстрел) путем переквалификации обвинения с диссидентской 70-й статьи на 64-ю («измена родине»). Предлог для такой переквалификации дал в сущности он сам — своими контактами с НТС, о которых, разумеется, проведаль КГБ и от которых его тщетно предостерегали товарищи. Вероятно, угрожая расстрелом, следователь просто блефовал. Но Красин, по его словам, воспринял эти угрозы всерьез. Он потерял сон, мучился от головных болей. Между тем многочасовые допросы происходили почти ежедневно. Наконец Красин решил в качестве

пробного шага сдать хранящийся у одного из его товарищей самиздат.

Страх — плохой советчик. За первой уступкой последовала другая. Потом — еще одна. Следователь Александровский, по признанию Красина, ловко играл на его честолюбии и тщеславии. Он внушал, что именно Красин и Якир — подлинные лидеры «движения». Многозначительно намекал, какое важное значение придают их делу «наверху», — о нем, мол, раз в неделю докладывают самому Андропову. Одновременно Александровский подсказывал благовидное обоснование для капитуляции и предательства: «Ваше движение потерпело поражение и легко может быть раздавлено. Но лучше избежать напрасных жертв. На вас, как на лидерах, лежит ответственность за судьбу тех, кто пошел за вами. И даже если ваши товарищи сейчас вас осудят, — надо стать выше этого. Ради спасения многих необходимо пожертвовать своей репутацией и даже принять на себя позор предательства».

Свою книгу Красин завершает признанием, что к катастрофе его привели «гордыня, тщеславие и высокомерное отношение к людям». Наверное, это действительно так.

Не стоит, по-моему, демонизировать Красина и возводить его в ранг злого гения ИГ и чуть ли ни всего правозащитного движения. Человек не без способностей и не без достоинств, он был сжигаем честолюбием и жадной славой. Он видел себя только лидером и вождем. А к роли побежденного себя просто не готовил. Переигранный и сломленный, он забыл, что оппозиция тоталитарной власти изначально не надеялась одержать победу, но и в видимом поражении утверждала себя силой правоты. И капитулировал перед сильнейшим противником, признавая тем самым правоту силы.

Красин обманул и перехитрил сам себя. С опозданием осознав это, он казнится в своей книге. И в ее заключительных строках просит прощения «у всех, перед кем был так тяжело виноват».

В 91-м Красин возвращался в Россию. Однажды я мельком видел его, — на похоронах В. Гершуни, одного из «поддержавших» первое Обращение ИГ. Виктор жаловался на здоровье и говорил, что пишет воспоминания.

Сейчас Красин, как мне говорили, снова вернулся в США.

Александр Лавут

Бывают люди – неприметные внешне, но исполненные внутренне редких достоинств и благородства. Пока нет нужды в их помощи, – они как бы в тени. Но свалится на тебя беда, – и такой человек окажется рядом и подставит свое плечо. Минет надобность в его помощи, – и он снова отступит в тень. Он не замыкается в себе, но и не нараспашку. Ненавязчив и надежен. Доброжелательный к людям, он не имеет врагов. Появляется такой человек без шума и суеты, даже звонка почему-то почти не слышать, словно не в дверь он вошел, а сквозь стенку просочился. Но и не призрак вовсе: и за столом посидит, и поговорит, и пошутит, и водочки выпьет, и закусит, и трубочкой попыхтит. А потом опять незаметно исчезнет, точно в воздухе растворится.

Таким знают друзья Сашу Лавута. Александра Павловича. Таким и я узнал Сашу, когда для этого пришла пора. А до того много лет мы были просто хорошими знакомыми, перебрасывались при случае несколькими фразами, множество раз виделись у общих приятелей и друзей. Разумеется, я всегда помнил о Сашином участии в ИГ, догадывался и о его причастности к «Хронике». Но все-таки я не представлял степень его вовлеченности в правозащитные дела, тем более, что в 1973 году имя Лавута выпало из списка членов ИГ. Софья Васильевна Калистратова, наш старший друг, советчик и поверенный, рассказала мне подоплеку происшедшего. На Сашину семью обрушилось тогда тяжкое горе, – трагически погиб их 14-летний сын Миша. В это же время и над ИГ нависли грозные тучи, отягченные предательством Красина и Якира. Опасность грозила всем. Но мысль, что могут посадить Сашу, была для его товарищей особенно нестерпимой. Что станет тогда с Симой, Сашиной женой, еще не оправившейся от страшной потери? Со всей его осиротевшей семьей? Не подкосит ли их этот новый удар? И друзья – прежде всего Сергей Ковалев – почти силком уговорили Сашу не подписывать – «пока» – документы группы. Возможно, эта наивная уловка и вправду отдала Сашин арест. А скорее – была успокоительным самообманом. Потому что «органы», бдительно следившие за оппозиционерами, несомненно,

знали, — Саша не отошел от друзей, не оставил своей «хроникерской» деятельности. После годичной паузы подпись Лавута снова стала появляться под правозащитными письмами и документами ИГ, правда, теперь только в списке «поддержавших». Сами же друзья продолжали ощущать Сашу совершенно своим. Так что через десятилетия им даже не верилось, — а что, разве фамилия Лавута не вернулась со временем в список членов ИГ? Сам Саша в позднем разговоре со мной в числе причин приостановки своего членства в ИГ упомянул и такую: он — представьте! — полагал собственное участие в работе группы «недостаточным для того, чтобы носить такое высокое звание»...

Я ближе сошелся с Сашей в конце 79-го, когда мы оба вошли в «Комитет защиты Татьяны Великановой», образовавшийся вскоре после ее ареста. Решено было выпускать бюллетень. Первый его номер составил быстро и без проблем: он целиком состоял из множества индивидуальных и коллективных писем людей, потрясенных Таниным арестом. Во втором номере надо было рассказать о ходе следствия. Материал об этом был собран, оставалось только его обработать. Для этого я заехал в памятную мне квартиру на улице Красикова, где так не хватало хозяйки и где жили сейчас ее дети и внуки. Танина дочка Юля (а может быть Наташа, ее невестка) отдала мне записи, сделанные теми, кого вызывали на допросы по Таниному делу. Опыта редактирования у меня, правда, не было, но не отступать же? И я храбро принялся за работу. Увы, справиться с собранной информацией оказалось не так просто. Надо было сокращать материал, но боязнь упустить что-то важное сковывала мою руку. Провозившись часа два, я все же составил длинноватый, но, как мне показалось, приемлемый текст. Не слишком довольный им, я оставил его для перепечатки.

Когда я заехал в следующий раз, то увидел готовые экземпляры бюллетеня. Мне сказали, что вскоре после меня приезжал Саша. Что он еще раз редактировал текст и просил узнать, — согласен ли я с его правкой. Да, в Сашиной работе чувствовалась школа «Хроники». Никакой воды. Составленный мной рыхлый рассказ о следствии был сокращен раза в полтора. При этом ничего не было упущено. Лапидарность

изложения лишь делала каждый факт выпуклей и отчетливей. Я увидел, как умелой компоновкой можно сказать больше сказанного, выявить неявное, сделать видимой скрытую связь несвязанных на поверхностный взгляд событий.

...4 января 1980 года была вызвана в милицию, а оттуда препровождена в суд Татьяна Осипова. Под вздорным, пригнанным за уши предлогом (якобы «за мелкое хулиганство» и сопротивление властям во время обыска у Ирины Гривниной, подруги Осиповой) ее присудили к 15 суткам административного ареста. Протестуя против ложного обвинения, Осипова отказалась от арестантских работ. За это срок ее ареста был 8 января продлен судом еще на 10 суток. Прямо в зале суда Осипова объявила голодовку...

Но почему эта история с административным арестом Осиповой попала в бюллетень нашего Комитета? Имеет ли она отношение к делу Великановой? Доказать эту связь невозможно, но такое предположение выглядит весьма правдоподобным. Ибо административная акция против Осиповой случилась спустя шесть дней после ее допроса по делу Великановой. Допроса, на котором Осипова вывела из себя следователя Каталикова своей подчеркнутой солидарностью с Великановой и отказом отвечать на его вопросы. В нашем бюллетене аккуратно выстроена последовательность этих событий. А дальше читатель волен решать сам — была ли милицейская акция против Осиповой случайностью или же возмездием за ее «вызывающее» поведение на допросе...

История эта стала поводом для нашей с Сашей поездки в женский милицейский спецприемник, куда поместили Осипову. Мы надеялись что-то разузнать о ней и, если получится, отговорить от продолжения голодовки. В свидании с Осиповой нам сразу категорически отказали. Я было решил, что наша поездка окажется совершенно напрасной. Саша же продолжал мягко, но настоятельно повторять, что Осиповой — голодающей! — должны выдать постельные принадлежности и что мы просим хотя бы принять для нее записку. И вдруг милицейский офицер разрешает передать нашу записку. В ней мы советовали Осиповой не мучить себя понапрасну и прекратить голодовку (убедить эту упрямыцу нам,

конечно, не удалось, и она отказывалась сама принимать пищу вплоть до освобождения).

Поход в поддержку Осиповой стал как бы прелюдией другой нашей знаменательной встречи, случившейся немного месяцев спустя и совсем рядом от места, куда мы в тот раз ездили. Почти час мы тогда провели с Сашей вдвоем и всласть наговорились, как оказалось — на шесть лет вперед.

А тогда, выходя на улицу, Саша показал мне рукой на соседнее с милицейским здание, верхние этажи которого виднелись из-за глухой каменной стены: «Бутырская тюрьма!»

...По ту сторону глухой Бутырской стены и всей своей прежней жизни я очутился 10 апреля 1980 года. А спустя 19 дней в том же Бутырском «спецу» по соседству со мной оказался и Саша. Тюрьма — другая, совсем особая жизнь, размеренная, сумрачная и скучноватая. Другой, замкнутый, серовато-бессолнечный мир со своими обычкновениями, заботами, тревогами, огорчениями, а порой и маленькими радостями. Подъем, утренняя и вечерняя поверка, хлопанье открываемой «кормушки», бесшумное морганье «глазка», прогулка в бетонном дворике, — вот будничные каждодневные распорядок. Неожиданные, хоть их и напряженно ждешь, вызовы к следователю. Внезапные, как вихрь, камерные «шмоны». Первая передача — первый привет с воли. Значит, родные отыскали тебя, они знают куда, в какую тюрьму тебя заперли, и ты уже не так одинок.

С течением времени начинаешь больше видеть, слышать и замечать. Особенно обостряется слух. Вот неподалеку хлопнула «кормушка», за ней другая. Это по коридору к нам приближается баландер. Скоро ужин. А вот кто-то перекрикивается с соседями через окно:

— Три-два-семь! Три-два-семь! — вызывают на разговор 327-ю камеру.

— Три-два-семь слушает! — доносится ответ.

— Лешку позовите.

Неведомого Лешку из 327-й «хаты» просят подослать курево. Или еще какой-то «подогрев». Как? Есть разные способы. Если камеры поблизости — можно попробовать соорудить и подогнать «коня», перебросив нитяной мостик к соседнему окну. Или суметь сговориться с обслугой из заключенных,

с баландером или с библиотекарем, переходящих от одной «кормушки» к другой. Все это, разумеется, строго запрещено и наказуемо. Да и обслуга под постоянным присмотром тюремных контролеров. Но такова жизнь, — все равно десятки невидимых ручейков подспудно сочатся в тюрьме из камеры в камеру. Впрочем, меня-то это не касается. У меня ведь нет тут ни подельников, ни знакомых.

— Три-ноль-два! Три-ноль-два! — звучит вдруг за окном «позывной» нашей «хаты».

— Три-ноль-два слушает! — откликается кто-то из моих соседей. Интересно, кого из них приглашают «на провод»?

— Терновского Леонарда позовите.

Меня! Но кто же меня тут разыскал? Кто здесь обо мне знает?

— Это Саша Лавут. Я в триста восемнадцатой. Как ты? Тебе что-нибудь нужно?

Значит, и Сашу тоже... Встав напротив окна, я ответил громко и отчетливо:

— У меня все нормально. Мне ничего не нужно. А как ты?

Соседи сигналият — позади приоткрылся, мигнул дверной глазок. Все. «Расход». Разговор окончен.

Чем мог мне помочь Саша, такой же, как и я, бесправный узник Бутырки? Реально — ничем. Но он уже помог мне — через забранное решеткой и «ресничками» окно, сквозь которое не пролететь и воробью, до меня долетели слова дружеского участия.

Спустя несколько дней Саша прислал мне записку. Я ответил, не забыв, разумеется, уничтожить крамольную «ксиву». Мое послание Саша тоже получил, прочел и уничтожил. А следующую записку нашли у него при камерном «шмоне» прежде, чем он успел ее мне отправить.

...Нас, человек 10 арестантов, ведут с руками за спиной тюремными коридорами и лестничными маршами куда-то вниз. На первом этаже Сашу и меня вдруг отделяют от группы и запирают в крохотном темном боксике. Мы остаемся вдвоем.

Нет, мы не были настолько наивными, чтобы допустить, что нас оставили одних случайно или по ошибке. Мы понимали и все время имели в виду, что наш разговор **слушают**.

Но нас это почти не стесняло: про какие-то частности можно шепнуть в самое ухо, о чем-то дать понять без слов. А главное, — мы ведь не подпольщики и не таили свою оппозиционность. Наша правозащитная деятельность принципиально велась открыто, и потому секретов у нас почти не было.

От Саши я узнал, что забрали его 29 апреля. На обыске в день ареста в числе прочего у него взяли 1-й и 2-й бюллетени нашего Комитета, несколько номеров «Хроники», причем последний, 55-й, — с его рукописными пометками. (Собирался ведь запрятать номер в одно место, где бы его вряд ли нашли, да поленился, — посетовал он.) Арестованный после меня, Саша знал, что я в Бутырке. Попав сюда, он начал меня разыскивать и сумел узнать номер моей камеры. Тут сейчас еще несколько наших знакомых — редакторы самиздатского журнала «Поиски» Валерий Абрамкин, Виктор Сокирко и Юра Гримм. Саша сказал, что, как он думает, недавно, уже после того, как он оказался в Бутырке, арестовали еще кого-то из правозащитников, женщину. Скорей всего — Таню Осипову. Об этом ему дала знать Сима, его жена, положив в очередную передачу условное число чесночных головок и луковиц. (Саша не ошибся. Осипову действительно арестовали 27 мая. А мне вспомнился наш совместный январский поход; я вспоминал о нем и раньше: ежедневно, когда меня с сокамерниками выводили на прогулку, в окне по ту сторону тюремного коридора я в течение мгновения видел кусочек воли — переулочек с идущими куда-то людьми и угол того млицейского здания, куда мы с Сашей приезжали тогда в поисках Осиповой.)

...Прошло, наверное, около часа. Открылась дверь боксика, и нас опять повели вниз — в подвал. Там нам объявили взыскание — по 10 суток карцера «за межкамерную связь». Отобрав матрасовки со сложенными в них личными вещами, нас развели по карцерным одиночкам.

...Освещенная тусклой лампочкой сырая каменная коробка шагов пять в длину и меньше трех в ширину. Выходящее в прямом забранное двойной решеткой оконце. Узкий голый лежак, на день поднимаемый и пристегиваемый к стене, и отмыкаемый только после отбоя. Торчащий возле стены бетонный пенек, на который можно присесть днем; на него

в опущенном положении опирается лежак. Подобие крохотного стола, намертво вделанное в пол. И наконец, шедевр советского тюремного саноборудования — гибрид умывальника с унитазом. У этого чуда техники XX века нет спускающего устройства; но раз в сутки, утром, из установленной над унитазом трубки в течении минуты льется вода. За эту минуту надо не только умыться, но и справить все естественные потребности. Потому что когда воду выключат — ничто не сможет содержимого и придется до следующего утра наслаждаться бодрящим ароматом отхожего места. Ни прогулок, ни курева; пониженная норма питания с горячей пищей через день.

В карцере у меня было маленькое приключение. Замок, пристегивающий поднятый лежак, оказался с дефектом, койка сорвалась и ударила меня по лодыжке. Удар был, вроде, несильным, но нога начала распухать и болеть. Я охромел; стало трудно не только ковылять до «кормушки», но и сидеть. При очередной проверке я пожаловался на ушибленную ногу. Вряд ли надзиратели обратили бы внимание на мою жалобу, но двери в карцере имеют уши. Кроме Саши, там в это время находился и Виктор Сокирко. Вместе они стали требовать, чтобы меня осмотрел врач. И для моей больной ноги была сделана поблажка: в течении нескольких суток койку в моем карцере не пристегивали к стене и я мог днем отдыхать лежа.

К концу карцерного срока моя нога еще не прошла, краснота и отечность пошли куда-то вверх. Я расклеился, — едва ли не единственный раз за три года моего заключения. Появились одышка и слабость. И когда, вернув личные вещи, нас с Сашей повели обратно на этаж, я почувствовал, что несколько лестничных пролетов вдруг стали для меня нештучным испытанием.

Саша понял это без слов. И, невзирая на мои возражения, подхватил мою матрасовку и вместе со своей ташил ее по лестницам да нашего этажа. А ведь ему было уже за 50, он на четыре года старше меня, и он тоже только что вышел из карцера. Нас развели по камерам. А спустя несколько дней утром вдруг приоткрылась «кормушка» в моей камере, и мне велели собираться «с вещами». Меня почему-то переводили в другую московскую тюрьму, в «Матросскую тишину», но я

тогда не знал об этом. Напоследок я прокричал в окно: «Три-один-восемь! Три-один-восемь! Это Леонард. Меня куда-то забирают “с вещами”».

Сашин суд проходил 24–26 декабря 1980 года. По известной «диссидентской» статье 190-1, за «клевету» на родную советскую власть. Все процессы над правозащитниками в своей сути похожи один на другой – предрешенностью приговора и заведомой глухотой судей к доказательствам правоты обвиняемых. И в то же время каждый такой суд своеобразен и неповторим, так как несет отпечаток личности подсудимого.

Доброта способна быть заразительной. В деле Лавута поражает открытое сочувствие к нему всех допрошенных в судебном заседании сослуживцев, не побоявшихся дать Саше – и в профессиональном, и в человеческом плане – самые высокие характеристики (впоследствии это, разумеется, не прошло для них даром).

От начала и до конца процесса Саша отстаивал свое – и каждого! – право на свободу информационного обмена. И спокойно подтверждал (в отношении свидетелей, самих не скрывавших этого), что – да, давал им читать такие «крамольные» по тем временам книги, как солженицынские «Архипелаг ГУЛАГ» или «Ленин в Цюрихе».

Характерен такой эпизод. На суде были оглашены показания Е., лжесвидетеля и провокатора, написавшего на Сашу донос в КГБ с просьбой «принять к нему меры». Вот Сашины пояснения: «Е. сам пришел ко мне домой осенью 1976 года. Очень скоро я решил, что Е. ко мне подослан, но в силу своего характера не мог указать ему на дверь». Что же дальше? Дальше Саша (по просьбе Е.) дает ему читать... «Архипелаг ГУЛАГ». Оплотность? Наивность? Непонятное затмение? Нет, принципиальная открытость. Подтвердив в суде, что действительно давал Е. «Архипелаг», Саша так же спокойно отшел от мелкой лжи, содержащейся в показаниях провокатора.

В своем последнем слове Саша захотел ответить на вопрос, заданный ему в начале судебного заседания председательствующим: «Неужели вы, Лавут, не видите ничего хорошего в стране, в которой живете? Неужели вам здесь ничего не нравится?» Саша так ответил судье: «Мне нравится моя страна. Мне нравятся люди. Все». (Как тут ни вспомнить

булгаковского Иешуа Га-Ноцри, обращавшегося ко всем людям со словами: «Добрый человек!»)

Признав Сашу, как и Иешуа, опасным преступником, добрые люди приговорили его — правда, не к казни на кресте, а к трем годам лагерей. А спустя три года другие добрые люди не отпустили его по концу срока на волю, и по той же 190-1 статье осудили его еще к пяти годам ссылки.

...На свободу Саша вышел лишь в конце 1986 года, с началом «перестройки».

Анатолий Левитин (Краснов)

Об Анатолии Эммануиловиче Левитине (Краснове) можно написать много. Но мой рассказ о нем неизбежно вторичен. Потому что видел я его лишь два-три раза, и то мельком. И знаком с ним я прежде всего по его статьям в защиту людей, преследуемых за убеждения (эти статьи я прочел и запомнил еще в то время), по немногим нынешним упоминаниям об Анатолии Эммануиловиче его соратников по ИГ, да еще по изданным им в эмиграции пространным воспоминаниям, вернее, по их четвертому тому, целиком посвященному истории демократического движения. Поэтому мне, наверное, будет лучше ограничиться кратким резюме.

Ко времени образования ИГ Анатолию Левитину 53 года. В 56-м он был реабилитирован после двух сталинских «сидок». Работал учителем; в 59-м за религиозность был изгнан из школы. Христианин; много писал о послереволюционной истории Православной Церкви, на богословские и общегражданские темы; некоторые из его статей печатались в свое время в «Журнале Московской Патриархии» под псевдонимом «А. Краснов».

У Левитина ярко выраженный бойцовский темперамент; по собственной характеристике «вспыльчивый и раздражительный», он называл себя сам революционером и социалистом, отвергая, однако, террор; в ИГ он представлял ее радикальное крыло.

Левитина арестовали 12 сентября 1969 года. Материалом обвинения послужило его литературное творчество. Вскоре, видимо, Левитина решили увезти подальше от Москвы. И тогда под тем предлогом, что какая-то его статья была взята

при обыске у его знакомого, жившего в Сочи (где сам Анатолий Эммануилович никогда не бывал), Левитина увезли «столыпиным» в Армавирскую тюрьму. После 11 месяцев заключения дело Левитина было отправлено на доследование, а сам он был освобожден под подписку о невыезде. Через адвоката ему передали, что дело его закроют, если он согласится прекратить впредь свою «деятельность». Левитин ответил одним словом: «Нет».

Во время пребывания на воле Анатолий Эммануилович, как и прежде, общался со своими товарищами по группе. Более того, он написал новые самиздатские работы – большой очерк о своем пребывании под стражей «Мое возвращение» и статью в защиту арестованного В. Буковского «Не мечом и копьем». Мудрено ли, что дело Левитина не только не прекратили, но спустя 9 месяцев его снова посадили в тюрьму, а затем и приговорили к трем годам лагеря?!

После окончания срока Левитин снова активный член ИГ. При обсуждении заявления группы о закончившемся процессе Красина и Якира занимает (вместе с Гр. Подъяпольским) резко осудительную позицию: «предатели, трусы». (В итоге возобладала все-таки более взвешенная линия С. Ковалева, Т. Великановой и Т. Ходорович и принят был более мягкий текст письма.)

Еще в лагере, в Сычевке, у Левитина впервые возникли мысли об эмиграции. Разногласия с товарищами по группе укрепили его в этом намерении. «Здесь свое дело я сделал, продолжу его своим пером за границей». Левитин покинул СССР 20 сентября 1974 года. За рубежом он издал четыре тома воспоминаний. Умер в 1991 году в возрасте 76 лет.

Юрий Мальцев

С Ю. Мальцевым я никогда не был знаком. Поэтому чтобы написать о нем, мне пришлось обратиться к «Хронике», к сборнику документов ИГ и к его сотоварищам по группе. Вот что я узнал в итоге.

Юрий Владимирович Мальцев родился в 1933 году. По образованию – филолог, переводчик с итальянского. Через пять месяцев после создания ИГ, в октябре 69-го он был вызван в военкомат. Там Мальцеву сказали, что он должен

пройти медицинскую комиссию. И сразу провели в кабинет, где его уже ждали два психиатра. Те направили его на психэкспертизу в больницу им. Кашенко. Там Мальцева навещал А. Лавут. Вероятно, в результате огласки вопиющего беззакония спустя месяц его выпустили из психбольницы.

Мальцева неоднократно допрашивали — по делу Г. Алтуныя, по делу Красина и Якира, с которыми у него были очные ставки. В сборнике документов ИГ указано, что в 1971 году Мальцев вышел из Инициативной группы. В 74-м он эмигрировал на Запад.

...В 1976 году в издательстве «Посев» вышла большая книга Ю. Мальцева «Вольная русская литература 1955—1975». О другой его книге — «Бунин» — я узнал уже в нынешнее время из рецензии в «Литературной газете».

Леонид Плющ

Судьба Леонида Ивановича Плюща — одна из драматичнейших. И не только по общечеловеческим меркам, — даже в ряду других участников ИГ, на долю которых — почти всех! — выпали суровые испытания.

Плющ родился в 1939 году. В детстве перенес костный туберкулез и четыре года был прикован к постели. Но школу сумел закончить с серебряной медалью. С 62-го, по окончании мехмата Киевского университета, работал инженером-математиком в Институте кибернетики Академии наук Украины. Молодой ученый успешно занимался моделированием биосистем, опубликовал на эту тему несколько научных статей, работал в новаторской области на стыке математики и биологии.

В 1968 году Плющ написал и отправил в «Комсомольскую правду» резкое письмо, обвиняя газету в лживом освещении процесса А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. Ответ последовал быстро — Плющ был уволен из Института с «волчьим билетом», и с тех пор его нигде не принимали на работу. Активная общественная позиция привела Плюща в ИГ. Постоянно проживая в Киеве, он не мог, конечно, принимать участие в повседневной работе группы. Поэтому подпись Плюща под некоторыми документами ИГ ставилась по доверенности. Неудивительно, что не только я никогда не встречал Плюща,

но и многие члены ИГ (Т. Великанова, С. Ковалев, Т. Ходорович) тогда не были с ним знакомы лично.

Плющ был арестован 15 января 1972 года и помещён в следственный изолятор Киевского КГБ. Так в 33 года началась его четырехлетняя Голгофа. Госбезопасность на Украине издавна славилась своей свирепостью. Выступление или протест, которые в Москве могли порой вообще сойти с рук или наказывались относительно мягко, карались на Украине «на всю катушку». КГБ очень хотелось посадить Плюща всерьез и надолго, да небогато было с материалами обвинения даже по украинским меркам. А тут еще этот мерзавец имеет наглость отказываться давать показания! Ну, ты еще об этом пожалеешь. А может, объявить его психом? Правда, Плющ никогда не состоял на психиатрическом учете и не страдал психическими расстройствами. Но попробовать стоит. И следовательно направляет Плюща на психиатрическую экспертизу. Сначала вышла осечка. Эксперты судебно-психиатрического отделения Киевской областной больницы признали Плюща вменяемым. Досадно. Но есть еще Москва, там психиатры более покладисты. А киевское экспертное заключение касательно Плюща мы на всякий случай изыдем из его дела.

Столица оправдала ожидания КГБ. Аж две экспертизы в Москве наконец-то признали Плюща сумасшедшим. Первая — под председательством директора института судебной психиатрии им. Сербского член-корреспондента АМН Г. В. Морозова и при участии проф. Д. Р. Лунца, известного доки по чудесным превращениям «политических» в «сумасшедших». Вторая — под председательством академика АМН А. В. Снежневского, главы московской «школы» психиатрии, и при обязательном участии всё тех же Морозова и Лунца.

Академик Снежневский распознал у Плюща свою излюбленную, им самим открытую и нигде больше в мире не признанную форму душевного заболевания — «вялотекущую шизофрению». Диагностика ее так тонка, проявления настолько малозаметны, что отыскать ее возможно у любого, в том числе и у самого почтенного академика. В самом деле. «Открытие» неразличимой для других «вялотекущей шизофрении» — разве это не проявление «идеи изобретательства»? Или попросту — бреда? Упорное отстаивание своего никем

не признанного «открытия» — это, вне сомнения, «некритическое отношение к своему состоянию». И диагноз ясен. Остается констатировать величайшую социальную опасность деяний академика Снежневского (так же, как и его ученых сообщников и подручных) и по справедливости отправить их на принудительное лечение в спецпсихбольницу (СПБ). Туда, куда с их подачи с лживым и преступным диагнозом уже отправили многих правозащитников. Их список велик; назову для примера имена П. Г. Григоренко, Н. Горбаневской, И. Яхимовича.

...Увы, это только пустые, несбыточные мечтания. И академик Снежневский, и профессор Лунц умрут облаканные властями и без покаяния. Снежневский в 1974 году, в разгар «лечения» своего подэкспертного, получит Героя Социалистического труда, а в 76-м будет награжден Государственной премией.

Суд в отсутствие обвиняемого в случае его признания неменяемым — обыденная практика советской юриспруденции. Таким образом «больной» лишается последней возможности защищаться и как-то влиять на свою судьбу. Но в отношении Плюща и этого кому-то показалось мало. Суд над ним, начавшийся 25 января 1973 года, был объявлен закрытым. Кроме судей, в зале присутствовали только прокурор и адвокат. Даже жену Плюща Татьяну Житникову, даже его родную сестру не пустили в зал судебного заседания. В чем же причина такой неслыханной секретности? В чем обвиняли Плюща? Ему инкриминировали:

— подписание «антисоветских» писем в ООН в составе «незаконной» ИГ;

— «хранение и распространение» собственных рукописей, в том числе уже упомянутого Открытого письма в «Комсомольскую правду»;

— «хранение и распространение» трех номеров «Хроники» да двух — «Украинского вестника»;

— ведение «антисоветских» разговоров.

В чем тут можно усмотреть «государственную тайну»? Ибо только необходимостью ее охраны можно было бы — согласно закону — обосновать закрытый характер суда. И письма ИГ, и «Хроника» — открытые, публичные документы, они все

равно уже попали на Запад, напечатаны там, звучали по «радиоголосам». Какие уж тут секреты?

И все же стыдная тайна, порочащая советскую власть, тайна, которую тщетно пытался скрыть судья Дышель, в деле Плюща действительно была. Эта единственная тайна — вопиющие беззакония и произвол, творимые на всех стадиях следствия и суда.

Как и следовало ожидать, Киевский областной суд, признав Плюща душевнобольным, назначил ему своим Определением принудительное лечение в психиатрической больнице специального (тюремного) типа. Верил ли сам судья Дышель в сумасшествие подсудимого? Вот любопытный материал для размышлений: тем же Определением суд постановил взыскать с «сумасшедшего» и «невменяемого» Плюща 73 рубля судебных издержек. (Для молодых читателей поясню: 73 рубля по тем временам — приблизительно месячный оклад начинающего педагога или врача. Сумма для оставшейся без мужа с двумя детьми женщины весьма чувствительная.)

Наказывать больного, не отвечающего за свои действия человека (а вернее — его жену, на руках у которой двое сыновей-подростков), — для этого надо быть либо законченным дебилом, либо, наоборот, великолепно понимать, что сумасшедшим Плюща просто велено считать, что КГБ избрал для него такой способ наказания.

Верховный суд Украины при кассации смягчил приговор, сочтя возможным лечение в психбольнице общего типа. Последовал протест прокурора УССР. И Верховный суд покорно пересмотрел свое решение, снова назначив для Плюща специальную психиатрическую больницу «ввиду особой социальной опасности его антисоветских действий».

Как комментировать такое? В чем «особая социальная опасность» Плюща? Может ли интеллектуальная продукция сумасшедшего угрожать безопасности могущественного государства? Давным-давно, в свои студенческие годы, еще в сталинские времена я слышал такой анекдот. В очереди какая-то женщина начала вслух возмущаться: «Что у нас за жизнь? Дети голодные. В магазинах пусто. А правды не добьешься». Милиционер ее — цап: «Пройдемте, гражданка».

Стоящие рядом люди попробовали заступиться за женщину: «Отпустите ее. Разве не видите, она сумасшедшая». Милиционер: «Сумасшедшая, сумасшедшая, а рассуждает здраво!»

Так вот, преступной власти всегда бывают опасны те «сумасшедшие», которые рассуждают здраво.

15 июля 1973 года, спустя полтора года после ареста, Плюща доставили в Днепропетровскую специальную психиатрическую больницу (СПБ). Обычно прибытие на место означает для узника некоторое улучшение его положения: он снова обретает право переписки, а в дальнейшем – и свиданий с родными, он уже не заперт в камере круглосуточно и может в свободное время прогуляться по лагерю или, по крайней мере, возле своего барака. Но условия в СПБ заставили Плюща вспоминать с сожалением даже о пребывании в следственной тюрьме.

Само собой, что переписка находящихся в СПБ, как и в лагере, подцензурна. Но к этому можно привыкнуть. Надо лишь запомнить, что для того, чтобы твое письмо дошло, не нужно писать ни об условиях содержания, ни о соседях, ни о «лечении». А усвоив это, стоит вообще забыть о людях, по должности читающих чужие письма. Приходится примириться и с тем, что на твоём свидании с женой присутствуют два соглядатая. Все это входит в «правила игры», и было бы нелепо возражать против этого. Труднее согласиться, что ты опять постоянно закрыт в камере-палате вместе с двадцатью пятью беспокойными и агрессивными больными, что из палаты выводят только на часовую прогулку в каменный дворик да на opravку. Скрепя сердце, можно смириться и с этим. Но не это главное. Самое страшное – это врачи. И проводимое ими «лечение».

С августа 1973 года Плющу назначают большие дозы галоперидола. И живой, общительный, доброжелательный к людям человек делается неузнаваемым. Во время свидания с женой Плющ говорит с трудом, с остановками, в глазах у него тоска, он задыхается, корчится в судорогах. Предупреждает, что письма писать не в состоянии. И раньше времени просит закончить свидание.

Его уводят. «Что вы делаете с моим мужем? Что ему дайте?» – обращается Татьяна Житникова к лечащему врачу.

«Зачем вам это знать? Что надо — то и даем» — отвечает докторша. И даже отказывается назвать свою фамилию («Не положено»). Рано или поздно тайное становится явным. Со временем стали известны и имена ведавших «лечением» Плюща врачей (они заслуживают того, чтобы быть названными, — Л. А. Часовских, Э. П. Каменецкая и начальник Днепропетровской СПБ Ф. К. Прусс), и назначавшееся ими «лечение».

В течении двух с половиной лет Плюща «лечили» (хочется сказать — травили) попеременно галоперидолом (без полагавшихся корректоров), инсулином в возрастающей дозировке, трифтазином — в таблетках и в инъекциях, комплексно — инсулином и трифтазином, снова большими дозами трифтазина. После уколов инсулина (ожидая, видимо, инсулинового шока и судорог) Плюща на четыре часа привязывали к кровати. Ощущать себя объектом вивисекции, распластанной, подопытной лягушкой, чувствовать, что твою психику целенаправленно разрушают и не имеют возможности препятствовать этому, — как вынести подобную пытку?! Периодически, после соответствующего курса, врачи проводили «оздоровительные» беседы, справляясь у Плюща, не изменились ли его взгляды и убеждения? А не согласится ли он отречься от них в письменной форме? (Объективность заставляет признать: врачи Днепропетровской СПБ использовали всё же не весь арсенал эффективных средств для коррекции взглядов и убеждений своего пациента. Например, они не ставили ему на живот включенный утюг.)

...Скорей всего, Плющ стал бы вечным узником психбольниц и погиб окончательно, если бы ни мужественная борьба, которую повела за своего мужа Т. Житникова. Она писала жалобы и протесты во все возможные инстанции: проводившему психэкспертизу Плющу академику Снежневскому, в Верховный суд Украины, в Прокуратуру, руководству СССР — Н. В. Подгорному, Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину, в управление ИТУ, в КГБ СССР. Она не давала покоя палачам своего мужа. Так, в декабре 1974 года она потребовала у прокурора привлечь к ответственности врачей Днепропетровской СПБ «за преднамеренное разрушение физического и психического здоровья мужа». Но главное — благодаря ей информация о том, что делают с Плющом, попадала к его друзьям в Москву,

а они делали ее достоянием широкой гласности. Разумеется, ИГ тоже вступилась за своего сотоварища. С призывом в защиту Плюща – и не раз – обращался А. Сахаров и многие другие правозащитники. Огромное участие в защите Плюща приняла Т. С. Ходорович. Хотя она не была в те годы знакома с ним лично, она знала о нем всё от Т. Житниковой, которая, приезжая в Москву, обычно останавливалась у нее. На основании ее рассказов и привозимых ею документов Т. Ходорович написала книгу «История болезни Леонида Плюща», изданную в 1974 году в Амстердаме. В марте 1975 года ею же написаны и преданы гласности статьи «Плюща делают сумасшедшим. Зачем?» (совместно с Ю. Орловым) и «Эскалация отчаяния».

Люди, выступавшие в защиту Плюща, безусловно, рисковали головой. У Т. Житниковой дважды производили обыски. При этом у нее, в частности, забирали копии ее писем и жалоб, отправленных в высокие советские инстанции. В прокуратуре на «беседе» ей советовали изменить свое поведение, угрожая не только увольнением с работы, но и намекая, что ее саму могут привлечь к уголовной ответственности. Надо полагать, это не были пустые угрозы.

Призыв к защите Плюща был услышан общественностью. В 1974 году к его защите подключается международный комитет ученых-математиков. Особенно активно действует комитет во Франции и в США. Члены его посещают советские посольства, вручают петиции для советского правительства. Дальше – больше. 23 апреля 1975 года проводится международный день защиты Плюща. Советские посольства завалены письмами и телеграммами протеста, возле них проходят демонстрации. В этот же день Т. Житникова передает для опубликования письмо с такими словами: «Пусть отдадут мне мужа, – больного, каким они сделали его, и пусть разрешат нам всем уехать из этой страны». Наконец, к советскому руководству обращается в защиту Плюща ЦК Французской компартии. Да, решив наглухо замуровать Плюща в СПб, КГБ явно не предполагал, какую бурю придется пожинать в результате.

В конце концов советские власти сочли за благо выпустить Плюща вместе с семьей из страны. 10 января 1976 года они

выехали из СССР. КГБ так не желал контактов Плюща с друзьями, что ему даже не дали заехать домой в Киев и освободили только на пограничной станции Чоп. И до последнего момента продолжали давать ему трифтазин.

Так закончилась психиатрическая одиссея Леонида Плюща. Стоит упомянуть, что в Вене специально приехавшие зарубежные психиатры обследовали его. Они нашли его совершенно здоровым психически, но крайне истощенным нервно.

...Вместе с женой и детьми Плющ поселился во Франции.

Григорий Подъяпольский

Григорий Сергеевич Подъяпольский... Я написал это имя, и сразу же рядом встает другое – Мария Гавриловна, Маша Петренко-Подъяпольская, его верная спутница и жена. Больше двух десятков лет они прожили вместе.

Знакомые места становятся чужими, когда их покидают наши друзья. Лет десять я не бывал в том краю Москвы, но и сегодня, кажется, без труда отыскал бы тот дом возле – тогда конечной – станции метро «Молодежная», ту гостеприимную квартиру на втором этаже пятиэтажной «хрущевки». Да только нету в ней давно тех хозяев.

Когда мы познакомились? Людмила, моя жена, напоминает, что было это в десятую годовщину смерти Б. Пастернака, 30 мая 1970 года. Многие приезжали в тот день на его могилу. На обратном пути из Переделкина, в электричке, моя Людмила разговорилась с Марией Гавриловной, и она пригласила нас приезжать на их «среды». Дом Подъяпольских славился этими традиционными вечерами, на которых читались стихи, велись вольные разговоры на литературные и общественные темы за застольем с чаем и знаменитыми Машинными пирогами. Гриша писал и сам. Сборник его стихов «Золотой век» был издан за границей в 1974 году. Лично мне лучшими в нем кажутся три стихотворения на евангельские темы (цикл «Пророк»). Впрочем, сам автор, по собственному признанию, будучи «реалистом и атеистом», лишь воспользовался евангельскими сюжетами, привнеся в них черты и краски современности. В квартире Подъяпольских мне запомнилось множество книг в шкафах и на стеллажах,

семейные фотографии и гравюры на стенах, большой фото-портрет Е. Олицкой, эсерки, политэчки и автора известных мемуаров. Запомнился сам хозяин, крупный, со светлыми с желтизной, зачесанными назад волосами. Родился Подъяпольский в 1926 году в семье потомственных интеллигентов. Ученый-геофизик по профессии, вольнодумец и вольтерьянец по складу ума, Гриша был человеком большой отваги и гражданского мужества. Еще до вхождения в ИГ он выступал в защиту А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. Правозащитная деятельность Подъяпольского повлекла предвидимые последствия. Сначала его не допустили к защите диссертации, а в 1970 году уволили из Института физики Земли, где он проработал 17 лет. Несколько месяцев он не мог найти работу. И далее – уже известный читателю набор «воспитательных» мер для острастки и устрашения непокорных: допросы, обыск в мае 1972 года. В апреле 1973 года была сделана попытка поместить Подъяпольского в «психушку». А именно: его срочно пригласили в военкомат. Сначала – по телефону, потом – в тот же день – повесткой, которую «по пути» занес к нему полковник из военкомата. Явиться завтра к такому-то часу. Срочность и настоятельность вызова насторожили Гришу. Уж не ловушка ли это? Ю. Мальцева вот тоже приглашали в военкомат, а оттуда отвезли напрямиком в «Кащенко». Не поджидает ли и его в военкомате «психовозка» с санитарями? Наутро Подъяпольский отправился в военкомат, но, проявив швейковское усердие, сумел опоздать на несколько часов и явиться туда, когда его там уже перестали ждать. Зато он смог убедиться, что его действительно хотят направить на стационарную психиатрическую экспертизу. В тот же вечер информацию об этом он сумел довести до сведения иностранных корреспондентов, и она пошла гулять по «голосам». Власти, видимо, не ожидали такой быстрой огласки. И беда отступила...

Но надолго ли? Ведь Подъяпольский оказался «трудновоспитуемым» и продолжал активную и разностороннюю правозащитную деятельность. Он выступал в защиту П. Григоренко, А. Амальрика, В. Буковского, Л. Плюща, Г. Суперфина, С. Ковалева и многих других, против психиатрического террора, призывал ко всеобщей политической амнистии и к отмене смертной казни. В октябре 1972 года Подъяпольский

вошел в «Комитет прав человека», образованный в 1970 году А. Сахаровым, А. Твердохлебовым и В. Чалидзе. И до конца оставался активным членом ИГ, участвуя практически во всех ее документах.

Приходится ли сомневаться, что в недалеком будущем Подъяпольского ожидали арест, суд и лагерь? Судьба распорядилась иначе. Неожиданная смерть, вероятно, избавила его от годов неволи. Кто сейчас вспомнит, какой по счету съезд КПСС проходил в начале 76-го? Но в преддверии этого «всемирно-исторического события» Москву согласно советским традициям очищали от «нежелательных элементов». Кого-то сажали в милицию на пятнадцать суток, кого-то запихивали в «психушки», кого-то отправляли подальше от Москвы. Гришу послали в командировку. В дороге с ним случился инсульт, и 9 марта 1976 года он умер в Саратовской больнице на руках у приехавшей жены. Ему не исполнилось и пятидесяти лет...

Всякий человек неповторим и незаменим. Но после Гришиной смерти Мария Гавриловна сумела сохранить дух и традиции дома. И даже когда их дочка Настя вышла замуж, когда появились внуки, — за семейными хлопотами Маша не отдалась от прежних друзей. В самые глухие годы начала 80-х, когда КГБ довершал разгром правозащитного движения, когда А. Сахаров был заперт в Горьком, Маша, как и раньше, жила тревогами и заботами своих друзей. И не переставала вступаться за них, когда их хватала когтистая лапа госбезопасности. Особенное участие она принимала в судьбе «горьковчан» — Андрея Сахарова и Елены Георгиевны. А в декабре 1986 года со всеми нами она радовалась их возвращению.

Вместе с Настинной семьей в декабре 1988 года Маша уехала в Америку. Когда летом 90-го мне довелось навестить ее в Бостоне, она говорила, что до сих пор ее глаза все время смотрят на Восток, вглядываясь в оставленную Россию. И когда это стало возможным, Маша не раз приезжала в Москву и навещала друзей.

Татьяна Ходорович

Татьяна Сергеевна Ходорович занимает особое место в моем сердце. Особое место принадлежало ей и в ИГ. Написанные ею письма (не всегда это документы группы) отлича-

лись своей эмоциональностью. Они казались написанными не ее рукой – ее сердцем. Таковы ее обращения – «Суда над мыслью – не допускать!», «Открытое письмо Леониду Плющу» и прощальное «Я хочу жить по закону совести». Таковы и ее поступки – отчаянная, самоотверженная борьба за освобождение из «психушки» Л. Плюща (которого она впервые увидела, лишь выехав во Францию), девятидневная голодовка солидарности с отправленным в ссылку в марте 1975 года А. Марченко.

Родилась Татьяна Сергеевна в 1921 году. Она приходилась внучатой племянницей художнику М. А. Врубелю и внучкой адмиралу С. А. Немецу. Филолог-лингвист по профессии, она 18 лет проработала в Институте русского языка, откуда была в 1971 году уволена за свою правозащитную деятельность.

Не помню начала нашего знакомства, но в 74-м я уже был частым гостем на проспекте Мира, где в двух комнатах она жила с двумя младшими дочерьми и с сыном (старшая дочь, тоже Татьяна Сергеевна, жила с мужем отдельно от матери).

Правозащитная деятельность Татьяны Сергеевны далеко не ограничивалась участием в работе ИГ. Самиздатские статьи, собственные и в соавторстве. Подготовка к пресс-конференциям и участие в них. В феврале 1977 года, после ареста первого распорядителя «Общественного фонда помощи политзаключенным» А. Гинзбурга, Татьяна Сергеевна вместе с М. Ланда и К. Любарским сменяет его на этом опасном посту.

Помощь преследуемым Татьяна Сергеевна ощущает своим нравственным долгом. Тем более, что она христианка. Мне особенно по душе, что ее христианство лишено ограниченности и лицемерия некоторых ревнителей православия, готовых защищать и вступаться, но только за «своих». А Татьяна Сергеевна защищает всех узников совести – и правозащитника А. Твердохлебова, и марксиста Л. Плюща, и почвенника и русского «государственника» В. Осипова. Защищает русских, евреев, украинцев, татар. Верующих и атеистов. И даже осужденных по уголовным делам. Так, в 1975 году на пресс-конференции, посвященной Дню политзаключенного, поддерживая требование узников совести о «статуте политзаключенного», Татьяна Сергеевна наряду с некоторыми другими правозащитниками заявляет, что основные положения этого статута применимы к любым заключенным.

Мне далеко до Татьяны Сергевниного самоотверженного подвижничества, но мне близки ее нравственные установки и христианские ценности. Не всем, увы, дарована благодать спокойной и твердой веры. Скептик по натуре, я что-то среднее между агностиком и верующим. В детстве я был крещен, но не получил никакого религиозного воспитания. В своих сомнениях и исканиях мне хотелось прикоснуться к подлинной вере, опереться на человека, крепкого в убеждениях и живущего по совести.

В тот памятный вечер 21 апреля 1977 года я был в гостях на проспекте Мира. За чаем неожиданно для самого себя я вдруг выпалил:

– Татьяна Сергеевна! Если Вы подарите мне крест, я стану его носить.

Я не ожидал того, что было дальше. Мгновенным порывом Татьяна Сергеевна сняла с себя нательный крестик и надела его на меня. Простой крестик на зеленом шнурке с рельефным, покрытым красным лаком, распятием.

– Что вы, спасибо, а как же вы? – невпопад говорил я.

– Носите, а у меня еще есть, – улыбаясь, отвечала Татьяна Сергеевна.

Свое обещание я исполнил. С того дня (за вычетом годов моей неволи) я не переставал носить крест. И приблизился к вере, хотя сомнения до сих пор закрадываются мне в душу, и внешняя обрядность по-прежнему видится мне не самой существенной стороной религии.

А тот самый крестик... простите, Татьяна Сергеевна, но я не сумел сохранить его. Его у меня отобрали на шмоне в Бутырке 10 апреля 1980 года.

Разумеется, КГБ не обделил Татьяну Сергеевну своей заботой и вниманием. Трижды по разным поводам ее вызывали на допросы. Трижды у нее проводили обыски. Последний из них был 8 апреля 1977 года. Считая его преддверием ареста, Татьяна Сергеевна делает открытое заявление для прессы. Она пишет, что заранее отказывается от участия в следствии, от знакомства со своим «делом», от услуг советских адвокатов. Убежденная в предвзятости советского суда, подчиняющегося не закону, а идеологии, она не будет принимать никакого участия в судебном заседании.

«Я говорю сейчас. На следствии и суде я буду молчать».

Татьяна Сергеевна решительно отказалась и от всякого участия в процедуре обыска. Она не подписала — и даже не стала читать — составленный протокол. Все время, пока проходил обыск, она отстраненно просидела в плетеном кресле-качалке...

Жизнь на пределе сил, жизнь на грани ареста. И так — на протяжении лет. Отдаваясь всей душой защите гонимых, Татьяна Сергеевна безмерно устала. Ведь вслед за А. Э. Левициным она была старшей в составе ИГ. Но не только усталость подтолкнула ее к решению покинуть СССР. Люди постарше помнят, что в середине 77-го был предложен для «всенародного обсуждения» проект, а 7 октября того же года была принята Верховным советом СССР новая, «брежневская» Конституция. Пространная преамбула Конституции утверждала как общенародную коммунистическую идеологию, а ее шестая статья законодательно закрепляла главенство и руководящую роль КПСС, отдавала в ее ведение «генеральную перспективу», внутреннюю и внешнюю политику страны, нацеливала весь народ на грядущее торжество коммунизма.

...Многим памятно, как, став в 1989 году народным депутатом СССР, А. Д. Сахаров настойчиво призывал отменить статью шестую этой Конституции. И в людском потоке, текущем по Комсомольскому проспекту проститься со скончавшимся 14 декабря 1989 года нашим заступником, тут и там мелькали плакатики с перечеркнутой накрест цифрой «6». Но неправильно думать, будто в 1977 году все общество согласно одобряло предложенный проект. Нет, против него, и в особенности против его 6-й статьи, открыто возражало немалое число наших сограждан (назову хотя бы С. В. Каллистратову, Л. Богораз, К. Любарского, В. Некипелова). Но голоса тех, кто несогласен, критикует, спорит, намеренно замалчивались советскими органами информации. Зато отечественная печать обильно публиковала письма тех, кто горячо одобрял проект либо предлагал косметические поправки.

Татьяна Сергеевна очень остро восприняла противоречие между вновь принятой Конституцией и своей совестью. В своем открытом обращении накануне отъезда из СССР она писала:

«Я не могу и не хочу соблюдать Конституцию, которая декларирует идеологию, то есть покушается на свободу Духа. (...) Я отказываюсь строить атеистическое общество, ибо я верующая. (...) Я, распорядитель Русского общественного фонда, хочу открыто помогать узникам совести и их семьям. Закон запрещает мне это делать. (...) Я отказываюсь жить в государстве, Конституцию которого отвергаю. (...) Я принимаю предложение советских властей покинуть Советский Союз. (...)»

6 ноября 1977 года Татьяна Сергеевна Ходорович с младшими дочерьми и сыном уехала из СССР во Францию.

О Петре Якире и Анатолии Якобсоне мной написаны отдельные очерки. Это позволяет мне, адресовав читателя к тем очеркам, ограничиться сейчас краткими справками. И небольшими добавлениями к ним.

Петр Якир

Петр Ионович Якир. Родился в 1923 году. Сын командарма И. Э. Якира, уничтоженного Сталиным в 37-м и посмертно реабилитированного. Сам Петр Ионович в 14 мальчишеских лет попал «за отца» в жернова репрессивной машины. В последующие 17 лет растлевающие гулаговские реалии формировали и калечили душу подростка, затем юноши, затем молодого, а там — и не очень молодого человека. Чекисты постарались привить воспитуемому собственные понятия о чести и доблести. Сегодня не секрет, что в сталинские времена были периоды, когда «органы» вынуждали Петра Ионовича к сотрудничеству, заставляли работать на них. Но я до сих пор убежден, что в диссидентский период — вплоть до самого ареста в 1972 году — Петр Ионович хотя и вел себя сплошь и рядом безобразно, безответственно, неосторожно, но сознательным провокатором он в это время не был. И догадки насчет его сотрудничества с КГБ — несправедливы.

Реабилитированный в 33 года, Петр Ионович сумел затем окончить Историко-архивный институт. После падения Хрущева зарождается общественный протест против ползучей ресталинизации. Якир азартно ввязывается в петиционный бунт. И вскоре становится видным участником диссидентского движения. А в 69-м — соучредителем ИГ. Его квартира

на Автозаводской улице становится неким клубом московских, и не только московских, протестантов-оппозиционеров. В самом начале лета 68-го судьба занесла на «Автозавод» и меня. И вскоре я стал завсегдатаем этого клуба.

Где еще тогда я мог увидеть всю эту уйму самиздата – вольные статьи, размышления, обращения?! Изданные неподцензурно романы Солженицына, книги Замятина, Дж. Оруэлла, А. Кестлера? И совсем недавние самиздатские творения – «Мои показания» А. Марченко, «Полдень» Н. Горбаневской и первые номера «Хроники»? И не только увидеть, но и взять почитать, и дать почитать своим знакомым.

...Годы спустя и мне случалось получать от иностранных корреспондентов неподцензурные зарубежные издания, бывать на пресс-конференциях, устраиваемых на частных квартирах, и даже принимать в них некоторое участие. Но в те начальные годы «движения» главным «связным» диссидентов с иностранными корреспондентами был все-таки П. Якир.

Времена между тем все суровели. В январе 1972 года на «Автозаводе» грянул первый обыск, и из квартиры увезли чуть ли ни грузовик крамольного сам- и тамиздата. В мае того же года последовал второй. А 21 июня 1972 года произошел третий, и Петр Ионович был арестован.

Поразили ли меня начавшиеся вскоре слухи, а затем и несомненные сведения о том, что Якир «потек» и дает на всех обширные показания? По правде говоря, – нет. В последний предарестный год Петра Ионовича, бывая на «Автозаводе», я своими глазами видел стремительно деградирующего, спивавшегося, безвольного человека. Как сейчас стоит передо мной горестная и жалкая картина: крепко подвыпивший, с воспаленными, мутными глазами, Петр Ионович взбирается зачем-то на диван, оттуда – на кухонный стол и, покачиваясь, начинает притопывать по нему ногами в нечищенных ботинках и что-то бормотать заплетающимся языком...

В связи с делом Якира было допрошено множество диссидентов. В декабре 1972 года был вызван на допрос и я. Допрос не был для меня неожиданностью. Вступая на путь сопротивления противоправным действиям властей, нужно ожидать всяческих неприятностей. И всем нам, естественно,

приходилось крепко задумываться о том, как следует себя вести, оказавшись не по своей воле лицом к лицу со следователем.

Когда я был еще совсем новичком в диссидентской среде, как-то при мне об этом зашла речь. Я тогда «находчиво» высказался в том духе, что если меня на допросе спросят, кто и что в нашей компании говорил, предлагал или подписывал, то я отвечу, что, мол, ничего не помню, потому что «перебрал» и был совершенно пьян. Меня тогда обожгла неодобрительная усмешка Петра Ионовича.

Но это было давно. С тех пор у меня сложились определенные понятия о том, как вести себя на допросах. Важное значение в их формировании оказала на меня самиздатская «Юридическая памятка» А. С. Есенина-Вольпина. А также влияние нашего старшего друга, замечательного человека и адвоката С. В. Каллистратовой. Содержащиеся в «Памятке» сведения о процедуре и правилах, регламентирующих допрос, помогали грамотно обосновать свою позицию. А из советов Софьи Васильевны мне запомнился такой: не надо пытаться перехитрить следователя и никогда не лгать на допросе. Следователь – профессионал и всегда сумеет переиграть вас в такой игре. А быть уличаемым во лжи и неприятно, и стыдно.

...Итак, Лефортово, 19 декабря 1972 года. По делу П. Якира меня допрашивает следователь Каталиков. Спустя четверть века я не могу, разумеется, в точности перечислить все заданные мне вопросы. Но суть своих ответов я помню достаточно хорошо.

– Да, с Петром Якиром я знаком.

– Нет, ни о какой его антисоветской деятельности я не знаю.

– Такой-то документ? Да, я читал и даже подписывал его.

– Кто еще его подписывал? Была ли под ним подпись Якира? – Я не стану давать показания о действиях других лиц, поскольку они не нарушали закон.

– Кто составлял документ? Обстоятельства его подписания? – Отказываюсь отвечать. Документ этот не криминальный и не может являться предметом уголовного расследования.

– «Хроника»? Да, я знаком со многими ее номерами. Этот бюллетень не содержит клеветы, а рассказывает о реальных фактах преследований за убеждения в нашей стране.

– Каким образом я знакомился с «Хроникой»? – Отказываюсь отвечать по изложенным выше причинам.

И далее в том же духе. Я говорил правду и только правду. Или отказывался отвечать. И все время внимательно следил за точностью изложения моих ответов в протоколе.

Я не избегал разговоров со следователем. В этой внепротокольной части я неизменно подчеркивал, что самая жесткая критика конкретных действий властей не является преступлением и преследования за нее – противозаконны.

В какой-то момент (уж ни касалось ли дело оценки «Хроники»?) Каталиков спросил меня:

– А не хотите ли посмотреть, что говорит по этому поводу Якир?

Вероятно, это был критический момент. Прояви я любопытство, пожелай познакомиться с показаниями Петра Ионовича, – быть может, логика событий привела бы к нашей встрече с ним на очной ставке.

Но я спокойно ответил:

– Зачем? У Якира могут быть одни мнения, а у меня другие.

Так произошла первая моя не-встреча с Петром Ионовичем, и об этом я ничуть не жалею.

Семичасовой допрос и моя дотошность, наверное, измучили Каталикова. Напоследок он пообещал, что мы с ним еще непременно увидимся. И с тем отпустил меня восвояси.

А мне, как ни покажется это странным, было легко на душе. И осталось ощущение хорошо выполненной работы.

О процессе «раскающихся» Якира и Красина и о последовавших за ним событиях я уже рассказывал читателю. Я не приходил к суду, где слушалось дело Петра Ионовича. Это была моя вторая не-встреча с ним. Впрочем, почти никого из его бывших сотоварищей не было у здания суда. В числе немногих пришедших была Т. С. Ходорович.

После возвращения Якира из рязанской ссылки мы, случилось, мельком виделись, когда я заходил на «Автозавод», где жили теперь его дочь Ира с маленькой дочкой, мужем и матерью. Я справлялся о его здоровье. Здоровье было неважным.

У Петра Ионовича развивался цирроз печени и начались связанные с ним пищеводные кровотечения.

Как-то я услышал, что Якир лежит в клинике на улице Россолимо, и решил его навестить. Я увидел Петра Ионовича у самых ворот больницы, подошел и постоял с ним несколько минут. Я не предполагал, что говорю с Петром Ионовичем в последний раз.

О его смерти в ноябре 1982 года я узнал из письма моего друга, а его зятя, Ю. Кима. Я непременно пришел бы проститься с Петром Ионовичем, да только тогда я не был волен в себе. Я как раз досиживал свой срок в Омском лагере. Так судьба распорядилась о нашей последней не-встрече. А мне вдруг вспомнилось то мое последнее посещение Петра Ионовича возле клиники на улице Россолимо. И жалкий бумажный кулечек вишен, который я ему тогда принес...

После опубликования моей книжечки мне довелось слышать о ней разные отзывы. Некоторые читатели, главным образом «сидельцы» сталинских времен, упрекали меня за чрезмерную – с их точки зрения – снисходительность к Якиру и чуть ли ни за прославление этого «provokatora и предателя». Но я ни к кому не снисхожу и никого не прославляю. Я просто рассказываю то, что помню. А суровым судьям я бы все-таки посоветовал: не судите... Что же до меня, то я благодарен судьбе за то, что она свела меня со многими замечательными людьми, героями и мучениками отечественного Сопротивления. И я не забуду, что впервые в этот круг я вошел на «Автозаводе», в доме Петра Ионовича.

...Похоронен П. Якир на Немецком кладбище в Москве возле могилы своей матери.

Анатолий Якобсон

Трагичной и гибельной оказалась судьба Анатолия Александровича Якобсона (мы, друзья, звали его просто Тошей). Его не сажали в лагерь, не запихивали в советские «психушки». Только дважды (или трижды) у него делали обыск, да несколько раз допрашивали. Но на его счету – составление ряда документов ИГ, подписание многих других правозащитных писем и обращений (за это он был, разумеется, «отставлен» от любимой педагогической работы в школе). А главное –

после ареста Н. Горбаневской в течении трех лет именно он редактировал «Хронику». И выпустил 16 ее номеров, за каждый из которых мог поплатиться свободой. Урывками он сумел написать блистательную книгу о А. Блоке «Конец трагедии», за которую был избран за рубежом членом ПЕН-клуба. И за которую дома вполне мог получить срок по 70-й статье. Мудрено ли, что он жил в постоянном напряжении, в ожидании ареста, а весь свой последний год в Советском Союзе находился буквально на волосок от него.

Обстоятельства подсказывали — надо уезжать. Ох, как наш Тоша не хотел этого! Ибо всеми духовными корнями он был связан с Россией и с русской словесностью. Поэзия «серебряного века» в особенности была его коньком. С А. Ахматовой он был знаком лично, и Анне Андреевне нравилось посвященное ей Толино стихотворение. Лидия Корнеевна Чуковская, Юлий Даниэль, Давид Самойлов и многие ценили Толин талант и дарили его своей дружбой.

А обстоятельства подстегивали: Красин и Якир дали на Якобсона обширные показания. КГБ предупредил, — в случае выхода следующего, 28-го номера «Хроники» Якобсон будет немедленно арестован. По «делу № 24» его уже не раз вызывали на допросы. Пока — свидетелем. — Но друзьям грозит та же опасность, а они остаются. Может ли он покинуть их в беде? И Тоша все оттягивал окончательное решение.

А обстоятельства торопили: сейчас — или никогда. Скоро будет поздно. И все-таки документы на выезд Толя подал, беспокоясь не столько за себя, сколько за будущее своего сына-подростка. Разрешение на выезд вскоре было получено. И в начале сентября 1973 года, как раз когда закончился суд над Якиром и Красиным, Толя с сыном, матерью и женой выехал в Израиль.

И тут сказалось страшное напряжение последних лет. Мы знаем сегодня: война ранит и контузит души и тех вернувшихся с нее солдат, которым не досталось ни ран, ни контузий. Кажется, они уцелели, спаслись. Но вдруг срывается в их мозгу какой-то дьявольский механизм, и они спиваются, сходят с ума, кончают с собой. А мы разводим руками и говорим: «афганский синдром», «чеченский синдром».

Нечто подобное произошло и с Тошей. Когда исчезло разрушительное внешнее давление, исчезла и необходимость быть напряженно собранным, настроенным на суровые испытания, готовым к борьбе. Тоша впал в тяжелую депрессию, не мог писать, не мог работать. Тоска по России и оставленным друзьям трансформировалась в постоянную, непереносимую боль, когда смерть видится единственным выходом. «Уезжая, я чувал, что совершаю почти самоубийство, – писал он Юлию Даниэлю. – Оказалось, что без всяких почти».

Депрессия привела Якобсона в больницу. Но лечение приносило лишь временное облегчение. Когда болезнь отступала, он снова брался за работу. В Израиле Якобсоном написаны три статьи о Б. Пастернаке, начата большая работа о М. Цветаевой. Но депрессии наваливались на него снова и снова. 28 сентября 1978 года адская машина в его мозгу все-таки сработала, и Тоша покончил с собой. Ему было всего сорок три года.

Не стану гадать, как сложилась бы Толина судьба, если бы он не уехал из России. Что толку в подобных гаданиях?! Уже два десятилетия как нет на свете нашего Тоши. Но пока живы его друзья, будет жива и память о нем. А частицы его щедрой и жертвенной души разбросаны на страницах его книг.

И я бы хотел – если когда-нибудь мне доведется побывать в Израиле – сходить в Иерусалиме на кладбище на Масличной горе и навестить там могилу моего друга...

Юрий Штейн

Мне осталось сказать несколько слов о Юрии Генриховиче Штейне. Год рождения – 1926-й. Профессия – кинорежиссер. В первых документах ИГ он – в числе «поддержавших». Но, начиная с ноября 1971 года, фамилия Штейн переходит в список членов ИГ. Его имя в этом качестве значится под четырьмя документами группы.

Весной 1972 года Ю. Штейн эмигрировал на Запад.

Впрочем, порой одна только поддержка документов ИГ могла дорого обойтись людям. И было бы несправедливым с моей стороны не назвать тех из «поддержавших»,

кто пострадал за это. Вот несколько имен (и это еще не полный перечень).

Гершуни Владимир Львович, 1930 года рождения. Узник сталинских лагерей, упомянутый в третьем томе солженицынского «Архипелага ГУЛАГ».

В. Гершуни был арестован 18 октября 1969 года, признан невменяемым, находился в Орловской спецпсихбольнице, освобожден в октябре 74-го. Еще раз помещался в спецпсихбольницу в 1982–1987 годах.

Умер в 1995 году.

Левин Аркадий Зиновьевич, **Пономарев Владимир Владимирович** (оба 1933 года рождения), **Недобра Владислав Григорьевич**, 1938 года рождения. Харьковские инженеры, знакомые Г. Алтуняна.

Все они были арестованы в конце 1969 года и приговорены – каждый – к трем годам лагеря общего режима. Главным пунктом обвинения было подписание ими первого Обращения ИГ в ООН.

ДОКУМЕНТЫ

– Да, – быть может, возразит мне иной читатель. – Членам ИГ, действительно, досталось не слабо. Но ведь они выступали как противники существовавшего тогда в СССР политического строя. Как враги коммунистической идеологии, попросту – как антисоветчики. Они встречались с иностранными корреспондентами и передавали им свои заявления и письма, а это тогда было запрещено законом. Конечно, они поступали так из высоких побуждений, и по-человечески их жаль. Но можно понять и власти. Государство вправе защищаться.

Рассуждения подобного рода не новость. Такую смесь осудительности с каплей показного сочувствия доводилось слышать и в те, минувшие времена. Но какова бы ни была ее подоплека, эта точка зрения является в сущности нагромождением бродячих предрассудков и устоявшихся заблуждений. Начать с того, что не существовало закона, запрещающего частным, приватным лицам встречаться с иностранцами и даже передавать им свои заявления и письма. Это, действительно, шло совершенно вразрез с тогдашними обычностями,

но не с писанным законом. А потому не должно было преследоваться уголовно. Существой подобный закон — по нему и судили бы диссидентов и правозащитников. И не потребовались бы тогда фальсифицированные обвинения в «заведомо ложных измышлениях» и в «клевете на строй». Что же касается того, за что выступала и против чего боролась ИГ, то тут следует обратиться к самим документам группы.

В 1976 году в Нью-Йорке в издательстве «Хроника» вышел единственный сборник документов Инициативной группы. И хотя не все письма ИГ вошли в него, сборник дает верное представление о ее деятельности.

В ряду документов об арестах, заключениях в психбольницы и судах за отстаивание независимых убеждений особняком стоит письмо, датированное маем 1970 года. В этом заявлении, приуроченном к годовщине своего образования, группа единственный раз говорит о своих целях и принципах, о том, *«почему она действует так, а не иначе»*. Вот что там сказано.

Инициативная группа лишь отчасти может считаться объединением единомышленников. Но всех ее участников — *«верующих и неверующих, оптимистов и скептиков, людей коммунистических и некоммунистических взглядов — объединяет чувство личной ответственности за всё происходящее в нашей стране»*.

Какие цели ставит перед собой ИГ? — Не социальный переворот, не какую-то крамолу. А всего лишь — *«защиту прав человека в СССР»*. При этом не каких-то не признанных советским государством и обществом прав. А тех, что записаны в Конституции страны, что провозглашены во «Всеобщей декларации прав человека» ООН.

Способы? Разумеется, не насилие, не террор, не захват заложников, к чему так склонны экстремисты всех мастей. А слово, гласность, открытое противостояние беззакониям. Не призывала группа и к гражданскому неповиновению. — *«Нас объединяет намерение действовать открыто, в духе законности, каково бы ни было наше внутреннее отношение к отдельным законам»*.

Политика? — *«Инициативная группа не занимается политикой. Мы не предлагаем никаких позитивных решений»*

в области государственного управления, мы говорим только: не нарушайте собственных законов».

Антисоветская, противогосударственная направленность? — *«ИГ не считает, что, критикуя действия властей, она выступает против государства.(...) Квалификация нашей деятельности как антисоветской равносильна утверждению, что нарушения прав человека вытекают из природы советского строя».*

В письме группа подчеркивает, что не считает свой образ действий — обращения в ООН — ни самым правильным, ни единственно возможным. Но — *«мы пытаемся что-то сделать в условиях, когда, с нашей точки зрения, ничего не делать — нельзя».*

Как коротко рассказать о документах и деятельности группы? Первые пять писем составляют как бы единый цикл, продолжая друг друга. Все они адресованы в ООН и рассказывают о преследованиях инакомыслящих в Советском Союзе, в том числе членов ИГ и тех, кто поддержал их обращения. В письме от 17 января 1970 года помещен, вероятно, первый в правозащитных документах список — 63 фамилии тех, кто подвергся репрессиям по политическим мотивам в 1969 году.

О следующем документе — к годовщине образования группы — я уже рассказал выше. Письмо это было адресовано в Агентство печати «Новости» и в Агентство «Рейтер». Разумеется, родное советское АПН промолчало и не опубликовало письмо. И тем лишний раз подтвердило правоту утверждения ИГ: *«К несчастью, нет другого способа предать гласности правонарушения, происходящие в СССР, как только сообщив о них за границу».*

Итак, в течении первого года определилось лицо и принципы деятельности группы. Между тем реалии отечественной жизни давали, увы, все новые поводы для выступлений ИГ.

1971 год. «О психиатрических репрессиях в Советском Союзе»; письмо в защиту недавно осужденного А. Левитина (Краснова); Обращение к 5-му международному конгрессу психиатров; два письма в защиту арестованного В. Буковского.

1972 год. Еще одно письмо — теперь против осуждения В. Буковского. Заявление в связи с арестом Л. Плюща. Призыв изменить меру пресечения арестованному П. Якиру.

Протест в связи с новой волной преследований за убеждения в СССР.

Убедившись, что ООН не намерено вступаться за преследуемых в СССР за убеждения людей, ИГ пробует теперь всё новые адреса: письмо о злоупотреблениях психиатрией направлено Международному конгрессу психиатров; обращение в защиту церковного писателя А. Левитина (Краснова) — Поместному Собору Русской Православной Церкви и Римскому Папе; протест в связи с нарушением права на защиту В. Буковского — Генеральному прокурору СССР и Международной лиге прав человека. Но каждый раз при этом подразумевается еще один — и главный! — адресат: отечественная и мировая общественность. Не все эти письма вошли в сборник документов ИГ, некоторые лишь кратко упомянуты в «Хронике».

1973 год. Открытое письмо в защиту осужденного на психиатрическую каторгу Л. Плюща. И — заявление ИГ в связи с закончившимся процессом П. Якира и В. Красина. Это письмо очень важно, и на нем поэтому мне придется остановиться подробнее.

Затевая процесс над «лидерами движения» (так же, как и совпавшую с ним по времени кампанию травли А. Сахарова и А. Солженицына), власти преследовали далеко идущие цели. Сломив и принудив к капитуляции П. Якира и В. Красина, заставив их признаваться в клевете и «антисоветчине» и публично каяться, КГБ рассчитывал деморализовать и запугать своих противников, продемонстрировать всем бессмысленность сопротивления тоталитарной власти. И, конечно, скомпрометировать и задушить ненавистную ИГ, по меньшей мере — заставить ее замолчать.

Могло показаться, что эта цель вот-вот будет достигнута. Преследования обескровили группу. Из 15 человек ее первоначального состава «в строю» после всех потерь оставалось пятеро: Т. Великанова, С. Ковалев, А. Левитин (Краснов), Г. Подъяпольский и Т. Ходорович. Но и они поставлены в тяжелое положение. Оговоры и преследования со стороны КГБ привычны и понятны, им давно не верит общественность. Но сейчас обвинения в клеветнической деятельности ИГ подтверждают вчерашние сотоварищи. Как ответить им, чтобы

возражения не выглядели кухонной склокой — мол, сам такой? Документ рождался в трудных спорах. Свой проект письма с резким осуждением П. Якира и В. Красина за трусость и предательство предложил А. Левитин (Краснов). Его поддержал Г. Подъяпольский. Их главным оппонентом выступил С. Ковалев, и его точка зрения в итоге возобладала. Что же сказано в заявлении ИГ?

Сдержанный тон, почти бесстрастная констатация: на закончившемся процессе *«бывшие участники ИГ выступили с ложными заявлениями»*.

«Трагично, что эта ложь касается также судьбы и репутации всех политических заключенных в лагерях, тюрьмах и психиатрических больницах».

Группу обвиняют в клевете? — *«Во всех документах ИГ мы сообщаем только факты. Мы убеждены в истинности своих сообщений»*. И далее: *«Группа принципиально воздерживалась от каких-либо политических выступлений»*. *«Она выступала только против таких действий властей, которые считала бы недопустимыми при любом строе и при любом правительстве»*.

На суде возмущенно опровергалась реальность психиатрических репрессий в СССР? — *«Мы продолжаем утверждать, что в нашей стране психиатрия в ряде случаев используется для расправы с неугодными властям людьми»*. И эту *«чудовищную действительность»* не могут, к сожалению, отменить ни покаяния П. Якира и В. Красина, ни решения судов, ни публичные утверждения академика АМН А. Снежневского и профессора Р. Наджарова (тем более, что эти профессора подписывали экспертные заключения о психической ненормальности преследовавшихся по политическим обвинениям людей, а следовательно, — *«сами являются соучастниками преступления»*).

Отмечая длительные сроки и недопустимые условия ведения следствия, ИГ косвенно вступает за П. Якира и В. Красина: *«Мы протестуем против таких методов воздействия, которые ломают человеческую личность, вынуждают оговаривать свои деяния, деяния своих товарищей, самих себя»*.

Преследуемая и травмиемая сама, ИГ не забывает поддерживать других подвергшихся травле людей: *«Мы полагаем своим долгом заявить, что достойная и мужественная позиция акаде-*

мика А. Сахарова и писателя А. Солженицына вызывает у нас глубокое уважение».

Нас хотели запугать и принудить к молчанию? — *«Инициативная группа надеется и впредь предпринимать индивидуальные и коллективные усилия, направленные на расширение общепризнанных свобод — таких, как свобода выражать и распространять мнения или, например, свобода от недобросовестных судебных обвинений».*

Это письмо, датированное сентябрем 1973 года, показало, что ИГ не собирается прекращать свою деятельность. И тогда КГБ решил испробовать другой — иезуитский — прием. Попытаться поймать правозащитников на наживку в «гуманной» обертке. По сути, был предложен циничный торг духовной свободой — и тех, кто еще на воле, и тех, кто пытается отстаивать ее в лагерях и психушках. А именно: от неназываемых лиц членам ИГ стали передаваться предложения «поручиться» за такого-то из находящихся в заключении друзей. Тогда, мол, его участь будет облегчена, быть может, даже его выпустят на свободу. *«Содержание поручительства простое: и заключенный, и поручитель должны впредь молчать».*

В январе 1974 года Т. Великанова, С. Ковалев и Т. Ходорович в открытом письме рассказали об этих предложениях и высказали свое отношение к ним: *«Мы поставлены перед невыносимо трудным выбором, — вымогательство рассчитано точно и жестоко (...) нельзя осудить никого, кто пошел бы на эту сделку, — такой шаг диктуется жалостью и любовью.*

Но пожертвовать своим духом — это самоубийство, чужим — убийство. Духовное. (...) А тем, кто ставит нас в такое положение, мы можем сказать только одно: нет.

Ваши дела, ваша совесть, ваш грех — ваш ответ.

Хотите использовать заложничество?

Мы вам не помощники».

После этих заявлений стало ясно, что правозащитное движение оправилось от потрясения, вызванного процессом Якира — Красина. Или почти оправилось. Ибо «Хроника» все-таки больше не выходит. На следствии и суде этот самиздатский бюллетень не единожды был объявляем клеветническим и антисоветским. Возобновить теперь его выпуск — это даже не риск, а верный способ заработать путевку

в ГУЛАГ. Без очереди и надолго. Нет, нельзя ради какой-то там свободы информации жертвовать собственной свободой.

Но существует еще долг перед узниками совести. Перед теми, кто уже брошен в лагеря и психушки за слово и независимые убеждения. И для кого гласность – последняя надежда и защита от произвола тюремщиков. Можно ли предать их, оставить одних и без поддержки во власти безжалостных душителей?!

...Причудю обстоятельств я узнал об этом в кинотеатре «Художественный». Где-то в начале мая 1974 года мы – С. В. Каллистратова, Людмила – моя жена – и я – собрались посмотреть недавно вышедшую на экраны шукшинскую «Калину красную». Встретились возле билетных касс. В фойе перед началом сеанса Софья Васильевна протянула мне листок с напечатанным на машинке коротким текстом. Всего две фразы. И три подписи под ними.

– Вот и еще с тремя нашими дорогими друзьями нам скоро придется надолго расстаться. – В этих словах Софьи Васильевны сквозили и горечь, и гордость. Горечь – от предвидимой насильной разлуки. И гордость – за тех троих, кто не побоялись, решились.

А тот текст – вот он от слова до слова:

«Не считая, вопреки неоднократным утверждениям органов КГБ и судебных инстанций СССР “Хронику текущих событий” нелегальным или клеветническим изданием, мы сочли своим долгом способствовать как можно более широкому ее распространению.

Мы убеждены в необходимости того, чтобы правдивая информация о нарушениях основных прав человека в Советском Союзе была доступна всем, кто ею интересуется.

Т. Великанова, С. Ковалев, Т. Ходорович».

Формально – это даже не письмо группы (и его нет в сборнике документов ИГ). А всего лишь личное заявление трех ее членов. Только что вместе с очередными номерами «Хроники» они отдали его иностранным журналистам.

Все окончательно вернулось на свои места. Вошло в привычную колею. Каждому предстоит опять заняться своим делом: КГБ будет снова отслеживать и отлавливать инакомыслящих. Инициативная группа будет опять вступаться

за жертв произвола. А «Хроника» будет все это аккуратно запечатлевать и фиксировать, чтобы поведать современникам и потомкам.

...После суда над Якиром и Красиным прошло ровно восемь месяцев. Кризис «движения» был окончательно преодолен.

Вопреки всем расчетам КГБ 1974 год стал периодом едва ли ни наивысшей активности ИГ. Помимо упомянутых мной документов в этом году были составлены письма в защиту: В. Некипелова; В. Хаустова; П. Григоренко; М. Джемилева; К. Любарского. И наконец, имевший далекие последствия документ – о Дне политзаключенного – 30 октября.

Идея учредить День политзаключенного родилась в мордовских лагерях; ее инициаторами были К. Любарский и А. Мурженко. Тайными путями это предложение переправили на другие острова лагерного архипелага, сообщили о нем на волю. С тех пор ежегодно в этот день политзаключенные, отстаивая свои права, держали голодовку. Одновременно остававшиеся на свободе правозащитники выступали в поддержку своих сотоварищей. Начало этой традиции – 1974 год. Именно тогда 30 октября Инициативной группой была устроена пресс-конференция. После вступительного слова А. Д. Сахарова перед журналистами выступил С. Ковалев. Он рассказал об инициативе политзаключенных и пояснил – кто такие политзаключенные в Советском Союзе. Это не одни только правозащитники. Но и люди, преследуемые за религиозные убеждения. И те, кто добивался эмиграции или пытался бежать из СССР. И участники национальных движений. Их объединяет то, что они не совершали никаких насильственных или противоправных действий. Это сами власти преследуют их по идеологическим и политическим мотивам да еще и лицемерно называют уголовниками. Поэтому первым требованием узников совести является признать их «политическими» и отделить от уголовных преступников. Политзаключенные настаивают также на отмене принудительного труда и обязательного выполнения нормы; на отмене ограничений в переписке, посылках и передачах; на полноценном медицинском обслуживании и на других подобных требованиях. Выступлением Ковалева была заявлена тема, развитая в ряде последующих документов ИГ, – о положении в тюрьмах и

лагерях, о борьбе политзаключенных за свои права, честь и достоинство. Пресс-конференция получила большой резонанс, представленные на ней материалы печатались за рубежом, звучали в передачах «голосов», вещавших на Советский Союз. Власти не простили этих разоблачений. Меньше, чем через два месяца после пресс-конференции С. Ковалев был арестован. Письмо в его защиту стало последним выступлением ИГ в 1974 году.

Противостояние правозащитников тоталитарному монстру выглядело тогда (да и десятилетие спустя) совершенно безнадежным. Казалось, оно только множило число жертв. Но то, за что заплачена высокая цена, приобретает упрямую жизнестойкость. И слабый Давид побеждает порой надменного Голиафа. Кто в середине 70-х мог даже помыслить, что всего полтора десятилетия спустя в центре Москвы, в двух шагах от той самой Лубянки будет установлен «Соловецкий камень»? Что еще через год Верховный Совет России официально признает 30 октября днем памяти жертв политических репрессий? Что будут пересмотрены и смягчены сами Российские законы, регламентирующие положение заключенных, и что эти изменения окажутся в духе тех давнишних требований правозащитников?

...Но все это произойдет в неведомом нам тогда будущем. А пока состав группы неотвратно сокращался. Пятеро... четверо... трое... двое. Еще до ареста С. Ковалева в сентябре 1974 года эмигрировал на Запад А. Левитин (Краснов). В марте 1976 года умер Г. Подъяпольский. И вот уже вся ИГ — только две Татьяны. Великанова и Ходорович.

В 1975—1976 годах, продолжая выступать в защиту отдельных жертв произвола (В. Буковского, В. Игрунова, М. Наричи), ИГ уделяет все большее внимание положению в лагерях. Следуют письма — о ширящихся требованиях статута политзаключенных; об избиениях и голодовках протеста во Владимирской тюрьме; призыв к правозащитным организациям поддержать и сделать широко известным обращение матерей и жен политзаключенных. И вот, наконец, последнее включенное в сборник документов ИГ письмо от 22 мая 1976 года — «Протест и предложение». Протест — против бесчеловечного, равносильного пыткам обращения с объявившим голодов-

ку В. Буковским во Владимирской тюрьме. И предложение — создать независимую международную комиссию, которая обследовала бы положение находящихся в этой тюрьме узников совести. С тем условием, чтобы советская администрация не чинила препоны работе этой комиссии. Документ подписан «полным» — на тот момент — составом ИГ: Т. Великанова, Т. Ходорович. Но дальше — кроме привычного списка «поддержавших» — подписи членов «Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР» — М. Ланда, А. Гинзбурга, М. Берштама. Что же это за новая группа? Московская группа «Хельсинки» (МГХ) родилась как раз в то время, когда силы Инициативной группы были на исходе. Во многих отношениях эта новая и энергичная общественная организация стала преемницей ИГ. У Московской группы «Хельсинки» своя судьба, более короткая, но не менее драматичная. В свой черед, если достанет времени и сил, я постараюсь рассказать и о ней.

В 1976 году был только один документ от имени собственно ИГ — о психиатрических репрессиях последних месяцев. Ряд других правозащитных писем (о нарушении прав национальных меньшинств; о голодовках политзаключенных 10 декабря, в День прав человека; в поддержку предложения об одновременном освобождении В. Буковского и Л. Корвалана и другие) подписаны совместно обеими группами. Большинство из них помещены в сборниках МГХ. И быть может, кто-то возразит мне, что, строго говоря, эти письма уже нельзя считать документами ИГ.

Но я и не настаиваю на этом. Я только отмечаю, что, пока в подписях под правозащитными письмами люди читают: «от ИГ — Т. Великанова, Т. Ходорович», — феномен Инициативной группы продолжает существовать в общественном сознании. Когда же и под каким документом слова «Инициативная группа» были поставлены в последний раз?

В 1977 году эмигрировала во Францию Т. Ходорович. Теперь по большей части Т. Великанова подписывает правозащитные письма как частное лицо. Но не всегда. Под двумя документами МГХ за 1977 и 1978 годы упрямо значится: «от ИГ — Т. Великанова». Похоже, пока она на свободе, история ИГ так и не закончится. Но ведь это можно поправить.

30 октября 1979 года по заведенной традиции на квартире А. Сахарова состоялась пресс-конференция, посвященная Дню политзаключенного. Т. Великанова выступала и председательствовала на ней. Всего два дня спустя она была арестована и помещена в Лефортовскую тюрьму. И только теперь, схватив и «обезвредив» «последнюю из могижан» ИГ, КГБ мог быть твердо уверен, что слова «Инициативная группа» никогда не появятся больше ни под одним документом.

...«Хроника», 63-й номер. В разделе «В тюрьмах и лагерях» помещен призыв к Президиуму Верховного Совета СССР проявить гуманность и отменить последующую ссылку освобождающимся в 1982 году из Мордовского женского лагеря строгого режима четверем пожилым женщинам с подорванным многолетним заключением здоровьем: Г. Силивончик, О. Попович, А. Хвотковой и М. Семеновой.

Призыв датирован 17 ноября 1981 года.

И подписан:

«Великанова Т. М., член Инициативной группы защиты прав человека в СССР».

Осипова Т. С., член Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР».

Итак, ИГ и МГХ объединяются и сотрудничают даже в заключении. Неведомыми путями этот документ, не пропущенный администрацией, вырвался на свободу из лагерной преисподней!

...С мая 69-го по ноябрь 81-го ИГ — коллективно или индивидуально, самостоятельно или в соавторстве — подписано 40 правозащитных писем. 20 из них помещены в сборнике документов ИГ, остальные приведены или упомянуты в «Хронике» или рассыпаны в самиздате. Возможно, со временем отыщется и еще несколько неизвестных мне документов группы.

Только четверых из 15 участников ИГ обминули годы неволи. Одиннадцати остальным досталось совокупно — тюрем, лагерей и «психушек» — сорок восемь лет. — Человеческая жизнь. Пушкин прожил на 10 лет меньше. И это — не считая шестнадцати лет полуневоли — ссылки.

ИГ — это десятки обысков, десятки допросов. Долгие месяцы голодовок, ПКТ, ШИЗО. Это — 18 судов. И всего две капитуляции с покаянными телеинтервью. Стоит привести

и среднюю государственную расценку одного документа ИГ. Она «тянет» более чем на год лишения свободы.

Что же касается повествования, — уже не о самой группе, а про человеческие судьбы ее «действующих лиц», — то его никак нельзя закончить прежде, чем все они вновь обретут свободу. Вот хронология этих освобождений: М. Джемилев вышел на волю 18 декабря 1986 года; в том же декабре вернулся из ссылки в Чумикане А. Лавут; Г. Алтуныяна освободили 9 марта 1987 года; С. Ковалеву разрешили проживать в Москве в январе 88-го; а в июле 88-го вернулась из казахстанской ссылки Т. Великанова...

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Мой рассказ об Инициативной группе подошел к концу. Но прежде чем поставить точку, я хотел бы подумать и поговорить с читателем о месте и значении ИГ в новейшей российской истории. Разобраться, чем в действительности была (а чем — не была) ИГ в судьбах нашей родины (этот вопрос по существу относится и ко всему правозащитному движению). Что в итоге принесла деятельность группы — отдельным людям и России в целом? Благо? Или вред? Добилась ли она — хоть однажды — чего-то реального? Или все ее выступления и обращения оказались просто пустой и бесполезной суетой, а принесенные жертвы — ненужными и бессмысленными?

Вопросы эти совсем не риторические, и на них нелегко ответить. Особенно в наши смутные и бедственные времена, когда в одночасье рухнул Советский Союз, когда поставлено под вопрос будущее и само существование России. Нам бы сохранить трезвость мысли, разобраться в подлинных причинах случившейся катастрофы, отыскать выход из тупика. Куда там! То ли по привычке, то ли по несчастному свойству нашего ума мы каждый раз виним в постигших нас бедах не себя, а очередных коварных врагов, и нам повсюду мерещатся их козни и заговоры. На реформаторов — начиная с М. Горбачева — принято вешать всех собак. Это они развалили СССР. Разворовали, разорили и довели до ручки великую страну. Развратили ее духовно. И уж конечно, сделали это по планам и по заданию ЦРУ и мирового сионизма.

А если заглянуть поглубже... разве не диссиденты заложили ту «мину замедленного действия», на которой и подорвался СССР в 1991 году?

Каким потерянным раем, каким светлым царством социальной справедливости и братства народов видится в ностальгических снах «единый, могучий Советский Союз» нашим кумачовым патриотам! Как скорбят они о потере «великих завоеваний Октября»! Ненависть и жажда отмщенья застыт им глаза, и они не видят, что оплакивают — *миф*, что ни рая, ни «великих завоеваний», ни подлинной дружбы народов в СССР просто не было. Не понимают они и того, что последний смертельный удар Советскому Союзу нанесли именно «патриоты-заединщики», затеявшие преступный и глупый переворот, организованный ГКЧП буквально накануне назначенного подписания нового союзного договора. Этот договор, вероятно, не спас бы СССР, но он мог бы продлить на несколько лет его существование. А проклинаемые нашими «патриотами» Беловежские соглашения... они всего лишь удостоверили на бумаге, что СССР действительно скончался.

Обвинения в развале СССР бессмысленны уже потому, что Советская империя была смертельно больна и обречена исторически. Она развалилась бы все равно — и без борьбы диссидентов за идеи права и свободы, и без неуклюжих попыток запоздалых реформ, и даже без медвежьих услуг «патриотов-державников». Вероятно, кто-то не согласится со мной и скажет, что, напротив, распад СССР не был закономерным и тем более неизбежным, что он грянул как гром среди ясного неба, что еще за пять лет до краха СССР никто не решился бы ни предсказать, ни даже вообразить такого. Последнее утверждение я могу решительно опровергнуть. Вот что писал весной 1969 года — *за двадцать два года до распада СССР* — Андрей Амальрик, наш соотечественник, 30-летний историк, публицист и литератор: «Я не сомневаюсь, что эта великая восточнославянская империя (...) вступила в последние десятилетия своего существования». Поясняя, почему он так думает, Амальрик приводил следующий вероятный сценарий.

СССР, ослабленный подспудным сепаратизмом республик, с его хронически больной экономикой втягивается в военный конфликт с Китаем. Когда Советский Союз увязнет

в этой войне, начнется отпадение и десоветизация его восточноевропейских сателлитов, произойдет воссоединение Германии. В условиях нарастающего развала экономики и усиливающегося национализма на местах любой резкий толчок приведет к внезапному краху империи.

Все произошло по писанному. Амальрик допустил лишь ничтожную — в масштабах истории — погрешность в сроках, — СССР продержался на семь лет дольше предсказанной в статье даты его вероятной гибели. Ошибся автор и в другом. Не крупномасштабный конфликт с миллиардным Китаем, а всего лишь «ограниченная» экспедиция в Афганистан, обернувшаяся затяжной войной, оказалась роковой для Советского Союза. Неудачная и непопулярная, эта война подорвала дух и экономику страны и привела ее к окончательному распаду.

Статью «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Амальрик опубликовал за рубежом под собственным именем. В древности восточные деспоты казнили гонца, привезшего им черную весть. Так и наши власти в бессмысленной злобе упекли автора неприятных прогнозов в лагерь, где он едва не умер от менингита. Через год после освобождения ему пришлось эмигрировать на Запад. А в 1980 году, 42 лет от роду, Амальрик погиб в автоаварии, так и не увидев, как поразительно точно сбудется его предсказание.

Что может быть нелепей раздающихся сегодня призывов восстановить советскую власть?! Как будто эта власть у нас когда-то существовала! Как будто не общеизвестно: все советы — от местного до верховного — изначально были зависимы и безвластны. Они были только декорацией, маскирующей подлинную власть, — всеобъемлющую тоталитарную власть клана партийной номенклатуры.

Мне представляются попросту смешными обиды наших «патриотов-державников» на «измену и неблагодарность» отпавших от России союзных республик. В этих обидах — поразительная смесь наивности и невежества, младенческой веры в пропагандистские штампы с нежеланием знать «неудобные» исторические факты. Как будто не было ни разбойного захвата нами стран Прибалтики в 1940 году, ни последующего превентивного массового террора, ни губительной высылки на Крайний Север и в Сибирь цвета прибалтийских

наций — многих десятков тысяч «буржуев» и неблагонадежных интеллигентов. КГБ без срока давности отлавливал и карал «лесных братьев» и оуновцев, — всех тех, кто в первые послевоенные годы пытался с оружием в руках сопротивляться оккупантам и бороться за свободу своей родины. Государственным преступлением признавалось и мирное выступление за независимость, — хотя право союзных республик на свободный выход из СССР было записано в нашей Конституции. Судили и сажали даже тех, кто отстаивал всего-навсего культурную автономию или выступал против насильственной русификации.

А наказанные и сосланные народы? Это сталинское изуверство, боюсь, еще не раз аукнется нам. Потому что рано или поздно приходится платить по счетам. Мы не вправе забывать и о том, что советизация как Закавказья, так и Средней Азии в 1918—1921 годах не была народным волеизъявлением. Она осуществлялась штыками Красной Армии и являлась, фактически, — завоеванием.

А травля «безродных космополитов»? А потаенный расстрельный процесс Еврейского антифашистского комитета, о котором свыше трех десятилетий молчала советская печать? А «дело врачей»? А государственный антисемитизм, лицемерно именовавшийся «борьбой с сионизмом»?

И все это насильничество кощунственно называлось нерушимым братством советских народов! Вот истоки нынешней подозрительности, недоброжелательства, а порой и ненависти к России в отделившихся республиках. Мы пожинаем то, что посеяли. А пытался ли хоть кто-то в свое время сказать правду о подлинной сути советского «братства народов»? Да, пытался. Например, Ю. Даниэль. В 1960—1961 годах им была написана повесть «Говорит Москва». В ее последней главе в числе прочего рассказывается, как прошел в братских республиках — фантастическое допущение! — «день открытых убийств». Как многое угадал Даниэль! Там есть и про Прибалтику, и про Среднюю Азию, и про Кавказ. Там есть даже вошедшее четверть века спустя в наше сознание слово «Карабах». И что же? Автору дали пять лет, а в России повесть впервые была напечатана почти 30 лет спустя. Зато нам крутили лихой советский боевик «Белое солнце пустыни», где талант-

ливые актеры талантливо вешали нам на уши лапшу о нашей самоотверженной интернациональной «помощи» трудящимся-мусульманам в Гражданскую войну...

Имперская психология, увы, не стала для нас прошлым. Она и сегодня отравляет нас своим ядом, приводя к душевной порче русского народа. Именно отсюда берет начало русский нацизм и шовинизм. Свежий пример: бесноватый, лихо матерящийся маразматик в генеральских погонах срывает аплодисменты толпы погромными призывами. А нашей Думе, нашей умнице-Думе недостает ни духу, ни ума призвать к ответственности зарвавшегося бандита. Мне стыдно, что в моей стране может происходить такое.

Обличители диссидентства повторяют сегодня зады советской юстиции. Тогда суды, послушно приравнивая защиту жертв произвола и требования соблюдать законность к подрыву советского строя, сурово преследовали правозащитников. Ныне идеологи «державности» объявляют диссидентов по меньшей мере морально ответственными за распад СССР. И точно так же не утруждают себя доказательствами. Любопытно, что высказывалась и противоположная точка зрения, упрекавшая диссидентов в недостаточно радикальном противостоянии режиму, расценивавшая призывы соблюдать существующие законы коллаборационистскими и едва ли ни рабскими. Так, знаменитый автор «Архипелага ГУЛАГ» с презрительным сарказмом писал о подобных требованиях правозащитников в 1982 году из Вермонта (к этому времени все оставшиеся в СССР члены ИГ уже потеряли свободу): «...они согласны были и на эту власть, и на эту конституцию, только чтобы она «честно выполнялась». Это не один только прием у них был — “соблюдайте ваши законы!”» («Вестник Русского Христианского Движения», № 139, с. 143).

Не касаясь справедливости солженицынских оценок, могу подтвердить, что в одном он совершенно прав: требование соблюдать писанные законы не было у правозащитников «приемом», а являлось одним из основополагающих и выстраданных принципов. Правозащита и призывы к соблюдению законности по определению не могут быть деструктивными и антигосударственными. Если, разумеется, само-государство не зиждется на тотальном попрании собственных законов.

Нет, решительно заблуждаются те, кто хотел бы числить правозащитников в ряду ниспровергателей коммунистического режима и разрушителей советской империи. Сами участники движения никогда не претендовали на эту сомнительную честь.

Но тогда — в чем смысл и значение движения за права человека и одного из его первопроходцев — Инициативной группы? Быть может, вмешательство и заступничество ИГ спасло многих от лагерей и «психушек»? Увы, это не так. Вот простейшие подсчеты. В документах ИГ я нашел 169 имен, в чью поддержку или защиту выступала группа. И что же? Лишь трем-четырем из них вмешательство ИГ, возможно, как-то облегчило участь. После множества отечественных и зарубежных петиций и протестов, начало которым положили обращения ИГ, власти освободили П. Григоренко, обменяли (на Л. Корвалана) В. Буковского, прекратили дело и выпустили в очередной раз арестованного бывшего политзэка и писателя 65-летнего М. Нарицу, да дали лагерный срок (вместо бессрочного заточения в «психушку») В. Некипелову. Вот, пожалуй, и всё. Если же при этом учесть тюремные и психиатрические сроки самих членов ИГ (а ведь за освобождение, к примеру, Л. Плюща тоже пришлось долго сражаться), — баланс выйдет и вовсе отрицательным.

Так неужели создание ИГ оказалось трагической ошибкой, ее борьба за «права человека» — ненужной, а весь ее скорбный путь — бессмысленным и бесплодным? — Напротив, я убежден, что подвиг ИГ трудно переоценить. Только его последствия не поддаются арифметическому исчислению, его плоды становятся видимыми лишь годы и годы спустя, и искать их надо не столько в сфере действий и свершений, сколько в неуловимой и тонкой области духа. Возникновение и правозащитная деятельность ИГ медленно, но неуклонно меняли атмосферу в нашей стране. Ее документы ставили людей перед нравственным выбором: остаться ли в стороне, прикинувшись слепым и глухим, — или с риском для себя вступить за гонимых. Пример ИГ предостерегал: сопротивление произволу может обойтись человеку очень дорого. Но тот же пример доказывал: такое противостояние — в человеческих возможностях.

И возникала цепная реакция Добра, — находились все новые люди, преодолевавшие десятилетиями прививаемый нам страх, распрямлявшиеся и открыто выступавшие в защиту преследуемых. И рождалось небывалое до той поры в Советском Союзе явление — независимое общественное мнение. Какой электронный калькулятор подсчитает последствия этого?!

Конечно, ни призывы ИГ, ни общественное мнение никого не могли спасти от расправы. Но правозащитные воззвания спасали узников совести от безвестности. Об их судьбах начинали писать иностранные газеты, рассказывать зарубежные радио- и телепередачи. И вот уже на Западе создаются Комитеты в их защиту, их имена звучат не только на пресс-конференциях и на митингах, но и из уст президентов и премьеров. Я не берусь объяснить читателю, что значит для политзаключенного сознание, что он не одинок, что о нем помнят, что за его освобождение борются. Чтобы понять это вполне, надо, наверное, самому побывать за решеткой.

Инициативная группа и возобновленная «Хроника» становились гарантом того, что любой арест за слово и убеждения, каждый случай произвола обязательно станут широко известны и вызовут открытый протест. И это, по-видимому, все-таки умеряло порой репрессивную прыть Комитета госбезопасности. Ведь доблестные чекисты привыкли душить свои жертвы в тишине и безгласности. И им делалось неуютно, когда ИГ и «Хроника» высвечивали перед целым миром их «подвиги». Так, обжегшись на процессе Синявского и Даниэля, советские власти в дальнейшем — за немногими исключениями — остерегались сажать авторов за публикацию своих произведений на Западе. Нет, не были правозащитные призывы ИГ никчемным толчением воды в ступе, бесполезным для тех, кого группа стремилась защитить, и опасным для самих защитников. Но если б даже группа не принесла никакой видимой пользы... нравственный пример обществу и отважное заступничество за жертв беззаконий, — разве этого мало, чтобы посчитать деятельность ИГ осмысленной и оправданной, а ее судьбу — достойной уважения и состоявшейся?

Но история ИГ не исчерпывается историей собственно Инициативной группы. Потому что она имела продолжение

и приемство. ИГ стала первой в Советском Союзе независимой общественной ассоциацией. И созданный тем самым прецедент не пропал втуне. Спустя год возник «Комитет прав человека», в 1976 году – Московская группа «Хельсинки». А вслед за ними – «Христианский комитет защиты прав верующих» (1976), «Инициативная группа защиты прав инвалидов» (1978) и ряд других отечественных групп и организаций. Да и только ли отечественных? С большой долей вероятности можно предположить, что опыт ИГ и МГХ учитывался чехословацкими правозащитниками при создании ими «Хартии-77». А образование МГХ послужило толчком к возникновению международного Хельсинского движения.

Судьбы этих групп схожи с судьбой ИГ. Ни одна из них не нарушала закона, ни одна не стремилась свергнуть режим, – и все они свирепо преследовались властями. Почему? Не происходило ли это по недоразумению? Зачем было сажать в тюрьму людей, исповедующих эволюцию, а не революцию, отвергающих насилие и настаивающих на соблюдении существующих законов? И все-таки, думаю, эти гонения нельзя назвать ошибкой. Режим верно чуял смертельную опасность в любом неподконтрольном объединении. Только дело тут было не в подрывном характере возникавших групп, а в коренном свойстве тоталитаризма. Он просто не может мириться с существованием ничего независимого – ни мыслей, ни людей, ни организаций. Провозгласив: «Кто не с нами, – тот против нас!» – большевики сами сделали своими врагами всех, кто не готов, отказавшись от собственного разума, беспрекословно следовать любым руководящим указаниям.

Объявив войну всему свободному и живому, большевизм по сути еще в 17-м году сам подписал свой смертный приговор. Но его исполнение – в назидание и наказание всем нам! – было отсрочено историей почти на три четверти века.

ДВА ЛИКА РОССИИ

Но к чему же мы пришли сегодня? И что может ожидать Россию в будущем?

Когда прежде было такое? Замерзающие без топлива города. Шахтеры, учителя, медики, по много месяцев не получающие зарплату. Блокада железных дорог и голодовки с требо-

ванием выплатить и вернуть людям их кровные. Отключение электричества. Падающий рубль и взлетающие под облака цены. Нищие и беженцы на каждом шагу. Стаи фашиствующих молодчиков на улицах. Стрельба, взрывы и кровь, — уже не только в горячих приграничных окраинах, но и в центральной России, и в обеих столицах. Криминальные «авторитеты», рвущиеся во власть...

Все это ужасно, но и с худшими бедами люди справлялись сообща. Да только наше общество глубоко расколото. И люди из противоположных станов видят друг в друге не соотечественников, а смертельных врагов. В то время как одни хотят убрать из Мавзолея мумию Ленина, другие требуют восстановить на Лубянке памятник основателю ЧК, садисту и палачу Дзержинскому. Гражданская война идей уже вовсю полыхает в России. И кабы только идей! Нет, в этой войне гибнут живые люди. Стреляют, взрывают, зарубают топором, убивают ножом — священников и монахов, банкиров и бизнесменов, журналистов и телевизионщиков, ветеранов Афганистана и Чечни. Не говорю уже о жертвах мафиозных разборок и о попавших под случайную пулю рядовых согражданах. Мы отвыкли удивляться этому. Каждый раз после громкого преступления мы слышим от высших чинов милиции и ФСБ: «дело взято на контроль», «привлечены лучшие криминалисты», «убийцы будут пойманы и наказаны». И знаем: преступников опять не найдут. Не могут? А может — не хотят?

А отстрел ширится, достает уже до властных и государственных структур и грозит перейти в неприкрытый политический террор. Убивают прокуроров, судей, петербургского вице-губернатора, депутатов Думы. И вот уже рука наемного убийцы по чьей-то указке расстреливает женщину-депутата, чьи взгляды и слова пришлись не по нраву ее политическим противникам. Это ли не предел подлости и морального падения?

Есть ли спасение от поразивших нашу страну неслыханных бедствий? Или это предвестие окончательного распада и гибели России? Безжалостный рассудок подсказывает: надежды почти нет. Летальный исход представляется неизбежным. Но сердце не мирится с таким приговором. И обращаясь к истории, я вот что прошу принять во внимание: Россию уже

хоронили. И не один раз. Но она превозмогла и татарское иго, когда поверженная, разграбленная и выжженная, сделалась навеки, как тогда казалось, вассалом Золотой орды. Восстала после междоусобиц Смутного времени. Ее не онемечила тяжелая петровская дубинка. И вновь поверженная ударом большевиков в спину, со смехом и гоготаньем распятая ленинской шайкой, она выжила и на кресте. Ее не домучила даже кровавая сталинщина. Так неужели Россия не воскреснет теперь, преодолев 70 лет большевистского ГУЛАГа и стоя уже на пороге воли?!

В чем тайна ее неизменного возрождения? Для «патриотов» известного пошиба тут все ясно: Русь — это третий Рим; мы, православные, — новоизбранный народ; Россия — добрый воин, уже не раз спасавший Европу и которому назначено спасти человечество в будущем веке; наш Бог не попустит гибели Святой Руси.

Подобное самовозвеличение и прокламирование собственной «святости» представляется мне пошлым и отвратительным. Оно не только вопиюще нескромно, не только отвергает православие в соблазн мессианства и гордыни. Оно поражает своей фальшью и лицемерием. Праведники и подвижники не кричат о своей святости. Им свойственно, напротив, ощущать себя последними грешниками. А уж попытка «приватизировать» Бога («русский Бог») — это подлинное святотатство.

Но не согласен я и с теми, кто твердит о безнадежности и обреченности «этой страны», о врожденной русской агрессивности и о постоянной угрозе России всему миру. Мы не воинственней и не жесточе других. А испытания великодержавностью безупречно не выдерживал, кажется, ни один народ. Как знать, окажись в имперской роли утеснявшиеся нами малочисленные народы, — не сотворили бы и они схожих — а то и худших — несправедливостей?

Пусть я не знаю, как нам выбраться из сегодняшней общероссийской беды. Пусть я не вижу — где выход из тупика. Пусть нет у меня верных рецептов — «как нам обустроить Россию». Неразрешимые сегодня, эти проблемы со временем непременно разрешат наши потомки. И я не приемлю горестный приговор, гласящий, что мы, русские — безнадежный, поте-

рянный, позабытый Богом народ, что Россия — страшно вымолвить! — всего лишь ошибка, брак творения, гиблое, проклятое место.

И все-таки — что такое Россия? Почему в отношении нашей страны сталкиваются столь полярные суждения и оценки? Дело, по-моему, в том, что существуют два лика России. Две ее ипостаси — темная и светлая. Они в вечном раздоре и борются друг с другом. И ни одна не способна одержать окончательную победу.

Есть Россия злобная, жестокая, вороватая и невежественная. Страна лодырей, пьяниц и хамов. Россия стукачей и предателей, насильников и палачей. Невменяемая и неуправляемая, опасная для соседей и сама себя истребляющая страна. Выродки и убийцы, терзающие народ, и толпа, прославляющая своих мучителей, — да заслуживает ли страна, где происходит такое, чего-то, кроме ненависти и презрения?!

Но была и есть другая Россия. С доброй, отважной и отзывчивой душой. Страна совестливых, талантливых и трудолюбивых людей, подвижников и праведников. Юнкеров и офицеров, сложивших головы, но не изменивших присяге. Священников и простых прихожан, исповедовавших свою веру и под дулами пистолетов. Детей, не отрекшихся от объявленных «врагами народа» родителей. Солдат с учебными винтовками и необученных ополченцев, заслонивших собой родину от гитлеровских полчищ. Матрен и Иванов Денисовичей, на своем горбу вытянувших Россию из послевоенной разрухи. Какая другая страна могла бы назвать столько новомучеников?

Но может, сталинщина окончательно перемолола и извела всё доброе на Руси — честь, совесть и свободолюбие? Может, больше нет среди нас героев, достойных служить для всех нравственным примером? Они есть, просто мы не научились благодарно помнить о людях, годами и десятилетиями противостоявших тирании, без чьих усилий и жертв тоталитаризм не рухнул бы так неожиданно легко, как высохшее дерево. И таких людей совсем не мало.

Андрей Сахаров да Александр Солженицын — пожалуй, только эти два имени пользуются широкой — и заслуженной! — известностью. Но были еще тысячи наших соотече-

ственников, открыто выступавших против беззаконий; и сотни протестантов пошли за это в тюрьмы и лагеря; и были среди них те, кто, как Анатолий Марченко, не вышли оттуда.

Кто-то, быть может, знает имя диссидентки и «демонстрантки за Чехословакию» Ларисы Богораз. Но кто вспомнит, что тогда пятеро мужчин и две женщины развернули — «за вашу и нашу свободу» — свои плакаты на Красной площади? И кто назовет сейчас их имена?

Многие ли знают сегодня о гражданских подвигах генерала Григоренко или адвоката Софьи Каллистратовой? — А они были бы славой и гордостью любого народа.

Кто хотя бы слышал имя Вазифа Мейланова? Этот 40-летний математик в январе 1980 года — один! — вышел на площадь в Махачкале с плакатом в защиту сосланного в Горький Сахарова. Четверть часа этого стояния стоили ему семи лет «строгача». В то время как наша славная Академия наук обессмертила себя тем, что ни разу — во всяком случае, публично — не вступилась за сосланного коллегу.

Вправе ли я хотя бы не упомянуть про «живое кольцо» — о людях, в августе 1991 году голыми руками оградивших Россию от коммунистического реванша?

И разве не из того же ряда — Инициативная группа?

Нет, не оскудевает наша земля добрыми и отважными людьми! И если истинно библейское обетование, что будут пощажены город и место ради десяти праведников, — нам нечего опасаться за Россию. Потому что самоотверженные праведники, чьими подвигами искупаются грехи ее черной ипостаси, никогда в ней не переведутся. И в этом, я думаю, тайна того, почему Россию доньше хранит Провидение.

Так происходит в большом, так повторяется в малом. Инициативную группу тоже хоронили не единожды. Но, возникшая первой, она существовала поразительно долго, дольше всех других, созданных в советские времена по ее образу и подобию. Вопреки всем ударам она не была сломлена и ушла непобежденной. Она лишь истаяла, как река в пустыне, и разделившись на ручейки, спряталась в песок. Но оставила после себя наследников и продолжателей. И кто предскажет, — какие плоды вырастут еще из этого семечка? А вся тайна ИГ (если уместно тут слово «тайна») состоит, я думаю, в том, что

она принадлежит светлому лику России. И потому — бессмертна в истории.

Философы утверждают, что зло — конечно, и его торжество всегда временно. Что в последнем счете сохраняется только Добро. Должно быть, мудрецы правы. И следовательно, темный лик России способен лишь на время заслонить ее светлую ипостась. Но так хочется отыскать собственный и несомненный залог для такой уверенности. Умиравший Тургенев в 1882 году, глядя на происходящее в России, только в волшебных свойствах русского языка находил спасение от отчаянья. Да отыщет каждый свой залог надежды! Для меня таким залогом была и будет Инициативная группа.

Нет, не пропащие мы! И не погибнет Россия, пока не переведутся в ней смелые и честные люди, чуткие к голосу совести, отзывчивые к горю ближнего, как свои ощущающие бедствия нашей страны. Я верю, что в трудный для России миг на какой-то — не обязательно московской — кухне сойдется по собственному почину горстка никем не уполномоченных и неизвестных мне россиян. Людей разных убеждений, профессий и возрастов, соединенных только тревогой и болью за происходящее на родине. Они соберутся — мужчины и женщины, русские и евреи, украинцы и полукровки, армяне, белорусы, татары, одним словом, Рассея, «всяк сущий в ней язык». И под дым сигарет будут полночи спорить, предлагать, отвергать и снова предлагать. Они поймут, что ответственные за судьбы страны и что *«ничего не делать — нельзя»*.

И что-то решат. И решатся. И напишут. И выступят.

И, быть может, как когда-то мое, чье-то молодое сердце вздрогнет, прочитав под незнакомым обращением слова: *«Инициативная группа»*.

1997–1998 годы

ЗАКОН И «ПОНЯТИЯ»

Летом 1981 года в Тольяттинском лагере УР-65/8 мой со-лагерник и сосед по бараку, совсем мальчишка на вид, спросил, за что я угодил в лагерь. Я никогда не таил сущность своего дела и дал ему прочесть свой приговор. Помнится, он не высказал по отношению к тому, что я делал, ни осуждения, ни сочувствия. Но вот что он решительно не мог взять в толк. В приговоре было сказано: я выступал с протестами в связи с арестами своих друзей; заявлял об их невинности; открыто оспаривал правомочность помещения в психбольницы тех людей, кого считал здоровыми. Что я распространял эту обличающую власти информацию, которая потом не раз передавалась вещающими по-русски зарубежными радиостанциями. Но, подтверждая все это, я не признавал себя виновным!

Как же так?! Мой сосед понял бы меня, если бы я пытался уйти в «несознанку». Но я не отрицал, что действительно распространял документы и заявления, выставляющие отечественную юстицию в самом неприглядном виде. Мои объяснения, что меня осудили за клевету, а в моих выступлениях, не было ни слова неправды, не доходили до сознания моего собеседника. По его понятиям, неважно, что пишется в законе. Общеизвестно: выступать с осуждением наших порядков, тем более — сообщать об этом иностранным корреспондентам — нельзя, за это всегда наказывают. Так как же, подтвердив, что я открыто обличал действия властей, можно было не признавать свою вину?!

Впрочем, какой спрос мог быть с моего молоденького соседа?! Разве служителям юстиции — следователям, прокурорам, судьям — не были свойственны те же подмена понятий и правовой нигилизм?! Тотчас после Октябрьского переворота 1917 года большевики провозгласили главенство «социалистического правосознания» и «революционной целесообразности». То есть поставили над законом — понятия. Это совсем

не юридический термин. Это неписанный и порой довольно расплывчатый кодекс поведения некой социальной группы, часто приклатненной или даже уголовной. Трагично, что многие десятилетия произвола воспитали в подобном духе большинство советских юристов. Отправляя диссидентов в лагеря и «психушки», иные из них, быть может, даже не сознавали неправосудность своих приговоров. Они следовали давно укоренившейся традиции и не задумывались, как это соотносится с писанным законом.

Между тем, интеллигенция сделала свои выводы из разоблачения преступлений сталинщины на XX съезде КПСС. Она поняла, что произвол проистекает из неуважения и несоблюдения закона; убедилась, что никакие действующие статьи УК не предусматривают наказания за убеждения и их открытое высказывание. Что таким образом в процессах по политическим делам в советских судах происходит жульническая подмена понятий. Так, правдивая, но разоблачающая власти информация бездоказательно именуется заведомой клеветой. Мирная (сидячая!) демонстрация против оккупации Чехословакии квалифицируется как «сборище» и «нарушение общественного порядка». А уж публикация на Западе (под псевдонимами) литературных произведений, сатирически изображающих нашу действительность, расценивается судом как «антисоветская агитация и пропаганда». Осознав, что закон на их стороне, диссиденты стали требовать от властей соблюдения писаного закона, уважения действующей Конституции.

Так зародилось в Советском Союзе правозащитное движение. Между тем суды вершили и вершили — не по закону, а по «понятиям»! — жестокие приговоры инакомыслящим. Казалось, прокурорам и судьям неведомо, что советская Конституция предоставляет своим гражданам свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций. Раз за разом правозащитники отвергали безосновательные обвинения в клевете, в антисоветской агитации и пропаганде и раз за разом отправлялись «мотать срока» в лагеря и «психушки».

К моменту моего ареста я хорошо знал существующую в СССР судебную практику. И нисколько не сомневался, что несмотря на свою правоту буду осужден. Но все равно считал

нужным заявить в суде свою позицию: *«Если бы законом каралось само по себе составление и распространение неофициальной информации, само общение с иностранными корреспондентами и выступления перед ними, — мне пришлось бы признать, что я виновен перед законом. Но закон карает не распространение информации само по себе, а распространение информации ложной, а точнее — заведомо ложной, то есть лживых, клеветнических измышлений. Я постараюсь доказать..., что информация, которую я распространял, как и все мои выступления, не является ни ложной, ни клеветнической»*. Далее я привел доказательства истинности вмененных мне как клеветнические утверждений, а затем выслушал ожидаемый обвинительный приговор. И вышел на свободу «по звонку» три года спустя.

...Наступила радужная пора перестройки. Были освобождены — правда, только по амнистии — политзаключенные времен «застоя». Но провозглашенное «новое мышление» туго доходило до голов блюстителей юстиции. Вплоть до распада Советского Союза реабилитированных можно было пересчитать по пальцам. Безуспешную попытку восстановить справедливость предпринял в то время и я. Главным пунктом моего приговора были «клеветнические» утверждения о существовании в Советском Союзе злоупотреблений психиатрией по политическим мотивам. Но во времена гласности об этой позорной практике писали выходящие миллионными тиражами газеты и журналы («Медицинская газета», «Комсомольская правда», «Огонек»). Более того, существование злоупотреблений психиатрией было официально признано советскими психиатрами, что вернуло советскую психиатрию во Всемирную психиатрическую ассоциацию (ВПА). Сама статья 190-1, по которой меня судили, была уже исключена из Уголовного кодекса. Все это я изложил в Надзорной жалобе, направленной в 1990 году в Прокуратуру РСФСР. Оттуда в декабре мне пришел ответ: «Осуждение Вас Мосгорсудом является правильным (...) Оснований для опротестования приговора не найдено». Только спустя год, после принятия в октябре 1991 года Верховным Советом России «Закона о реабилитации жертв политических репрессий», я (в числе многих своих сотоварищей) был, наконец, реабилитирован.

Итак, правда восторжествовала? Увы, путаница в головах сохранилась и в нынешнее время. Все чаще с экранов телевидения провозглашалось (особенно из уст бывших работников чекистского ведомства): «Приговоры так называемым правозащитникам и диссидентам выносились в соответствии с действовавшими в те времена законами».

Неправда! Закон и в те времена мог карать лишь за клевету, то есть за лживые измышления, выдаваемые за истину. За антисоветскую агитацию и пропаганду, то есть за действия, имеющие цель подрыва или ослабления Советской власти. А не за правдивую информацию, не за повести или стихи, не за помощь узникам совести.

Но я охотно соглашусь, что приговоры диссидентам вполне соответствовали существовавшим в те времена во властных структурах и в КГБ **понятиям**, которые были тогда выше закона.

Пока общество и власть не осознают различие между писаным **законом** и полублатными **понятиями**, не поймут и не усвоят, что только **закон** вправе вершить правосудие, до тех пор у нас не будет защиты от произвола и мы напрасно будем искать справедливость в нашей стране.

Как раз сегодня, когда я дописывал эту маленькую статью, суд в Москве огласил приговор М. Ходорковскому и П. Лебедеву, — по 9 лет лагеря каждому. Я следил за судом по газетам и ТВ и убежден, что на большие сроки осуждены невинные люди. Лично у меня нет сомнений, что процесс этот **заказной**, что за спинами прокурора и судей маячат первые лица государства.

Уверен, что рано или поздно это несправедливое и позорное для нашей юстиции дело будет пересмотрено. Вот только как скоро? И когда Ходорковский и Лебедев выйдут на свободу?

Хотелось бы, чтобы это произошло до истечения срока давности для привлечения к ответственности по статьям УК, карающим за преступления против правосудия.

А пока желаю жертвам Мещанского суда мужества, бодрости и здоровья. И — скорейшего освобождения.

31 мая 2005 года

Р. С. Вечером 2 июня на НТВ в программе В. Соловьева «К барьеру!» в телевизионной дуэли сошлись противники и сторонники Ходорковского. Обвинительный вердикт поддерживал М. Леонтьев, ему противостоял Б. Немцов.

Удивительно: оба оппонента соглашались, что суд был незаконным, а приговор — политически мотивированным. Что Ходорковского осудили не за то, в чем его обвиняли, не за неуплату налогов или мошенничество, а за то, что кому-то «наверху» пришлось не по нраву его политические предпочтения и амбиции.

Только Леонтьев доказывал, что Ходорковского все равно следовало посадить «по государственным соображениям». А Немцов считал, что суд должен был вынести приговор, сообразуясь только с требованиями закона.

Но самое поразительное — результат опроса телезрителей. Голосовавшие по телефону большинством в 60 с чем-то тысяч (против 40) поддержали Леонтьева. То есть в очередной раз общественное мнение высказалось за «справедливость по понятиям».

Меня такой результат теледуэли ничуть не удивил. Ведь в виновности подсудимых старались убедить общественность все государственные телеканалы и почти все газеты. Год назад поражение сторонников Ходорковского могло быть по-настоящему сокрушительным.

Пусть кто-то назовет меня неисправимым оптимистом, но результат телефонного опроса я прокомментировал бы так: «Не стоит отчаиваться. Уже сорока процентам наших сограждан ясно, что суд должен быть на страже не чьих-то групповых или ведомственных понятий, а следовать требованиям писаного закона».

«ЗАЧЕМ» ИЛИ «ПОЧЕМУ»?

В брежневско-андроповские времена правозащитников иногда спрашивали (порой даже с долей сочувствия): а зачем вы всё это делаете? Читаете и даёте читать другим какой-то «самиздат». Устраиваете бесполезные демонстрации, означающие для каждого ее участника годы и годы неволи. Составляете и подписываете петиции и открытые письма, пишете всякие заявления и статьи, за которые потом вас же и судят. Оправданы ли все эти жертвы: аресты, суды, лагерные сроки, заключения в психбольницу, вынужденная эмиграция? Годы и годы мучений и изгойства, а иногда и гибель, — и за что? За втуне заявленный протест, за бесплодно прозвучавшее слово?

Сегодня о диссидентах чаще говорят с насмешкой и осуждением: а какую пользу принесли эти горе-политики? Зачем надо было разваливать великую страну? Стало ли хоть кому-то лучше жить в результате их деятельности? А порой в суждениях о правозащитниках слышится нескрываемая издевка: что ж, за что боролись — на то и напоролись.

Может быть, обличители правы? Чего диссиденты хотели достигнуть и чего достигли своей деятельностью? Ответить на подобные вопросы сложно. Тем более что само понятие «диссиденты» неоднородно и расплывчато. Порой по-диссидентски (то есть открыто выражая свое несогласие с действиями властей) поступали и «отказники», и «националы», и «религиозники». Цели этих категорий протестантов были определены и понятны. Так, депортированные в 1944 году крымские татары требовали возврата в Крым. Множество евреев стремилось то ли уехать в Израиль, то ли просто вырваться из опустылевшего Советского Союза. Жители прибалтийских республик справедливо считали сталинскую оккупацию своих стран в 1940 году актом вопиющего произвола и беззакония. Но и их движение в брежневское время было мирным, — вооруженное сопротивление «лесных братьев»

было подавлено еще к середине 50-х годов. Украинская интеллигенция в 60–70-е годы желала главным образом беспрепятственного развития национальной культуры и в большинстве не стремилась отделиться от России. Но жестокими, инспирированными из Москвы, репрессиями КГБ заставил украинцев понять: только государственная самостоятельность избавит их от произвола «старшего брата». Никаких политических целей не ставили и «религиозники». Это власти незаконными преследованиями, арестами, лагерными сроками, а то и помещением в «психушки» вынудили представителей гонимых конфессий подавать «на выезд», уезжать из СССР. Цели этих категорий диссидентов ныне в основном осуществились: крымским татарам не препятствуют возвращаться в Крым; евреев (как и других, пожелавших эмигрировать из страны) больше не удерживают насильно; бывшие союзные республики стали независимыми государствами; остались в прошлом преследования за религию.

Но существовали еще правозащитники в чистом виде, призывавшие власти соблюдать действующие законы и никого не преследовать за слово и убеждения. Их устремления осуществились лишь отчасти. Да, в октябре 1991 года в России принят Закон о реабилитации жертв политических репрессий. Отменена цензура. Сегодня у нас никого не сажают за анекдоты. Но законы по-прежнему исполняются в России плохо и, что всего хуже, — избирательно. Под прикрытием финансовых споров закрыты все оппозиционные каналы телевидения. Под разными искусственными предлогами исчезают оппозиционные газеты. Вновь начались суды над негодными властям людьми: ученые-экологи вдруг оказываются «шпионами», руководители самых успешных и «прозрачных» нефтяных компаний — злостными неплательщиками налогов, уголовниками и жуликами. Лично я убежден, что за всем этим стоит желание запугать и приструнить «распустившийся» народ, что все это делается «с подачи» первых лиц государства и самого президента страны.

Но вернемся к теме моей статьи. Ведь я задавался вопросом о мотивах деятельности диссидентов. Оговорюсь, — я буду сейчас писать не обо всем их спектре, а главным образом о правозащитниках. Именно их я лучше всего знаю, ибо сам

принадлежал к их числу. Впрочем, каждый человек — это целый мир. И, возможно, кто-то из правозащитников не согласится со мной и назовет другие причины своих действий и поступков.

Защищать несправедливо гонимых — естественное веление души, и диссиденты в большинстве не являлись «политиками». Они не стремились создавать партии, не составляли программ, не предлагали экономических и политических рецептов, не конспирировали. Объясняя мотивы своих выступлений и образ действий, ИГ («Инициативная группа по защите прав человека в СССР», первая в советской истории правозащитная ассоциация) в мае 1970 года писала: *«...ИГ не занимается политикой. Мы не предлагаем никаких позитивных решений в области государственного управления, мы говорим только: не нарушайте собственных законов»*. В мае 1976 года была образована Московская группа «Хельсинки» (МГХ), ставшая по существу преемницей ИГ. Она также выступала в защиту общепризнанных, записанных в Конституции СССР и в международных соглашениях прав как отдельных личностей, так и целых групп людей. Но не планировала переворотов, не призывала к изменению строя, не стремилась захватить власть.

— Как же так? — ехидно возразит мне кто-то. — Неувязочка получается. Вы говорите, что диссиденты — не политики. Между тем в правозащитных документах постоянно говорилось о **политических** преследованиях в Советском Союзе, да и сами диссиденты выступали в защиту **политзаключенных** и **политссыльных**, в том числе своих товарищей и единомышленников.

Но никакой «неувязки» или противоречия я тут не нахожу. Правозащитники не ставили перед собой политических задач, и в этом смысле они действительно (так же, как, например, «религиозники») не являлись «политиками». Именно власти и КГБ, преследуя по собственным политическим соображениям любую оппозицию, превращали их в **узников совести** (то есть в политзаключенных).

Полагаю, что никакими соображениями целесообразности объяснить диссидентский образ действий и поведение невозможно. Если у кого-то на заре петиционных кампаний тлела надежда, что власти прислушаются — к таким разумным

и убедительным! — доводам и не посадят Синявского и Даниэля в лагерь за их повести и рассказы, а Гинзбурга и Галанскова за «Белую книгу» о суде над этими писателями, то эти иллюзии были тотчас развеяны самими властями. Стало ясно, что протесты даже многих сотен людей — ничто перед решимостью карательных органов отвечать на открытые письма лишь новыми репрессиями. И люди, ищущие пользы, конкретной и материальной отдачи от своих действий, отошли от диссидентства. Остались те, для кого подобное поведение было естественным, необходимым внутренне. Для кого выступления против несправедливости диктовались не рациональными доводами, а нравственным императивом. Они, в сущности, не надеялись помочь своими действиями тем, кого защищали (хотя всей душой желали этого). Они не собирались устраивать революций, свергать советскую власть (как бы внутренне к ней ни относились). И ясно понимали, что их поступки повлекут репрессии по отношению к ним самим. Но не могли вести себя иначе.

Вопрос «зачем?» не поможет уяснить побудительные мотивы поведения правозащитников. Сознывая свою правоту, они не верили, что правда может восторжествовать, по крайней мере, на протяжении их жизни. Уместно напомнить популярный в диссидентских кругах тост: «За успех нашего безнадежного дела!»

Но быть может, сам вопрос поставлен неверно, — не «зачем?», а «почему?». Ведь никто не спрашивает: «Зачем ты плачешь?» или: «зачем смеешься?» Слово «зачем» предполагает конкретную цель, вопрос «почему?» — внутреннюю мотивировку. Почему, и не надеясь на победу, правозащитники вступали в борьбу с заведомо сильнейшим противником? Почему, хорошо зная, что никакие протестные письма не спасут арестованных и осужденных, а лишь поставят под удар их самих, диссиденты все равно выступали в защиту гонимых за слово и убеждения? Почему они выходили (случалось — даже в одиночку) на почти безвестные, «самосажательные» демонстрации?

Смешно всерьез рассматривать абсурдную (но предлагавшуюся порой советской пропагандой) версию о том, что диссидентские акции оплачивались ЦРУ, а правозащитники были

просто куплены, наняты западными спецслужбами. Кто, за какие деньги согласится испытать на себе реалии советских тюрем и лагерей?! Где тебя могут запросто «раскрутить» на второй срок и откуда не всем суждено выйти?! Не стану отвергать с порога другое недоброжелательное и – убежден! – неверное для большинства диссидентов объяснение, о том, что их подвигало на борьбу с режимом тщеславие и жажда известности. Было бы удивительно, если бы среди тысяч участников «движения» не нашлось нескольких честолюбцев; встречалась среди них и экзальтированная молодежь, которую влекла «романтика» полуподпольщины: непременно «хвосты» от КГБ, встречи с коррами, звучание по «голосам» обращений и писем с их собственными подписями. Именно честолюбцы чаще ломались и капитулировали на следствии, признавали правоту силы, отрекались и каялись на суде. Увы, арест, следствие и суд – серьезнейший экзамен, и я не стану кидать камень даже в этих не выдержавших сурового испытания людей. Тем более, что таких было немного и не они определяли лицо движения.

Но что же тогда вело правозащитников? Что заставляло их предпочитать житейскому благополучию сначала многолетнее ожидание беды, а затем череду лагерей и ссылок, изгойства за 101-м километром и поднадзорности? Что поддерживало их на этом трудном пути? Выше я уже говорил о нравственной мотивировке поведения диссидентов. Но может быть, это лишь мое впечатление? Или аберрация памяти? Как все это подтвердить или опровергнуть? Попробуем раскрыть документы тех лет. Выслушаем свидетельства самих участников правозащитного движения.

Демонстранты против советской оккупации Чехословакии, – неужели же они наивно надеялись, что их крохотное выступление на Красной площади остановит танковую армаду!?! Конечно, нет. Вот что они говорили на суде.

Лариса Богораз: *«У меня было... соображение против того, чтобы пойти ...соображение о практической бесполезности демонстрации, о том, что она не изменит ход событий. Но... для меня это не вопрос пользы, а вопрос моей личной ответственности»...* *«Для меня промолчать – значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать – значило для меня солгать».*

Павел Литвинов, отвечая на вопрос прокурора, пошел ли бы он на демонстрацию один, ответил: *«Безусловно»*.

В своем последнем слове Вадим Делоне сказал: *«Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы»*.

Татьяна Великанова, жена Константина Бабицкого, на вопрос прокурора, отговаривала ли она мужа от участия в демонстрации, ответила: *«Я не считала себя вправе его отговаривать, если это его убеждение и он действовал по велению совести»*.

(Хорошо помню, как я говорил в те дни одному своему другу: *«Демонстранты, сидящие в тюрьме, — сейчас самые свободные из наших сограждан»*).

Тоша (Анатолий) Якобсон и Илья Габай лишь по стечению обстоятельств не вышли вместе со своими товарищами на Красную площадь: Тоша ничего не знал о предполагавшейся демонстрации, а Ильи вообще не было в Москве. Вот что писал Якобсон в листовке о выступлении своих отважных друзей: *«...если бы даже демонстранты не успели развернуть свои лозунги и никто бы не узнал об их выступлении, — то и в этом случае демонстрация имела бы смысл и оправдание... Демонстрация 25 августа — явление не политической борьбы... а явление борьбы нравственной»*. И далее: *«достоинство человека не позволяет ему мириться со злом, если даже он бессилен это зло предотвратить»*.

Мучительно переживая подобную нравственную дилемму, Габай писал в своей лагерной поэме: *«Мне стыдно, что я жив, когда творят пражез»*.

Позволю напомнить, что и я, решившись войти в Рабочую комиссию по психиатрии (РК) и сознавая неизбежность расплаты за этот шаг, мотивировал свое решение тем, что *«...не угрозы и страх, а совесть и долг должны определять поступки людей»*.

Быть может, выслушав эти объяснения, читатель поймет, почему сами диссиденты определяли порой свою деятельность как движение нравственного сопротивления.

Было еще одно отличие правозащитного крыла диссидентства, делающее его в некотором роде интегрирующим и универсальным. Его приверженцы защищали не только *«своих»*, но и всех преследуемых за слово и убеждения. Разумеется,

подобные выступления не были свойственны исключительно правозащитникам. Случалось, что и «националы» из союзных республик, и «отказники», и «религиозники» тоже выступали в защиту преследуемых властями участников других диссидентских «конфессий». Но это было скорее исключением из правил. Для правозащитников же подобные выступления были в порядке вещей. Порой неосознанно, они следовали заповеди *делать добро не только тем, кто и им делал добро*, но часто выступали в защиту «чужих», случалось даже их *ненавидящих и проклинающих*.

Так, в седьмом номере самиздатской «Хроники», ставшей голосом правозащитников, сообщалось об аресте и последующем помещении в спецпсихбольницы А. Фетисова и трех членов его группы, — лиц, придерживавшихся тоталитарных, сталинистских и антисемитских убеждений. Относясь отрицательно к идеям Фетисова (считавшего, к примеру, что Синявского и Даниэля следовало расстрелять), «Хроника» призывала не забывать, что «фетисовцы» фактически осуждены за взгляды, и называла безнравственными насмешки над людьми, находящимися в заключении, тем более удовлетворение тем, *что власти отправили твоего идейного противника «в желтый дом»*.

Уже в первом номере «Хроники» помещено сообщение о закончившемся в Ленинграде процессе по делу ВСХСОНа. А ведь «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (в котором было около тридцати членов) был организацией чуждой правозащитным идеям. В теории ВСХСОН не исключал в будущем даже насильственных действий с применением оружия. В своем девятнадцатом номере «Хроника» опять писала о судьбе ВСХСОНовцев.

Надо ли множить примеры? В сентябре 1975 года издателя и редактора самиздатского журнала «Вече» В. Осипова приговорили к 8 годам строгого лагеря. С заявлением в защиту Осипова тотчас выступил академик А. Д. Сахаров, который, как писал он сам, не разделял ни большинства убеждений «почвенника» и «государственника» Осипова, ни позиций его журнала. Ряд правозащитников также подписали письмо в защиту Осипова. (По контрасту мне запомнилось жесткое высказывание в личной беседе со мной одного диссидента-«государственника», — что единственная польза от деятель-

ности Сахарова состоит в том, что пока легион сотрудников КГБ следит за академиком и его окружением, православные патриоты могут с большей легкостью доставлять в Россию из-за рубежа религиозную литературу).

Эту линию — защищать всех гонимых за слово — неизменно проводили в своих выступлениях и **Инициативная группа**, и **Московская группа «Хельсинки»**. Так, МГХ выступала в защиту всех узников совести, всех «религиозников» независимо от их конфессий, в защиту содержащихся в лагерях «25-летников», инвалидов, стариков и женщин. В мае 1979 года МГХ приняла в защиту основателя ВСХСОНа специальный документ — «Жизнь политзаключенного Игоря Огурцова в опасности». В январе 1980 года был арестован православный проповедник о. Дмитрий Дудко, — и МХГ и несколько других правозащитников тотчас выступили и в его защиту. Впрочем, вскоре Дудко гораздо эффективнее защитил себя сам, — выступив с покаянным телеинтервью, он вышел на свободу.

Так почему же диссиденты выбирали для себя опасный путь оппозиции тоталитаризму? Потому что не хотели мириться с произволом властей и видели в гласности единственное средство противостоять беззаконию. Потому что, даже не надеясь добиться справедливости, а тем более свергнуть жестокий режим, они не желали соучаствовать своим молчанием в его преступлениях.

Человеческая песчинка не властна по собственному произволу изменить мир. Зато человек всегда может поступить согласно своей совести. А мир будет меняться сам по себе, почти всегда неожиданным и не предвиденным нами образом. Тех, кто просчитывает вероятные последствия своих действий (особенно в сфере политики), зачастую ожидают горькие разочарования. И напротив, случается, что нерасчетливые поступки одиночек (безрассудные и чуть ли ни глупые в глазах современников) история признает высокими и мудрыми.

Не крохотная горстка правозащитников сокрушила тоталитарный монстр, — его крах был обусловлен всем ходом истории и, прежде всего, банкротством большевистской идеологии. Не злоумышленники-диссиденты развалили СССР, — распад советской империи был неотвратим. Его лишь ускорили непо-

сильные расходы на «оборонку», обусловленные экспансионистскими устремлениями и амбициями кремлевских геронтократов. Наивно связывать происшедшие в нашей стране громадные перемены с диссидентским движением. Они стали интегральным результатом всего хода истории. А не плодом деятельности немногих сотен (пусть даже тысяч!) противостоявших тирании людей. В смысле практических результатов диссидентство 60–80-х годов оказалось бесплодным. Но в духовном плане оно было существенным и важным.

Диссиденты дали обществу пример ненасильственного противления злу, нравственного сопротивления тирании. Первыми в советской истории они начали открыто противостоять тоталитаризму. При этом они были обыкновенными людьми, а вовсе не «рыцарями без страха и упрека». Они не были ни честнее, ни умнее, ни смелее своих предшественников — безвинных жертв и мучеников сталинщины.

Дело было в другом. Будущее, говорят, отбрасывает свою тень в настоящее. Уже явственно ощущались веяния новых времен. Было осуждено и ушло в прошлое пыточное следствие. Открытое несогласие с действиями властей больше не грозило расстрельным приговором. Была разоблачена (самими властями!) кровавая мясорубка конца 30-х, репрессии послевоенных лет, продолжавшиеся вплоть до самой смерти тирана. Многие тысячи реабилитированных вышли на свободу. А главное — рассеивалось наваждение «единственно верного учения», морок большевизма. И новое поколение сделало свой вывод из уроков прошлого: нельзя молчать, когда творится несправедливость!

А если протесты не приносят желанных результатов? Если выступать в чью-то защиту бесполезно? Больше того — опасно?

Но все равно — **стыдно молчать!**

Кажется, это слова Альберта Эйнштейна: «**В силах одного человека лишь служить примером для других и мужественно защищать нравственное начало.**»

Октябрь 2004 года

Содержание

От автора	5
-----------------	---

ТЕРНИСТЫМИ ТРОПАМИ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Воспоминания

Мне без вас одиноко	9
Старый пират	27
Жертвенный огонь	38
Побег	57

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Идейное наследство правозащитного движения	67
Сага о «Хронике»	74
Тайна ИГ	189
Закон и «понятия»	274
«Зачем» или «почему»?	279

Леонард Борисович Терновский

Воспоминания и статьи

Подписано в печать 15.03.06. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12

Издательство «Возвращение»

123436 Москва, ул. Маршала Бирюзова, 34, кв. 58

Тел./факс: 196-02-26, vozvrashchenie@bk.ru

Отпечатано в типографии ИД «Сова»

630060 Новосибирск, Зеленая горка, 1

Тел./факс: (383) 332-48-45, id_sova@mail.ru

ISBN 571570199-6

9 795715 701991